

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (10)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2012**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (10)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2012**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Кутузов А.Г.</i>	ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
<i>Рябов В.В.</i>	президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i>	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Иванова Т.С.</i>	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ
<i>Радченко О.А.</i>	проректор по международным связям ГБОУ ВПО МГПУ, доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Данилов А.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Карначёв С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Леванов Б.В.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Митрофанов К.Г.</i>	кандидат педагогических наук, доцент
<i>Михайловский Ф.А.</i> ответственный редактор	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Корнилов В.А.</i> Отечественная война 1812 г. в трудах академика Е.В. Тарле	8
<i>Карпачёв С.П.</i> Война 1812 г. и русское масонство: статистика и биография	16
<i>Сучков И.В.</i> Исторические аспекты «Философических писем» П.Я. Чаадаева	24
<i>Ушаков А.В.</i> Промышленность Москвы в конце XIX – начале XX в.	31
<i>Ершова Т.В.</i> Золотой запас России накануне и во время Первой мировой войны	38

Новейшая история России

<i>Васильева Т.В., Долгов К.А., Скрыпников А.В.</i> Страницы истории России: «антоновщина» как социальный феномен	50
<i>Гусева Ю.Н., Рябов В.В.</i> Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг.	64

Всеобщая история

<i>Михайловский Ф.А.</i> Развитие трибунских полномочий Октавиана Августа	74
<i>Когут Е.В.</i> Акты Афона как источник гендерной истории Византии	80
<i>Шириня К.К.</i> Как вызволили Г. Димитрова из гитлеровской тюрьмы	89
<i>Барабанов М.В., Жиряков И.Г.</i> Круглый стол ПОРП и оппозиции в истории современной Польши: российский взгляд	103

<i>Пашенцев Е.Н.</i> Стратегическая коммуникация США: Проблемы нарастают.....	111
--	-----

Методика преподавания истории

<i>Кувшинова Е.Е.</i> Методика исторического исследования центра Москвы	119
--	-----

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Симонова Е.В., Соколов А.С.</i> Рецензия на учебное пособие: Кириллов В.В. История России: учебное пособие для бакалавров. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2012. 663 с.	127
---	-----

Научная жизнь

<i>Базаркина Д.Ю., Барышев И.С., Виноградова Е.А., Полунина О.С.</i> На международных конференциях: от студента до докторанта.....	131
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

2012, № 2 (10)	136
-----------------------------	-----

Требования к оформлению статей	139
---	-----

CONTENTS

History of Russia: From Ancient Times to 1917

<i>Kornilov V.A.</i> The Patriotic War of 1812 in Works of Academician E. V. Tarle	8
<i>Karpachyov S.P.</i> The War of 1812 and the Russian Freemasonry: Statistics and Biographies.....	16
<i>Suchkov I.V.</i> Historical Aspects of P.Y. Chaadaev's «Philosophical Letters»	24
<i>Ushakov A.V.</i> Industry of Moscow at the Late XX th and Early XX th Centuries	31
<i>Ershova T.V.</i> The Gold Reserve of Russia Before and During First World War.....	38

Modern History of Russia

<i>Vasil'eva T.V., Dolgov K.A., Skrypnikov A.V.</i> Pages of the History of Russia: «Antonovschina» as the Social Phenomenon.....	50
<i>Guseva J.N., Ryabov V.V.</i> Trends in the Spiritual Life of the Muslim Congregations of the Middle Volga Regions in the 1920s	64

General History

<i>Mikhailovsky F.A.</i> Development of Tribunician Prerogatives of Octavian Augustus.....	74
<i>Kogut E.V.</i> Athos' Acts as a Source of Gender History of Byzantium	80
<i>Shirinja K.K.</i> How G. Dimitrov was Rescued from Hitlerite Prison.....	89
<i>Barabanov M.V., Zhiryakov I.G.</i> The Round Table of Polish United Workers' Party (PORP) and Opposition in History of Modern Poland: Russian View	103

<i>Pashentsev E.N.</i> Strategic Communication of the USA: Problems Accrue.....	111
--	-----

Methodology of Teaching History

<i>Kuvshinova E.E.</i> The Methodology of Historical Research of Moscow City Center.....	119
---	-----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Simonova E.V., Sokolov A.S.</i> Review of the Book by V.V. Kirillov «History of Russia: Training Appliance for Bachelors. 5-th edition. M.: Jurait, 2012. 663 p.....	127
---	-----

Scientific Events

<i>Bazarkina D.Eu, Baryshev I.S., Vinogradova E.A., Polunina O.S.</i> On the International Conferences: From Student to Doctoral Candidate....	131
---	-----

Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies», 2012, № 2 (10).....	136
--	-----

Style Sheet.....	139
-------------------------	-----

**История России:
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
до 1917 года**

В.А. Корнилов

**Отечественная война 1812 г.
в трудах академика Е.В. Тарле**

В статье рассматривается историческая концепция выдающегося русского и советского историка Е.В. Тарле (1875–1955) по истории Отечественной войны 1812 г. Анализируются основные труды ученого, посвященные этой теме: его взгляды по наиболее дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Е.В. Тарле.

Евгений Викторович Тарле (1875–1955) — выдающийся русский и советский историк, необыкновенно талантливый ученый и публицист. Редко кто из ученых-историков пользовался столь большой популярностью у читателей в нашей стране и за рубежом. К сожалению, в последние десятилетия творчество Е.В. Тарле незаслуженно утратило былую известность, что отнюдь не свидетельствует о потере значимости его исследований.

Несколько слов о жизненном пути Е.В. Тарле. В 1892 г. он поступил в Киевский университет, а уже в 1896 г. опубликовал две научные статьи. С самого начала научные интересы Е.В. Тарле были очень разнообразны. Свободно владея несколькими иностранными языками, начиная с 1898 г. он ежегодно выезжал за границу для работы в архивах стран Западной Европы. В начале XX в. Е.В. Тарле был уже общепризнанным ученым, специалистом по европейской истории, профессором Санкт-Петербургского университета. Участвуя в уличной демонстрации в октябре 1905 г., Е.В. Тарле был серьезно ранен, получив сабельный удар поперек спины.

По своим взглядам Е.В. Тарле не был марксистом, хотя опубликовал ряд работ по истории рабочего класса Франции, о Великой французской революции. Несомненно, он признавал проблему классово-борьбы, однако, он не признал Октябрьскую революцию 1917 г. Е.В. Тарле был близок к тому, чтобы покинуть страну, но он этого не сделал. Сила его научного таланта была такова, что он быстро получил признание в СССР и уже в 1921 г. был избран членом-корреспон-

дентом Академии наук, а чуть позднее — академиком. Исследования Е.В. Тарле публикуются широко, но его высокое научное звание не избавляло его от многочисленных критических высказываний в печати. Несмотря на сложные взаимоотношения с властью, Е.В. Тарле напряженно работал и был трижды удостоен Государственной премии СССР и награжден тремя орденами Ленина.

Труды Е.В. Тарле по войне 1812 г. можно подразделить на две группы: написанные непосредственно об Отечественной войне и работы по европейской истории, которые воссоздают широкую картину той эпохи. Война против России является составной частью этого анализа.

В 1912 г. в России прошли большие празднества, посвященные 100-летию Отечественной войны. К юбилею был выпущен семитомный сборник статей «Отечественная война и русское общество» [2]. В этом грандиозном издании приняли участие практически все выдающиеся историки той эпохи. Среди них был и Е.В. Тарле, написавший статью «Возвращение Наполеона». Эта статья непосредственно не разбирает события Отечественной войны, но она лишней раз доказывает, что войну 1812 г. не следует рассматривать в отрыве от других сопряженных событий истории. Нужно подчеркнуть и еще одно наблюдение: крупные историки очень часто относятся скептически к юбилейным изданиям. Однако, если рассматривать юбилей войны 1812 г., историки во всех эпохах относились к нему с большой симпатией.

Статья Е.В. Тарле, написанная по случаю столетия войны, по существу явилась началом исследования большой проблемы: истории наполеоновской Франции и личности самого Наполеона. Можно сказать, что венцом этой двадцатилетней деятельности была опубликованная в 1936 г. его книга «Наполеон», которая позднее много раз переиздавалась и была переведена на ряд европейских языков.

К началу XX в. основные представления российского общества о Наполеоне складывались, исходя из художественных описаний Л.Н. Толстого. Хорошо известно, что Толстой очень скрупулезно относился к достоверности источников и материалов, которыми он пользовался в изложении реальных событий своего знаменитого романа. Вместе с тем перед ним не стоял вопрос многостороннего описания деятельности одной из величайших фигур европейской истории. Поэтому читатели находили у Толстого определенный субъективизм при описании событий и личностей. Видел это и историк Е.В. Тарле. В статье, написанной в 1938 г. «Лев Толстой и миссия генерала Балашова» [6], он берет под защиту точку зрения писателя на одно из самых первых событий начавшейся войны — весьма странный визит министра полиции А.Д. Балашева к Наполеону при пересечении французской армией границы России с целью начать мирные переговоры. Разбирая частности встречи Балашева и Наполеона, Е.В. Тарле показал, что отдельные утверждения Толстого могли не соответствовать реалиям, но вполне отражали общий патриотический настрой писателя.

Возвращаясь к труду Е.В. Тарле «Наполеон», обратим внимание на один из ключевых вопросов: когда стал складываться план императора вторжения в Россию. Пользуясь европейскими источниками, Е.В. Тарле пришел к заключению, что устойчивые намерения войны с Россией сложились у Наполеона в январе 1811 г. [4: с. 243], когда он пришел к парадоксальному выводу: экономическое удушение Англии возможно только путем военной победы в Москве. Убедить его в каком-то другом решении было уже невозможно. Непомерность такой победы Наполеона совершенно не смущала. Е.В. Тарле не находит никаких объективных факторов, подталкивавших Наполеона к войне с Россией.

В феврале – марте 1812 г. Наполеон принудил Пруссию и Австрию предоставить свои армии для войны с Россией. После этого подготовка к войне переставала быть тайной. В мае 1812 г. Наполеон покинул Париж и направился на восток к своей великой армии. Никаких неожиданностей для российского командования не могло быть. Есть, правда, одна деталь, которую подчеркивал Е.В. Тарле: первоначально Наполеон называл свои действия как «вторая польская война». Скрывались ли за этим его сомнения о необходимости вторжения вглубь России, или он ожидал устрашающего давления с целью больших уступок со стороны Александра I — сегодня на это ответить практически невозможно.

Касаясь собственно событий вторжения в Россию, Е.В. Тарле не привносит в описание что-то новое по сравнению со своими историками-предшественниками. В связи с этим хотелось бы затронуть один сюжет — отношение Наполеона к крепостному праву. Документальная основа по данному вопросу у историка была минимальная. Он пишет, что, оказавшись в Москве, Наполеон приказывает разыскать в архивах сведения о Пугачеве и тут же оговаривается, что найти их не удалось [4: с. 274]. Можно сказать, что Е.В. Тарле опирался на некие исторические представления. Он пытается ответить на вопрос, что «удержало руку Наполеона» от привлечения на свою сторону «многомиллионную крепостную массу»? Ответ на этот вопрос не подтверждается документально. Суть его связана с тем, что Наполеон пришел к власти именно на подавлении крестьянских движений в 1789 г. во Франции. Он готов был идти на переговоры с романовской империей, но совершенно не был расположен «вызвать на сцену тень Пугачева».

Не совсем традиционно Е.В. Тарле рассматривает вопрос о планах и действиях Наполеона после занятия Москвы. Он вынашивал план движения на Петербург, что было бы весьма трагично для России. Причина, по которой он не совершил этого, кроется, по мнению Е.В. Тарле, совсем не в том, что его армия была сильно потрепана в войне. Во второй половине 1812 г. в Москву прибыли серьезные подкрепления французских войск, и армия была вполне боеспособна [4: с. 277]. Дело в том, что французские войска и их маршалы не понимали цели дальнейших военных действий; войска просто растекались по огромным просторам России, и единственным приемлемым решением было движение об-

ратно по Старой Калужской дороге. В связи с этим Тарле излагает совсем не традиционную точку зрения, что знаменитый Тарутинский маневр русской армии был совершен, вопреки желанию Кутузова, генералом Беннигсеном на свой страх и риск.

В исторической литературе существует несколько версий событий завершающего этапа Отечественной войны, и в частности сравнительно удачной переправы Наполеона через Березину. Наиболее распространенное мнение — это был результат просчетов и ошибок командующего Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова, который располагал большой боеспособной армией и при этом не смог отрезать и окружить изможденные французские войска. Не отказываясь от этой версии совсем, Е.В.Тарле доказывает, что русские войска под командованием Кутузова были вымотаны не меньше наполеоновских. Они насчитывали около четвертой части состава по сравнению с тем, что было под Малоярославцем. В таких условиях русская армия не выдерживала темп наступления и не в состоянии была оказывать давление на наполеоновскую армию, а сам Кутузов серьезно опасался Наполеона [4: с. 285].

Е.В. Тарле очень убедительно показывает психологическое состояние Наполеона: при сильнейших поражениях и невероятных потерях армии он был «совершенно спокоен» и не считал все произошедшее катастрофой. Наполеон признавал свои ошибки, в частности, затянувшееся пребывание в Москве, но не раскаивался в авантюристике самого похода. Покидая Армию, он был полон решимости в кратчайшие сроки совершить реванш. При всей глубине анализа образа Наполеона Е.В. Тарле, несомненно, идеализировал его, хотя общая патриотическая направленность изложения войны в России присутствовала в книге.

Другой весьма популярной работой Е.В. Тарле была книга «Нашествие Наполеона на Россию», написанная в 1938 г. Она многократно переиздавалась и имела огромную популярность в годы Великой Отечественной войны. К моменту написания работы Е.В. Тарле располагал обширными материалами, собранными его предшественниками, как в России, так и за рубежом. Это позволило ему представить широкую картину событий во всех ее противоречиях. Объемное видение событий — наиболее заметная черта творческого феномена Е.В. Тарле. Он не имел жесткой привязанности к отдельным источникам, что не мешало ему бережно относиться к фактам. В этом смысле он не разделял модернистские концепции, которые развивались в кругах европейских историков, и его взгляд можно назвать несколько консервативным. Ряд трактовок событий переходят у Е.В.Тарле из одной работы в другую, что не умаляет заслуги ученого. Высокий уровень персонификации событий вызывает живой интерес у читателей, и не только у историков.

Большое внимание Е.В. Тарле уделял начальному этапу войны с Наполеоном. Как известно, противник совершает нападение, когда уверен в превосходстве своих армий. В эпоху Наполеоновских войн соотношение сил пре-

допределялось в значительной степени численностью войск. В исторической литературе было немало споров о численности наполеоновской армии, вторгшейся в Россию. Е.В. Тарле исходит из того, что к началу кампании Наполеон располагал 360 тыс. пехоты, 70 тыс. кавалерии и 35 тыс. артиллерии. Это был огромный потенциал. Скорее всего, это реальные цифры, так как большую численность сосредоточить в одном месте французская армия не могла: не позволяли запасы продовольствия и фуража. Расчет исходил из того, что 400-тысячная армия должна быть обеспечена на 50 дней войны [1: с. 24].

Обратимся теперь к численности русской армии. Е.В. Тарле пишет, что Наполеон полагал, что ему противостоит приблизительно 200-тысячная армия. В действительности войск было гораздо меньше: 1-я армия Баркляя насчитывала 118 тыс. человек; 2-я армия Багратиона 35 тыс. [5: с. 487]. Были еще армии Тормасова и Дунайская, но они не противостояли ударной группе французов. Таким образом, превосходство было подавляющим.

Е.В. Тарле подробно разбирает нервную и даже конфликтную обстановку в среде высшего командования русской армии. Не лишне будет заметить, что в штабах русской армии было сосредоточено много военных авторитетов европейского уровня, каждый из которых жестко настаивал на своей позиции. Один из вопросов, который разбирает Е.В. Тарле, это — кому принадлежит план отступления вглубь России. Здесь он подчеркивает роль выдающегося военного теоретика К. Клаузевица, находившегося на русской службе. Едва ли можно признать такое утверждение, так как Клаузевиц служил в непосредственном подчинении генерала К. Фуля — противника такой тактики. В действительности военная обстановка складывалась таким образом, что отступление было единственным выходом из положения. Е.В. Тарле признает значение М.Б. Баркляя де Толли в принятии решения двигаться вглубь страны.

В историографии Отечественной войны широко представлены описания военных действий на главном направлении и вскользь упоминаются операции, проводимые 3-й армией под командованием генерала А.П. Тормасова. Е.В. Тарле мало упоминает об этом театре войны. В данном случае историк оказался в плену традиций историографии, замалчивающих о юго-западном направлении войны. Между тем следует вспомнить, что 3-я армия насчитывала 46 тыс. человек, что намного превышало численность 2-й армии под командованием П.И. Багратиона. Армия успешно вела военные действия, и первая добилась победы над наполеоновской армией 27 июля под Кобриним. Е.В. Тарле пытается даже принизить эту победу, заявляя, что у «Тормасова не хватило умения и сил развить свой успех» [5: с. 551]. В дальнейшем 3-я армия была объединена с Дунайской армией и поступила под командование адмирала П.В. Чичагова, ставшего негативной персоной в описаниях Е.В. Тарле. Возвращаясь к имени Тормасова, следует сказать, что он незаслуженно забыт. После оставления русскими войсками Москвы Тормасов был назна-

чен командующим Главной армией, фактически на смену Кутузова, и пробыл в этой должности вплоть до середины 1813 г.

Большой интерес представляют рассуждения Е.В. Тарле об отношении общества к вторжению Наполеона в Россию. Здесь нет особой необходимости с подробностями описывать отношение к нему дворянства: хорошо известно, что после Тильзитского мира 1807 г. и включения страны в континентальную блокаду помещики, да и беспоместное офицерство отрицательно реагировали на наполеоновскую Францию. Сложнее было с крестьянством. Угроза войны и позднее сама война были событиями столь масштабными, что вести о них глубоко проникали в крестьянскую среду, даже в те регионы, которые были сильно удалены от сравнительно узкой полосы военных действий. В неграмотной стране, где были самые незначительные средства массовых коммуникаций, информация поступала через рекрутские наборы, формирование ополчений, сборы пожертвований и, наконец, просто по слухам.

На первых порах крестьянство заняло позицию сдержанного ожидания, но Наполеон никак не повлиял на правовой статус крепостных, и общее настроение быстро повернулось против французов. Как отмечал Е.В. Тарле, разорение крестьян проходившей армией завоевателей вызвало чувство ненависти к неприятелю и партизанское движение. В России резко снизилась волна антикрепостнических выступлений; обременительные рекрутские наборы обходились фактически без эксцессов, а наборы в ополчение проходили даже с воодушевлением. Пошли слухи, что ратники после войны получают свободу [5: с. 621–622, 627]. Получалось, что война серьезно снизила напряжение социального противостояния в крепостной деревне, и это ощущалось достаточно долго после войны.

В работе Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию 1812 г.» весьма подробно освещен завершающий этап войны. Это, безусловно, трагическая часть событий 1812 г. как для Наполеона, так и для русского командования. Историк показывает, что французская армия понесла большие потери и была вымотана физически, но вопреки мнению многих историков сохранила свою боеспособность; русская же сторона, располагая перевесом сил, испытывала множество проблем. Армия Кутузова значительную часть пути наступала по дважды «вытопанному» Наполеоном маршруту. Войска бедствовали. Природный фактор действовал на русских не меньше, чем на французов. Кроме того, русское командование не имело консолидированного плана: Кутузов, Чичагов и Витгенштейн, командовавшие тремя армиями, имели разные взгляды на конец войны. Кутузов не стремился «поймать» Наполеона и, таким образом, свергнуть его. На таком сценарии настаивал Александр I, находившийся в Петербурге. Чичагов, любимец царя, был назначен в героико-победители, но действовал очень вяло, и, несмотря на его преимущества, Наполеон тактически опережал адмирала. Витгенштейн, конечно, сковывал действия французов, но в активные действия не вступал.

Для России трагично было то, что, имея перевес сил у Березины, войска дали возможность Наполеону переправиться и не достигли полной победы. Для наполеоновской Франции трагедией были огромные людские потери и, в конечном итоге, бессмысленность всего похода. Все эти события в деталях представлены в работе Е.В. Тарле.

Рассматривая творческую деятельность академика Е.В. Тарле в год 200-летия Отечественной войны 1812 г., важно обратить внимание на то, что им было написано много крупных работ по европейской истории, которые тесно соприкасаются с событиями противостояния России и наполеоновской Франции. Среди них крупная монография «Континентальная блокада» [3], опубликованная в 1912–1913 гг. Этот труд написан полностью на основе французских архивов. Несмотря на то, что он подготовлен более века назад, более полного описания этой международной проблемы у нас в стране нет.

Как известно, одной из важнейших причин вторжения Наполеона было несоблюдение Россией условий Тильзитского мира 1807 г. Е.В. Тарле подробно разбирает донесения французских негоциантов о поступлении английских товаров в Россию и дипломатических шагах Наполеона. Между тем из-за блокады российские цены на зерно стремительно падали, что непосредственно приводило к падению курса ассигнационного рубля, и очень плохо отражалось не только на экономике России, но и на ее французских торговых партнерах. В таких условиях военный конфликт между Россией и Францией был неизбежен. Как отмечал Е.В. Тарле, «экономические интересы России были абсолютно непримиримы с самим принципом континентальной блокады» [3: с. 367].

Рассматривая исторические описания Е.В. Тарле, соприкасающиеся с темой войны 1812 г., нельзя не упомянуть его работу «Талейран», написанную в 1939 г. Талейран был архитектором внешней политики Франции, как при Наполеоне, так и в годы реставрации. Его политика отличалась чудовищным лицемерием и цинизмом. В 1808 г. в Эрфурте Талейран встречался с Александром I, где впервые обнаружилась его двойная игра по отношению к Наполеону. Позднее он поддерживал тайные связи с Петербургом, что подробно изложено у Е.В. Тарле. В 1810 г. Талейран был отправлен в отставку, но его тайные связи с Петербургом после этого только усилились. Он доносил в Россию, что война неизбежно начнется весной 1812 г. [7: с. 97]. В последующем роль Талейрана в русско-французских отношениях была весьма значительна, но это выходит за рамки истории Отечественной войны.

Е.В. Тарле написал много других, более мелких работ по данному вопросу, но охватить в одной статье все их невозможно. Его творчество отличается широчайшей эрудицией и научной компетентностью. Труды ученого пронизаны глубоким чувством патриотизма и стремлением оградить отечественную историю от спекулятивных нападок ее недоброжелателей.

Литература

1. *Ниве П.А.* Отечественная война 1812 г. Т. 1. СПб.: б / изд, 1911. 300 с.
2. Отечественная война и русское общество. Т. 1–7. М.: Изд. И.Д. Сытин, 1911–1912.
3. *Тарле Е.В.* Континентальная блокада // Тарле Е.В. Сочинения. Т. III. М.: Академия наук, 1959. С. 9–509.
4. *Тарле Е.В.* Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения. Т. VII. М.: Академия наук, 1959. С. 13–409.
5. *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е.В. Сочинения. Т. VII. М.: Академия наук, 1959. С. 435–738.
6. *Тарле Е.В.* Лев Толстой и миссия генерала Балашова // Тарле Е.В. Сочинения. Т. XI. М.: Академия наук, 1961. С. 752–754.
7. *Тарле Е.В.* Талейран // Тарле Е.В. Сочинения. Т. XI. М.: Академия наук, 1961. С. 11–228.

References

1. *Nive P.A.* Otechestvennaya vojna 1812 g. T. 1. SPb.: b / izd, 1911. 300 s.
2. Otechestvennaya vojna i russkoe obshhestvo. T. 1–7. M.: Izd. I.D. Sy'tin, 1911–1912.
3. *Tarle E.V.* Kontinental'naya blokada // Tarle E.V. Sochineniya. T. III. M.: Akademiya nauk, 1959. S. 9–509.
4. *Tarle E.V.* Napoleon // Tarle E.V. Sochineniya. T. VII. M.: Akademiya nauk, 1959. S. 13–409.
5. *Tarle E.V.* Nashestvie Napoleona na Rossiyu // Tarle E.V. Sochineniya. T. VII. M.: Akademiya nauk, 1959. S. 435–738.
6. *Tarle E.V.* Lev Tolstoj i missiya generala Balashova // Tarle E.V. Sochineniya. T. XI. M.: Akademiya nauk, 1961. S. 752–754.
7. *Tarle E.V.* Talejran // Tarle E.V. Sochineniya. T. XI. M.: Akademiya nauk, 1961. S. 11–228.

V.A. Kornilov

The Patriotic War 1812 in Works of Academician E.V. Tarle

The article considers the historical concept of outstanding Russian and Soviet historian E.V. Tarle (1875–1955) on history of the Patriotic war of 1812 in Russia. The basic works of the scientist devoted to this theme and his views on the most debatable questions are analyzed.

Key-words: The Patriotic war 1812; E.V. Tarle.

С.П. Карпачёв

Война 1812 г. и русское масонство: статистика и биографика

В статье исследуется влияние Отечественной войны 1812 г. на русское масонство. Впервые по отношению к масонским ложам и их «братьям» применяется статистический метод исторического исследования и предпринимается попытка набросать эскиз коллективной биографии одной из масонских групп начала XIX в. — участников боевых действий войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Основная концепция работы заключается в тезисе о восприятии победителями такой части духовной культуры побежденных, как «королевское искусство».

Ключевые слова: война 1812 г.; масонство; биографика; историко-статистический метод.

Российское масонство начала XIX в. неоднократно являлось предметом исследований отечественной историографии. О масонах собран обширный материал в обобщающих работах В.С. Брачева, О.П. Ведьмина, А.Н. Пыпина, А.И. Серкова, Т.О. Соколовской, О.Ф. Соловьёва [1; 2; 6; 7; 9; 10]. Авторское видение этого феномена также изложено в ряде работ [3; 4]. В данной статье впервые предпринимается попытка использовать историко-статистический метод для изучения процессов, происходивших в русском масонстве в связи с Отечественной войной 1812 г., и набросать эскиз коллективной биографии одной из масонских групп начала XIX в. — участников боевых действий войны 1812 г. и заграничных походов русской армии.

Основным источником второго порядка для статьи послужила фундаментальная энциклопедия русского масонства А.И. Серкова. При ее подготовке автор проделал работу, которая составила бы честь целому квалифицированному научному коллективу. В ней на основе огромного массива литературы и документов выявлен и приведен практически полный на сегодняшний день список российских каменщиков XVIII–XX вв. Труд А.И. Серкова открывает большое информационное поле для дальнейшего исследования истории русского масонства [8]. При подготовке статьи использован значительный корпус документальных публикаций [5: с. 360–367; 496–6351].

Приведенные в Энциклопедическом словаре А.И. Серкова данные показывают, что после отмены запрета масонских лож в начале Александровского царствования и до ликвидации масонства в России действовало 100 мастерских «вольных каменщиков». Из них до начала Отечественной войны 1812 г. существовало 27 лож или четверть от их общей численности.

В годы войны и во время заграничных походов русской армии было сформировано 11 военно-походных и зарубежных масонских мастерских. Последние были предназначены для совместных работ офицеров союзных войск. К ним, в частности, относились дрезденские ложи «Золотое Яблоко», «Трех мечей», ложа «Железного креста» в Берлине.

Таким образом, по окончании боевых действий насчитывалось 38 российских масонских цеха. Общение с культурой неприятеля привело к росту масонских организаций в России. В послевоенный период и до указа Александра I от 1 августа 1822 г. о запрете тайных обществ в Империи сформировались 62 масонские ложи. Персональный состав масонов— участников боевых действий 1812–1814 гг. помогает выявить словарь А.И. Серкова.

Таблица 1

Абсолютная и относительная численность масонов с «довоенным стажем»

Возрастная категория	К-во чел.	В %% к итогу
Более 50 лет	8	10,3
40–50	15	19,2
30–39	11	14,1
20–29	31	39,7
До 20 лет	6	7,7
Неизвестна	7	9,0
Итого	78	100

Среди участников боевых действий русской армии в 1812–1815 гг. насчитывается 78 вольных каменщиков, инициированных до начала Отечественной войны из общей численности в 398 чел., или 19,6 %.

В годы войны и заграничных походов в русской армии по европейскому образцу создавались военно-походные ложи, а некоторые русские офицеры вступали в иностранные масонские мастерские. Таких выявлено 45 чел., или 11,3 % от всего рассматриваемого масонского корпуса.

Таблица 2

Абсолютная и относительная численность масонов, инициированных в годы войны и заграничных походов русской армии в военно-походных и иностранных ложах

Возрастная категория	К-во чел.	В %% к итогу
Более 50 лет	Нет	0
40–50	Нет	0
30–49	8	17,8
20–29	19	42,2
До 20 лет	9	20,0
Неизвестна	9	20,0
Итого	45	100

Таким образом, до и во время боевых действий в действующей армии насчитывалось 123 вольных каменщика или 30,9 % от всех масонов — участников боевых действий. Большая же их часть (около 70 %), как показывают данные таблицы 3, вступила в орден после окончания военных походов, во время которых они могли более глубоко познакомиться с западноевропейской и, в частности, с французской культурой.

Таблица 3

Участники войны масоны, вступившие в орден после 1812 г.

Возрастная категория	К-во чел.	В %% к итогу
Более 50 лет	1	0,4
40–50	10	3,6
30–39	31	11,3
20–29	117	42,5
До 20 лет	62	22,5
Неизвестна	54	19,7
Итого	275	100

Данные таблицы 3 показывают, что большую часть участников войны, вступивших в масонство, составляли молодые люди до 30 лет (65 % выборки). Это свидетельствует, что именно молодежь активно воспринимала зарубежные интеллектуальные изыски, в том числе «королевское искусство».

Анализ вышеприведенных данных и изучение конкретных персоналий дают возможность набросать эскиз коллективного портрета офицера-масона, участника боевых действий.

Около 80 «братьев» имели «довоенный масонский стаж». Среди них выделяются масоны, инициированные еще в XVIII в.

67-летний главнокомандующий русской армией М.И. Голенищев-Кутузов, масон высших степеней шведского ритуала, избравший себе орденское имя «Вечнозеленеющий лавр» и девиз «Победами себя прославить».

Сверстник и оппонент главнокомандующего, начальник штаба русской армии в августе – октябре 1812 г. Л.Л. Беннигсен, отстраненный в конечном счете от должности в результате интриг Л.Л. Беннигсен, еще будучи майором, стал основателем московской ложи «Чистосердечие» в 1775 г. и ее руководителем. К 1812 г. он имел как минимум 37-летний масонский стаж.

61-летний адъютант вел. кн. Константина Павловича, масон с 36-летним стажем А.Б. Голицын.

56-летний военный инженер Е.Х. Ферстер состоял в трех петербургских ложах XVIII – начала XX в.

Командующий 3-й Западной армией А.П. Тормасов, основатель военной ложи «Минерва» в 1785 г., масон теоретического градуса.

Григорий Григорьевич Энгельгард посвящен в масоны в 1785 г. в военной ложе «Орфей» Рязанского полка. Выходец из курляндских дворян, он в 18 лет

поступил на военную службу. Участвовал в войнах со шведами 1788–1790 гг., антифранцузских коалициях, войне с Турцией. Неоднократно был ранен. Получил звание генерала-майора в 1812 г.

Выходец из курляндских дворян, Яков Егорович Гине, как и Г.Г. Энгельгард, был «братом» полковой ложи Рязанского полка «Орфей» еще в XVIII в. Профессиональный военный, он участвовал в русско-турецких войнах, разделе Польши, войнах с Наполеоном (Аустерлиц). В 1812 г. командовал артиллерийской бригадой. В 1813 г. получил звание генерал-майора. Участвовал в сражениях при Люцене и Бауцене.

Юрий Игнатьевич Поливанов с 1782 г. был членом петербургской ложи «Благотворительность к пеликану», посвятив, таким образом, половину своей жизни ордену. Получил звание генерал-майора в 1794 г. Неоднократно ранен. Награждался за храбрость и отвагу. В 1812 г. сражался при Малоярославце, Вязьме, под Красным, командовал бригадой, участвовал в заграничных походах русской армии.

Генерал Григорий Максимович фон Берг, в 22-х летнем возрасте инициирован в ревельской ложе «Изида». Здесь же получил 2-ю (1788 г.) и 3-ю (1789 г.) степени посвящения. Посещал рижскую ложу «Аполлон». После возобновления работы ложи «Изида» в 1811 г. был ее руководителем, оставался в ее рядах до закрытия. Берг происходил из лифляндских дворян, был крестником Екатерины II и кн. Г.Г. Орлова. Отличился в войне со шведами, участвовал во втором разделе Польши. В бою под Аустерлицем, сильно контуженный, попал в плен. В 1812 г. был назначен начальником дивизии, получил чин генерал-лейтенанта. Участвовал в боях 1813–1814 гг.

Начальник штаба корпуса, генерал Николай Николаевич Муравьев инициирован во французской ложе в 80-х гг. XVIII в., очевидно, во время обучения в Страсбурге, где он занимался математическими и военными науками. По возвращении в Россию зачислен во флот. Участвовал в морских боях во время русско-шведской войны. С 1803 г. вышел в отставку. В 1810 г. возглавил общество математиков. С началом войны 1812 г. поступил в Московское ополчение. Участвовал в осаде Модлина, Дрездена, Магдебурга, Гамбурга. Произведен в генерал-майоры. После войны принимал участие в московском обществе сельского хозяйства, создал образцовую ферму, основал земледельческую школу.

Кн. Борис Владимирович Голицын — старинный масон французских лож XVIII в. Он также учился в Страсбургском университете. Сражался со шведами и поляками в начале 1790-х гг., с 1799 — генерал-лейтенант. Воевал с наполеоновскими войсками в 1805 г., был тяжело ранен при Аустерлице, после чего подал в отставку. Музыкант, литератор, переводчик. Один из основателей «Беседы любителей русского слова». Во время войны вернулся в действующую армию. Участвовал в сражении под Смоленском, при Бородино.

Из 30–50-летних «довоенных» масонов, инициированных накануне войны, были ревностные вольные каменщики, генералы русской армии.

Масон ложи «Палестина» К.К. де Местр, принятый капитаном на русскую службу в 1800 г. после присоединения Савойи к Франции был участником заграничных походов. В 1813 г. произведен в генерал-майоры. После войны получил известность как ученый, литератор, художник.

Начальник пехотной дивизии генерал М.М. Бороздин состоял членом четырех лож высших степеней. В капитуле «Феникс» он имел имя «Рыцарь колонны» и выступал под девизом «К вечности». Он участвовал в сражениях при Смоленске, Бородино, Тарутине, Малоярославце, Красном.

Е.И. Чаплиц, командующий пехотным корпусом, генерал, командующий в 1813 г. польской кавалерией, являлся каменщиком высших степеней, выступал в капитуле «Феникс» под именем «Рыцарь леопарда» и девизом «В человечности отвага».

Герцог Александр-Фридрих Вюртембергский, поступивший в 1800 г. по рекомендации А.В. Суворова на русскую службу в чине генерал-лейтенанта, получил известность в масонском мире как «Рыцарь поля смерти».

Этнический француз Л.Л. Карбоньер, генерал-инспектор корпуса инженеров путей сообщений, был одним из основателей знаменитой петербургской ложи «Соединенных друзей», имел высокие масонские степени — розенкрейцера и Рыцаря Востока. Являлся членом многих ученых обществ, почетным членом ряда российских университетов.

Его масонский «брат» Александр Иванович Остерман-Толстой также был основателем ложи «Соединенных друзей» в 1802 г., членом петербургской ложи «Сфинкс» и шотландской ложи в Марселе, имел высшие масонские степени. Боевую службу он начал в войне против турок. Был изгнан из армии по прихоти Павла. Вернулся в армию после восшествия на престол Александра I. В 1806 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Участник Наполеоновских войн. Получив тяжелое ранение при Прейсиш-Эйлау, вышел в отставку. С началом войны 1812 г. он вернулся на военную службу. Командовал пехотным корпусом в армии Барклай-де-Толли. В Бородинском сражении контужен на батарее Раевского. Знаменит своим ответом офицеру, спросившему «Что делать» при окончании снарядов в одном из боев: «Ничего, — стоять и умирать!» В кампанию 1813 г. Остерман-Толстой в сражении под Бауценом получил ранение, в бою под Кульмом потерял руку. Сразу после войны назначен генералом-адъютантом Александра I и находился при нем до кончины императора. Не поладив с Николаем I, уехал из России, путешествовал, поселился в Женеве.

Иван Никитич Инзов по одной из легенд был незаконным сыном Екатерины, воспитывался в семье кн. Ю.Н. Трубецкого, состоял членом гамбургской ложи «Золотой шар», одесской — «Эвксинский Понт», в которой исполнял должности ратора (оратора). Очевидно, являлся членом ложи «Овидий», куда был принят А.С. Пушкин. И.Н. Инзов начал военную службу в 17 лет, участвовал практически во всех войнах, которые вела Россия в конце XVIII — начале

XIX в. Во время рассматриваемых событий командовал пехотной дивизией, исполнял обязанности начальника штаба 3-й армии, участвовал в сражениях при Дрездене и Лейпциге, был произведен в генерал-лейтенанты (1814 г.). После войны был на административных должностях в Бессарабии и Новороссии. На его попечительстве находился ссыльный А.С. Пушкин, в судьбе которого он сыграл благотворную роль.

Генерал-лейтенант П.А. Шувалов, сопровождавший в 1814 г. Наполеона на о. Эльбу, был одним из руководителей российского масонства, избравшим в качестве орденового имени «Рыцарь факела истины» и девиз «Светом побеждает тьму».

Активными деятелями масонства и членами его руководства были генералы А.А. Жеребцов («Рыцарь венчанного креста», девиз — «Вскоре ярче заблестит») и В.К. Браницкий («Рыцарь копья», девиз — «Как подобает мудрецу»).

Ревностный масон П.И. Брозин принял посвящение в Испании, будучи дипломатическим представителем русского правительства. В эту возрастную группу входили: основатель «Негласного комитета» П.А. Строганов, великий князь Константин Павлович.

Среди «двоенных» молодых масонов (до 30 лет) выделяется мастер ложи «Соединенных друзей», будущий первый начальник III Отделения, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, генерал-майор с лета 1812 г.

Среди членов рассматриваемой группы был Н.М. Сипягин, ставший после войны активным деятелем в области военного образования и Тифлиским военным губернатором. К «ревностным» масонам относились «Рыцарь золотой змеи» — А.И. Дмитриев-Мамонов, сохранивший верность братству до конца жизни, «Рыцарь меча» — И.С. Сарачинский, «Рыцарь восходящего солнца» — П.П. Лопухин. Один из будущих руководителей русского масонства А.Я. Лобанов-Ростовский. «Рыцарь мирты», избравший девизом «Произрастает в тиши», П.А. Ржевский. Активист русского масонства, сохранивший ему верность до своей кончины, будущий декабрист С.Г. Волконский. Друг будущего императора Николая I, масон высоких степеней С.С. Потоцкий.

Самыми молодыми вольными каменщиками, вступившими в орден накануне «грозы 12-го года», были будущие декабристы Г.С. Батенков и П.И. Пестель, будущий сотрудник III Отделения П.Я. Фок и будущий сиделец парижской долговой ямы С.Ф. Ростопчин.

Многие вольные каменщики военно-походных лож периода войны и заграничных походов стали активистами русского масонства в послевоенный период — А.Б. и В.С. Голицыны, А.И. Михайловский-Данилевский. Достигшие высших масонских степеней О.Г. Засс, Н.И. Кашкаров, позже за «семеновскую историю» разжалованный в рядовые, известный деятель русской культуры П.Я. Чаадаев. Будущий декабрист Н.И. Лорер, посвященный в масонство в 15 лет в ложе «Александра к верности». Будущий военный писатель и мемуарист Д.Е. фон Остен-

Сакен — автор ряда научных и учебно-методических работ по астрономии и геодезии, почетный член СПб Академии наук, член множества научных обществ. П.П. Каверин, будущий друг Пушкина.

Братья-масоны были достойно представлены в боевых действиях. Шесть вольных каменщиков погибли или скончались от смертельных ран: П.П. Валуев, П.Я Грузинский, Б.В. Голицын, Е.Е. Мандерштерн — все в сражении при Бородино; генерал Я.Е. Гине (Лейпциг); профессор, майор, партизан А.С. Кайсаров (Гайнау).

91 масон-офицер (23 % всей выборки) были ранены или контужены в боях. Многие были ранены по несколько раз, в частности, Г.С. Батенков получил десять штыковых ран.

подавляющее большинство офицеров-масонов в годы войны были повышены в званиях, иногда делали головокружительную военную карьеру.

Некоторые вольные каменщики действовали в партизанских отрядах в России и на территориях европейских стран. К.А. Бискупский участвовал в партизанских группах Фигнера и Сеславина. Г.М. Кантакузин — графа Чернышева. Ф.К. Гейсмар командовал отрядом под Лейпцигом и Веймаром. Л.Н. Нарышкин, достигший 32-й степени Шотландского ритуала, — в Голландии и Франции. А.С. Кайсаров командовал партизанским отрядом. Участниками партизанских рейдов был М.Ф. Орлов, подписавший акт о капитуляции Парижа, О.Ф. Рене, А.П. Берхман.

Из общего ряда российских офицеров-масонов выделяются судьбы Доминика Радзивилла и И. Соболевского. Первый был польским магнатом, масоном ложи «Счастлиное освобождение» г. Несвижа, придворным Александра I. В 1812 г. он перешел на службу к Наполеону и участвовал в войне с Россией, был убит при Ганау в 1813 г. И. Соболевский в 1813 г. примкнул к французским войскам, попал в плен под Лейпцигом, в 1815 г. стал министром и статс-секретарем Царства Польского.

Представленный абрис членов одной из групп русского масонства XIX в. при дальнейшей разработке позволит выйти на новые социокультурные обобщения и выводы.

Подводя итоги, следует отметить, что российское масонство являлось производным от западноевропейского. С момента его возникновения на российской почве с середины XVIII в. оно находилось под влиянием в основном английского, немецкого, шведского «королевского искусства». В начале XIX в., в связи с усложнением и расширением франко-российских взаимоотношений, усилились контакты между российскими и французскими масонскими орденами. Особую роль в этом сыграла война 1812 г., особенно заграничные походы русской армии, благодаря которым победители в определенной мере воспринимали такую часть культуры побежденных, как масонство, приближая тем самым страну «второго эшелона» к основному мейнстриму развития мировой цивилизации.

Литература

1. *Брачев В.С.* Масоны и власть в России. СПб.: ЭКСМО; Алгоритм, 2000. 639 с.
2. *Ведьмин О.П.* Масоны в России, 1730–1825 гг. Кемерово: XX век, 1998. 318 с.
3. *Карпачев С.П.* Путеводитель по масонским тайнам. М.: ЦГО, 2003. 381 с.
4. *Карпачев С.П.* Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М.: Яуза-Пресс, 2007. 349 с.
5. *Карпачев С.П.* Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков. М.: АСТ: Олимп, 2008. 635 с.
6. *Пыпин А.Н.* Масонство в России. М.: Век, 1997. 496 с.
7. *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2000. 392 с.
8. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
9. *Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д.* Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. 480 с.
10. *Соловьёв О.Ф.* Русские масоны. М.: Быстров, 2006. 541 с.

References

1. *Brachev V.S.* Masony' i vlast' v Rossii. SPb.: E'KSMO; Algoritm, 2000. 639 s.
2. *Ved'min O.P.* Masony' v Rossii, 1730–1825 gg. Kemerovo: XX vek, 1998. 318 s.
3. *Karpachev S.P.* Putevoditel' po masonskim tajnam. M.: CGO, 2003. 381 s.
4. *Karpachev S.P.* Tajny' masonskix ordenov. Ritualy' «vol'ny'x kamenshhikov». M.: Yauza-Press, 2007. 349 s.
5. *Karpachev S.P.* Masony'. Slovar'. Velikoe iskusstvo kamenshhikov. M.: AST: Olimp, 2008. 635 s.
6. *Py'pin A.N.* Masonstvo v Rossii. M.: Vek, 1997. 496 s.
7. *Serkov A.I.* Istoriya russkogo masonstva XIX veka. SPb.: Izd-vo N.I. Novikova, 2000. 392 s.
8. *Serkov A.I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg. E'nciklopedicheskij slovar'. M.: ROSSPE'N, 2001. 1224 s.
9. *Sokolovskaya T.O., Lotareva D.D.* Tajny'e arxivy' russkix masonov. M.: Veche, 2007. 480 s.
10. *Solov'yov O.F.* Russkie masony'. M.: By'strov, 2006. 541 s.

S.P. Karpachyov**The war of 1812 and the Russian Freemasonry: Statistics and Biographies**

The article examines the impact of the Patriotic War of 1812 on the Russian Freemasonry. For the first time in relation to Masonic boxes and their «brothers» the author uses a statistical method of historical research. The author makes an attempt to sketch a collective biography of one of Masonic groups of the beginning of XIX — the participants of the military actions of the War of 1812 and foreign campaigns of the Russian army. The basic concept of the work is in the thesis about the perception of the winners of such part of the spiritual culture of the conquered, as the «Royal art».

Key-words: the war of 1812; Freemasonry; biographika.

И.В. Сучков

Исторические аспекты «Философических писем» П.Я. Чаадаева

Статья посвящена рассмотрению восьми философических писем видного деятеля российской культуры П.Я. Чаадаева, в которых подчеркнуты отличия в историческом развитии России и Запада, осуществлен сравнительный анализ сущности крепостного права в России и Западной Европе, показан характер и место истории как научной дисциплины в жизни общества, дана характеристика видных исторических персоналий, подчеркнуты особенности развития различных народов.

Ключевые слова: Россия; Запад; культура; история; народы.

Восемь философических писем, написанных Петром Яковлевичем Чаадаевым на французском языке в период с 1828 по 1830 г., стали заметным явлением в отечественной культуре. Нельзя не согласиться с их исследователем Б.Н. Тарасовым, отмечающим, что письма «составляют одну непрерывную серию, имеют внутреннюю логику развития мысли, что предполагает единство их последовательного восприятия» [1: с. 542].

Письма П.Я. Чаадаева, отмеченные ярко выраженной философской направленностью, имеют многочисленные и очень интересные исторические аспекты. К главным из них относятся следующие: рассмотрение отличия в историческом развитии России и Запада; сравнительный анализ сущности крепостного права в России и Западной Европе; рассуждение о месте истории как научной дисциплины в жизни общества; характеристика видных исторических персоналий.

Целью статьи является рассмотрение названных исторических аспектов в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева. Пожалуй, наиболее подробно автором писем был проработан именно первый аспект. «У каждого народа, — подчеркивает Чаадаев, — бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной... Это — эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества» [2: с. 42].

Далее П.Я. Чаадаев дает уничижительную характеристику исторического прошлого в развитии Руси и России. Категорично он утверждает: «У нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и уничижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша

национальная власть, — такова печальная история нашей юности» [2: с. 42]. Он отказывает отечественной истории иметь «период бурной деятельности», «кипучую игру духовных сил народных». По мнению П.Я. Чаадаева, эпоха социальной жизни Руси «была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии». В «прожитых нами веках» П.Я. Чаадаев не находит «ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его пред вами живо и картинно». И уже совсем пессимистично выглядит вывод философа о том, что «мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя» [2: с. 42–43].

В тот же период, когда были созданы «Философические письма» П.Я. Чаадаева, в России возникло в исторической мысли новое научное направление, получившее название «скептическая школа» во главе с профессором М.Т. Каченовским. Последний подвергал сомнению общепризнанный факт, что выдающиеся памятники русской культуры «Русская Правда» князя Ярослава и «Повесть временных лет» летописца Нестора возникли в XI – начале XII в. в Древней Руси. Основанием для сомнений М.Т. Каченовскому служило то, что в Западной Европе таких по уровню памятников еще не было создано. Оппоненты М.Т. Каченовского — М.П. Погодин и П.Г. Бутков доказали истинность хронологии русских памятников, т.е. датировали их первыми веками нового тысячелетия.

Глубина содержания как «Русской Правды», так и «Повести временных лет», безусловно, опровергают доводы П.Я. Чаадаева.

Никак нельзя согласиться и с последующими его сравнениями, базирующимися только на признании совершенства западного менталитета и доказательстве ущербности российского.

Так, П.Я. Чаадаев приводит следующий довод: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Русский философ противопоставляет свой народ народам Европы, утверждая, что последние «имеют общую физиономию, некоторое семейное сходство». Он перечисляет те идеи, которые, по его мнению, впитывают западные люди еще в детском возрасте: идеи долга, справедливости, права, порядка. Философ подчеркивает следующую их родословную: «Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран» [2: с. 44–45]. Это, считает П.Я. Чаадаев, и составляет атмосферу Запада: «Это — больше, нежели история, больше, чем психология: это — физиология европейского человека» [2: с. 45].

Положительным чертам людей западного мира Чаадаев противопоставляет целый набор отрицательных черт, которыми он наделяет своих соотечественников, в том числе и себя. «Всем нам, — замечает философ, — недостает известной уверенности, умственной методичности, логики. Западный сил-

логизм нам незнаком. Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность». Чаадаев поражается немотой лиц своих соотечественников и видит в них равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи. В завершение этих своих мыслей он делает вывод: «... Именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования» [2: с. 46–47].

В своих рассуждениях о специфике западного мира и России П.Я. Чаадаев не забывает об особенностях географического положения России. Он пишет: «... Стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара» [2: с. 47].

Однако философ ничего не говорит о сложности географического положения Руси, которой пришлось не только отражать натиск с Запада, со стороны воинственных католических соседей, но и вести кровопролитную борьбу с восточными кочевыми народами, защищая не только себя, но и те же западные страны. Именно таким образом Русь выполняла свое историческое предназначение, которое еще не раз проявлялось в ее истории, играть роль стабилизирующего фактора в истории человечества.

Что касается положения П.Я. Чаадаева о немоте русских лиц и равнодушии соотечественников к добру и злу, истине и лжи, то оно представляется также глубоко неверным. Здесь уместно вспомнить о том, что такое религиозно-мистическое учение, как исихазм, не только пришло на Русь из Византии, но и широко распространилось в русской культуре в XIV–XV вв., прежде всего в иконописи и литературе. Об этом свидетельствуют гениальные произведения Феофана Грека и Андрея Рублева, на иконах которых мы видим одухотворенные лики мыслителей. А еще раньше, в конце XII века, в «Слове о полку Игореве» гениальный автор также ярко и разнообразно показал красоту человеческой личности и соединенной с ней природы. Поэтому П.Я. Чаадаев принимает за немоту углубленность русского человека в свой богатый внутренний мир.

Наиболее сильной стороной «Философических писем» является рассуждение автора о сущности и особенностях развития крепостного права в России и на Западе. Для П.Я. Чаадаева крепостное право однозначно объявляется *рабством* для людей. Он так и пишет: «И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб!» П.Я. Чаадаев совершенно справедливо называет крепостное право заколдованным кругом. «... В нем все мы гибнем, бессильные выйти из него», — подчеркивает он. Автор писем показывает губительные последствия влияния крепостного права не столько даже на самих крепостных, поскольку это понятно и так, а на остальную часть общества, на свободных людей. Он делает вывод, что существование крепостного права в обществе парализует все его усилия, пятнает его добродетели [2: с. 60].

П.Я. Чаадаев как сторонник католической ветви христианства рассматривает положительную роль римских первосвященников в освобождении крепостных и делает упрек русской православной церкви, которая не сделала аналогичных шагов. Он замечает: «Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского? Пусть православная церковь объяснит это явление» [2: с. 61].

Здесь необходимо вспомнить, что русское патриаршество возникло в конце XVI в. благодаря государственной, а именно — царской власти и было в тот период очень зависимо от нее. Оформление крепостного права в России произошло прежде всего в интересах царской власти, а православная церковь использовалась для его идеологического обоснования. Оппозиционное поведение православной церкви по этому вопросу представить себе просто невозможно.

П.Я. Чаадаев, говоря о характере и месте истории как научной дисциплины в жизни общества, подчеркивает тот факт, что она должна быть прежде всего *философией истории*. Автор писем отмечает несовершенство так называемой *повествовательной истории*, «так как она при всяких условиях может заключать в себе лишь то, что удерживается в памяти людей, а последняя удерживает не все происходящее». По мнению философа, современная история, «несмотря на помощь, которую в последнее время старались оказать ей естественные науки... не сумела достигнуть ни единства, ни той высокой нравственной поучительности, какая неизбежно вытекала бы из ясного представления о всеобщем законе, управляющем сменой эпох» [2: с. 103–104].

Философ выступает за рациональный способ изучения исторических данных, что, по его мнению, должно привести к несравненно более плодотворным результатам. Он делает вывод, «что разум века требует совершенно новой философии истории» [2: с. 104].

Как же автор писем понимает сущность этого рационального способа и смысл новой философии истории? Он делает вывод, что работа по отысканию связи времен, работа над фактическим материалом «ни к чему не ведет». Чаадаев предлагает стремиться к тому, чтобы уяснить нравственный смысл великих исторических эпох, стараться точно определить черты каждого века по законам практического разума. Его заключительный вывод таков: «Истории в наше время больше нечего делать, как размышлять». История, по мнению П.Я. Чаадаева, должна войти в общую систему философии и сделаться ее составной частью [2: с. 105].

По существу, русский философ довольно точно определил всего лишь одно из многих направлений развития исторической науки, которое в дальнейшем, на протяжении последующих веков, вплоть до настоящего времени развивается наряду с другими многочисленными направлениями.

В некоторых своих письмах П.Я. Чаадаев проявляет большое внимание к видным историческим персоналиям. В центре этого внимания оказываются

легендарный эпический поэт Гомер, библейские герои — предводитель израильских племен Моисей и царь Давид, выдающиеся мыслители древнегреческого мира Аристотель, Платон, Сократ, Эпикур, римский император Марк Аврелий, основатель ислама Магомет.

Всех их П.Я. Чаадаев называет «крупными историческими личностями», которым, по его мнению, история не отводит подходящих им мест в воспоминаниях человечества. Главной особенностью оценок философом этих личностей является то, что они нередко очень полярны. «Самой гигантской и величавой из всех исторических фигур» Чаадаев считает Моисея. Его философ называет «законодателем еврейского народа» и не сомневается в исторической реальности этого пророка. Восхищаясь масштабом личности Моисея, Чаадаев, тем не менее, показывает ее в противоречиях и в этом, пожалуй, сильная сторона оценки философа. Он пишет: «Личность Моисея представляет, между прочим, какое-то смешение величия и простоты, силы и добродушия и особенно суровости и кротости, дающее, на мой взгляд, неисчерпаемую пищу размышлению» [2: с. 129–130].

Столь же положительна оценка Чаадаева личности Давида. П.Я. Чаадаев считает, что черты этого исторического лица дошли до нас «всего лучше». Именно в оценке Давида просматривается ответ на вопрос: в чем причина такой полярности мнения философа об этих выдающихся личностях. Этот ответ заключается в том, что положительная характеристика дается лишь тем личностям, чье влияние на судьбы народов или на их сознание было столь же однозначно положительным. Так, Давид, с точки зрения П.Я. Чаадаева, «совершенный образ самого возвышенного героизма» [2: с. 106].

А вот Сократ и Марк Аврелий показаны философом односторонне отрицательно. Первый, по его мнению, завещал людям «лишь малодушное сомнение», а второй представляет, «в сущности, только любопытный пример искусственного величия и тщеславной добродетели». Наиболее уничижительная оценка дана Аристотелю, в котором П.Я. Чаадаев видит не более не менее как «ангела тьмы, в течение многих веков подавлявшего все силы добра в людях» [2: с. 106–107].

Наоборот, сугубо положительная характеристика дана П.Я. Чаадаевым Платону, в котором автор писем отметил удивительную способность предвосхищать будущие мысли человечества [2: с. 107]. Очень противоречивой является характеристика, данная П.Я. Чаадаевым Гомеру. Философ обращается к его личности в нескольких письмах. Так, в одном он называет Гомера «развратителем людей». В другом он находит в творчестве легендарного поэта «гибельный героизм страстей, грязный идеал красоты, необузданное пристрастие к земле». И здесь же, чуть ниже автор писем отмечает, что «мы учимся жить не у народов, описанных Цезарем и Тацитом, а у тех, которые составляли мир Гомера». П.Я. Чаадаев видит в глубоко земной, глубоко материальной поэзии Гомера, «необычайно снисходительной к порочности нашей природы», какое-то удивительное обаяние [2: с. 107, 138–139].

В целом положительная оценка дана П.Я. Чаадаевым Эпикуру. Он считает, что именно нравственная доктрина последнего была «причиной его дурной славы». Вместе с тем П.Я. Чаадаев называет Эпикура единственным из мудрецов древности, отличавшимся вполне безупречным характером, и единственным, память о котором у его учеников соединялась с любовью и почитанием, близкими к поклонению [2: с. 134–135].

Наконец, однозначно положительная характеристика дана философом Магомету. «Этот великий человек, — пишет Чаадаев, — ... несравненно более заслуживает уважения со стороны людей, чем вся эта толпа бесполезных мудрецов которые не сумели ни одно из своих измышлений облечь в плоть и кровь...» Далее философ поясняет причину столь высокой оценки основателя ислама именно большим значением этой религии в истории человечества [2: с. 136–137]. При этом необходимо сказать, что сравнение результатов деятельности Магомета и философов древнего мира трудно назвать корректным из-за совершенно несравнимых исторических обстоятельств, в которых она протекала.

Завершающим историческим аспектом, который можно обнаружить в «Философических письмах», является рассмотрение П.Я. Чаадаевым особенностей развития европейских и некоторых других народов. Рассмотрение это, как и раньше, философ осуществляет в сравнении. При этом П.Я. Чаадаев отдает явное предпочтение в степени прогресса развития европейскому региону мира. Главным преимуществом европейских народов он считает то, что они смогли создать «громадное общество», составившее «европейскую семью». В этом обществе П.Я. Чаадаев видит «истинный элемент устойчивости и прогресса, отличающий новый мир от мира древнего; в нем все великие светочи истории». Философ находит в новом обществе европейцев жизненные, новые силы и всё возрастающую мощь. Во всем этом заключается ответ на вопрос: почему «арабы, татары, турки не только не могли его уничтожить, но, напротив, лишь способствовали его укреплению» [2: с. 113].

В сравнении с европейскими народами П.Я. Чаадаев характеризует народы, населяющие Китай и Индию, как «уцелевшие до сих пор государства древнего мира». В представлении Чаадаева они явно проигрывают европейцам, и главной причиной такого явления он видит в том, что китайцы и индусы замкнулись в своем развитии, «обособившись от человеческой семьи» [2: с. 113].

Таким образом, исторические аспекты «Философических писем» П.Я. Чаадаева представляют не меньший, а может быть, в чем-то и больший интерес, чем его философские рассуждения. Хотя здесь необходимо сделать оговорку, подчеркнув, что нередко чисто исторические суждения у П.Я. Чаадаева имеют ту или иную философскую основу. Можно сделать вывод, что если философские мысли П.Я. Чаадаева в силу определенного прогресса в развитии истории религий мира все-таки потеряли прежний интерес, то его исторические идеи являются по-преж-

нему очень актуальными. Так, с удивлением мы обнаруживаем, что не только верные догадки, но и ошибки П.Я. Чаадаева повторяются в социально-культурном контексте развития различных стран мира и в наши дни.

Литература

1. *Тарасов Б.Н.* Комментарии // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 542–555.
2. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.

References

1. *Tarasov B.N.* Kommentarii // Chaadaev P.Ya. Stat'i i pis'ma. M.: Sovremennik, 1989. S. 542–555.
2. *Chaadaev P.Ya.* Stat'i i pis'ma. M.: Sovremennik, 1989. 623 s.

I.V. Suchkov

Historical Aspects of P.Y. Chaadaev's «Philosophical Letters»

The article considers the eight philosophical letters of prominent personality of Russian culture P.Y. Chaadaev. The differences in historical development of Russia and West are emphasized in the letters. The comparative analysis of development and essence of serfdom in Russia and Western Europe is carried out. The character and the place of History as a scientific branch of learning in social life is shown. References of prominent historical personalities are given and the features of development of various peoples are emphasized.

Key words: Russia; West; culture; History; peoples.

А.В. Ушаков

Промышленность Москвы в конце XIX – начале XX в.

В статье говорится о росте промышленного производства и его монополизации в конце XIX – начале XX в. в Москве, а также о влиянии на промышленность экономического кризиса 1900–1903 гг. Автор приводит статистические данные и опирается на архивный материал.

Ключевые слова: промышленность Москвы; экономический кризис 1900–1903 гг.

Москва была крупнейшим промышленным центром. Современник писал в 1897 г.: «Значение Москвы как огромного промышленного центра уже в настоящее время чрезвычайно велико. В пределах самого города Москвы имеется 750 с лишним фабрик и заводов, из которых более 400 работают машинными двигателями, и общая сумма производительных сил всех этих заводов и фабрик исчисляется в сумму 100 млн рублей» (Русское экономическое обозрение. 1897. 15 октября. С. 44–45). В 1900 г. обороты московских предприятий составляли 8,7 % общих промышленных оборотов по Европейской России [1: с. 437]. Об увеличении числа фабрик и заводов в Москве (под ними мы имеем в виду только предприятия с не менее чем 16 рабочими и применявшими машинные двигатели) свидетельствует таблица 1 [4: с. 8].

Таблица 1

Группы производств	Число предприятий		
	1890	1895	1900
Обработка волокнистых веществ	293	295	294
Обработка дерева	10	52	49
Химические производства	20	20	26
Обработка животных продуктов	43	41	20
Керамические производства	11	11	17
Производства по обработке питательных и вкусовых продуктов	52	64	60
Машиностроительные и металлообрабатывающие заводы	135	147	199
Итого	573	630	685

Как показывает таблица 1, общее число фабрик и заводов в Москве росло. Особенно быстро увеличивалось количество предприятий, изготавливавших средства производства: машиностроительные и металлообрабатывающие заводы.

Наряду с ростом числа фабрик и заводов увеличивалось и количество крупных предприятий. В 1890 г. предприятий с числом рабочих более тысячи было 8, а в 1900 г. — 16 [4: с. 9].

Наряду с паровыми двигателями в конце 90-х гг. XIX в. на предприятиях стали применяться электродвигатели. В России зарождалась электротехническая промышленность. В 1900 г. в стране было 8 электротехнических заводов, из них 4 находились в Москве: завод «Изолятор», изготавливавший фарфоровые изоляторы, открытый в 1897 г.; завод М.М. Подобедова и К°, основанный в 1895 г.; завод Стручкова и Чибисова, появившийся в 1897 г.; завод по производству электрических машин, созданный Центральным электротехническим обществом в 1899 г. [4: с. 10].

На крупных фабриках и заводах происходило увеличение объема производства. Так, Прохоровская Трехгорная мануфактура в 1890 г. выработала 807 тыс. кусков ткани, а в 1899 г. — 1351 тыс. кусков. Химическая фабрика Товарищества Мамонтова в 1896 г. выпускала продукции на 75 000 руб., а в 1900 г. — 976 000 руб. [4: с. 12].

Быстро росли прибыли московских предприятий. Чистая прибыль Товарищества Даниловской мануфактуры за десять лет (1890–1900 гг.) поднялась с 50 771 руб. до 226 000. Товарищество Трехгорной мануфактуры получило чистой прибыли в 1895/1896 гг. 261 158 руб., а в 1899/1900 гг. — 419 227 руб. (Вестник финансов, промышленности и торговли. 1896. № 27. С. 771; Московские ведомости. 1900. 5 июня).

Большую роль в централизации капитала и концентрации производства играли акционерные общества, обильно возникавшие в 90-е гг. XIX в.

Рост числа акционерных промышленных предприятий в Москве происходил следующим образом [4: с. 13]:

Таблица 2

Группы производств	Годы			
	1890	1895	1897	1900
Обработка волокнистых веществ	18	21	35	40
Обработка дерева	1	нет сведений	2	2
Химические производства	7	9	14	10
Обработка животных продуктов	4	1	2	3
Керамическое производство	нет сведений	1	2	2
Обработка питательных и вкусовых продуктов	10	12	15	17
Машиностроительные и металлообрабатывающие заводы	6	6	13	23
Итого	46	49	83	79

Как видно из таблицы 2, особенно быстро росло число акционерных предприятий в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. За 10 лет число их увеличилось почти в 4 раза.

«Вестник финансов» писал в 1900 г.: «За трехлетие наблюдается наиболее интересное развитие акционерной деятельности, причем одни только вновь учрежденные русские предприятия как по числу, так и по сумме превосходят общие итоги любого из предыдущих лет» (Вестник финансов. 1900. № 30. С. 168).

Большое значение для промышленного развития Москвы имело железнодорожное строительство. К середине 90-х гг. от Москвы отходили уже пять железных дорог: Николаевская, Брестская, Казанская, Нижегородская и Курская. Строились еще четыре дороги: Виндавская, Брянская, Павелецкая и Савеловская.

Уже с начала 90-х гг. московские фабриканты стали требовать от правительства постройки железной дороги вокруг Москвы. Необходимость в ней была вызвана, во-первых, дороговизной перевозки топлива, сырья и готовых изделий московских фабрик и заводов, расположенных на окраинах города и его пригородах, а во-вторых, затруднениями в транзитной передаче вагонов от одной железной дороги на другую, доходившей до 900 тыс. вагонов в год (Московские ведомости. 1899. 25 января). В 1907 г. дорога была построена. Железнодорожное строительство сильно способствовало расширению внутреннего рынка московской промышленности.

Товарищество «Эмиль Циндель» в 90-х гг. XIX в. расширяет сеть своих складов в городах страны. Оно открывает амбар на Нижегородской ярмарке, отделение в Харькове, склады в Риге, Одессе, Гельсингфорсе, Владивостоке, Самарканде, Коканде и Ташкенте [3: с. 86]. Как указывалось в протоколе заседания Правления Товарищества от 13 ноября 1899 г., обороты этих складов «прогрессивно увеличиваются» (ЦИАМ. Ф. 774. Оп. 1. Д. 266. Л. 2).

Начиная с 80-х гг. XIX в. московские мануфактуристы стали терять монопольное положение на внутреннем российском рынке. В 80–90-х гг. ведется острая конкурентная борьба лодзинских и петербургских промышленников с текстильными фабрикантами Московского района. Московская промышленность потеряла большинство рынков в западной и, частично, в южной России. С 1890 по 1897 г. отправка мануфактуры из Лодзи на внутренние рынки возросла с 1 857 000 пудов до 3 531 000 пудов, т. е. на 90 %, а вывоз текстильных товаров из Москвы за этот период увеличился всего с 656 000 до 819 300 пудов, т. е. на 13 % [4: с. 18].

Но фабриканты Москвы находили пути на другие внешние рынки. Они вывозили свои товары в Персию, Турцию, Китай, Монголию и страны Балканского полуострова. Только в 1889 г. фабрика С.Т. Морозова продала мануфактуры в Китай на 35 389 руб. (ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 100. Л. 189). Особенно важным рынком для московской текстильной промышленности была Персия, куда фабриканты издавна сбывали свои изделия. Для лучшего развития торговли с Персией 15 крупнейших промышленных фирм Москвы и Московского района участвовали в постройке шоссейной дороги между Казвиным и Энзели. Она была открыта в 1899 г. (ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 100. Л. 112).

В Персии российским предпринимателям приходилось вести острую конкурентную борьбу с английскими промышленниками. Однако к началу XX в. русские фабриканты стали заметно теснить их. Российский консул в Сеистане сообщал в 1901 г. в Московский биржевой комитет, что английские товары распространялись хуже, чем русские, так как изделия из Англии не «по вкусу сеистанцам» (ЦИАМ. Ф. 143. Д. 100. Л. 159).

В московскую промышленность интенсивно проникал иностранный капитал. В Товариществе ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель» среди иностранных пайщиков преобладали французы и немцы. Иностранному капиталу принадлежало большинство крупных предприятий шелковой промышленности. Предпринимателями из Франции были основаны шелковые фабрики Москвы К.О. Жиро, торгового дома «Г. Симоно и К°», Товарищества шелковой мануфактуры, «Анонимного общества прядильного коконного отброса в России», С.П. Саблон, «Французско-русского товарищества московской шелкопрядильни» [2: с. 134].

В московской металлообрабатывающей промышленности участие иностранного капитала проявлялось еще в большей степени. Большинство крупных московских машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий были основаны иностранцами, главным образом немцами: заводы Листа, Дангауэра и Кайзера, Вейхельда, Гужона, Бромлея и др. [2: с. 135].

В 1900 г. размещение иностранных предприятий по отраслям промышленности таково (см. табл. 3) [4: с. 23].

Таблица 3

Родина владельца	Группы производств							
	Обработка волокнистых веществ	Обработка дерева	Химические производства	Обработка животных продуктов	Керамическое производство	Обработка питательных и вкусовых продуктов	Машино-строительные и металлообрабатывающие заводы	Итого
Германия	10	3	2	3		3	15	36
Франция	5		2		1		2	10
Америка							1	1
Швейцария			1				4	5
Австрия							1	1
Бельгия					1		1	2
Дания				1			1	2
Англия	3						2	5
Греция	1						1	2
Италия	1						1	2
Турция						1	1	2
Голландия						1	1	2
Итого	20	3	5	4	2	5	31	70

Московские промышленники были обеспокоены существенным вторжением иностранного капитала в Россию. Собрание выборных Московского биржевого комитета, в который входили В.А. Бахрушин, С.Т. Морозов, И.И. Прохоров и др., в январе 1899 г. послали письмо министру иностранных дел с просьбой ограничить деятельность иностранных капиталистов в России. Они писали: «Торгово-промышленное сословие Центрального района в течение последних лет обращает внимание на опасность, представляемую возрастающим вторжением во внутреннюю промышленную деятельность иностранных капиталов». В письме указывалось, что на Кавказе иностранцы забрали в свои руки нефтяное дело и вследствие этого цены на нефтяные остатки — основной вид топлива московской и подмосковной промышленности возросли с 1895 по 1899 г. на 25 % (ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 195. Л. 4).

Промышленный кризис 1900–1903 гг. тяжело ударил по московской промышленности. Последовал крах нескольких крупных московских предприятий. Было объявлено несостоятельным московское акционерное общество вагоностроительного завода Мамонтова, учреждена администрация при Товариществе чугунолитейного и машиностроительного завода Добровых и Набгольц, потерпело крах Товарищество металлического завода Вейхельда и т. д. (ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 194. Л. 33, 38).

Начальник Московского губернского жандармского управления доносил в 1901 г. в Департамент полиции, что московские фабриканты «по недостатку покупательной способности населения были поставлены в невозможность сбыта своих товаров, а потому образовавшееся перепроизводство заставило их откинуть всякую мысль о прибавке (заработной платы. — *А.У.*), подумывать и принимать меры к сокращению производства, т. е. сокращать число рабочих или же число рабочих часов, или же, наконец, уменьшать заработную плату, чтобы хоть этим путем не довести себя до банкротства и продержаться до лучших времен» (ГАРФ. Ф. ДП. 3 делопр. Д. 1).

В годы кризиса наблюдались факты перехода на некоторых промышленных предприятиях с механического производства на ручной труд, как это было на Механической ткацкой фабрике Торгового дома А.И. Куприяновой в 1900 г. (ГАРФ. Ф. ДП. 3 делопр. Д. 1. Ч. 1. Л. Б. Л. 82).

Особенно сильно ударил кризис по машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Резко также уменьшилось производство пищевой промышленности. Почти не выросла продукция химических предприятий. На заседании Совета крупнейшего Товарищества Резиновой мануфактуры в феврале 1902 г. было решено сократить производство «вследствие неблагоприятных результатов торговли» (ЦИАМ. Ф. 752. Д. 93. Л. 1–2).

В годы кризиса в Москве уменьшилось число фабрик и заводов. Это видно из таблицы 4 [4: с. 27].

Данные таблицы показывают, что закрывались преимущественно мелкие и средние предприятия, а количество крупных росло. Таким образом, происходила концентрация производства.

Таблица 4

Годы	Предприятий по числу рабочих					
	16–50	51–100	101–500	501–1000	Свыше 1000	Итого
1900	305	175	163	26	16	685
1902	229	168	159	36	22	614

Концентрация производства приводила к созданию монополий. Возникшие монополии часто носили форму обычных акционерных торговых обществ под видом «комиссионных соглашений по продаже изделий». Истинный их характер был скрыт в официальных уставах и отчетах. В действительности же они представляли собой монополистические организации, которые диктовали все условия рынка.

В московской текстильной промышленности были образованы монополистические объединения в 1901 и 1903 г. Правление Товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель» записало в протоколе своего заседания от 26 января 1901 г.: «...Открыть в Тегеране, столице Персии, оптовый склад совместно с товариществами П.Е. и А. Ясюнинских, Викулы Морозова с сыновьями, Торнтон, Барановых, Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова и Новой Костромской мануфактуры» (ЦИАМ. Ф. 774. Оп. 1. Д. 279. Л. 12–13). Эти фирмы заключили между собой следующий договор: 1. Для заведывания складом назначается общий агент, жалование ему распределяется поровну между участвующими фирмами, а процент вознаграждения — пропорционально достигнутому каждой фирмой обороту. 2. В видах сосредоточения денежных операций фирм в руках банка, заключить особый договор с судным банком Персии. 3. Все расходы, сопряженные с продажей товара, распределяются в конце года по счетам правлений, участвующих в договорах товариществ пропорционально достигнутому каждым из них обороту, а расходы по первоначальному обзаведению — поровну (ЦИАМ. Ф. 774. Оп. 1. Д. 279. Л. 12–13). Таким образом, это было объединение синдикатского типа.

В 1903 г. правление Товарищества «Эмиля Цинделя» постановило, что в целях регулирования в Западной Сибири сбыта товаров «представляется целесообразным соединиться группе фабрикантов этих товаров и устроить в определенном пункте склады...» Свое согласие на участие в этом деле изъявили: Товарищества Л. Рабенек, Т-во С. Морозова сын и К°, Товарищество братьев Разореновых, Т-во Лабзина и Грязнова, Т-во братьев Носовых, Торговый дом А. Елагин с сыновьями, Торговый дом С. Гиршман и сын. «Виду же имеются Товарищество Ясюнинских, Т-во С. Сидорова, Торговый дом Л. Нейшнеллер, Сеньков» (ЦИАМ. Ф. 774. Оп. 1. Д. 325. Л. 7). Было решено купить участок земли в Омске и на нем построить здание складов, а расходы распределить между участниками дела соответственно их участию.

Таким образом в конце XIX – начале XX в. в Москве быстро развивалась промышленность, росло число фабрик и заводов, происходила их концентрация, создавались монополистические объединения.

Литература

1. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 735 с.
2. *Сергованцев Д.Н.* Иностраный капитал в промышленности Москвы в конце XIX – начале XX в. // Вопросы отечественной истории и историографии: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. М.: Альфа, 2002. С. 133–136.
3. *Сергованцев Д.Н.* Торговые связи промышленных предприятий Москвы в конце XIX в. // Вопросы отечественной истории и историографии: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. М.: Альфа, 2006. С. 85–91.
4. *Ушаков А.В.* Рабочий класс и рабочее движение в Москве в конце XIX – начале XX в. М.: Кларикса, 2003. 166 с.

References

1. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR. T. II. Kapitalizm. M.: OGIZ; Gospolitizdat, 1948. 735 s.
2. *Sergovancev D.N.* Inostranny'j kapital v promy'shennosti Moskvy' v konce XIX – nachale XX v. // Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vy'p. 5. M.: Al'fa, 2002. S. 133–136.
3. *Sergovancev D.N.* Torgovy'e svyazi promy'shlenny'x predpriyatij Moskvy' v konce XIX v. // Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vy'p. 9. M.: Al'fa, 2006. S. 85–91.
4. *Ushakov A.V.* Rabochij klass i rabochee dvizhenie v Moskve v konce XIX – nachale XX v. M.: Klariksa, 2003. 166 s.

A.V. Ushakov

Industry of Moscow in the Late XIXth and Early XXth Centuries

The article is devoted to the growth and monopolization of industrial production in the late XIXth and early XXth centuries in Moscow and the influence on the industrial production of the economic crises of 1900–1903. The author cites statistical data and draws on archival material.

Key words: industrial production of Moscow; economic crises of 1900–1903.

Т.В. Ершова

Золотой запас России накануне и во время Первой мировой войны

Впервые в исторической литературе поставлен и решен вопрос о золотом богатстве царской России и о значительной утрате его в годы Первой мировой войны. Работа подготовлена на основании имеющихся источников и литературы.

Ключевые слова: Россия; золото.

Вопрос общего количества золота в России и золотого запаса в государственной казне весьма актуален. Именно золотой запас, имеющийся у государства, позволяет ему выпускать кредитные билеты (деньги) в тех размерах, которые необходимы для финансирования производства, торговли и выплаты трудящимся заработной платы. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии этот вопрос недостаточно изучен.

Вопрос о золотом запасе в России накануне и во время Первой мировой войны был поставлен в работах С.Г. Беляева, А.Л. Вайнштейна, П.И. Лященко, А.П. Погребинского, А.Л. Сидорова, Г. Фиска и других авторов [1; 2; 7; 9; 12; 15]. Так, в монографиях А.Л. Вайнштейна и А.Л. Сидорова приведены сведения об общем количестве золота в слитках, а также о золотых и серебряных монетах, выраженных в рублях или в ценных бумагах. В работе Г. Фиска имеются данные о военных расходах царского и Временного правительства на войну, в том числе о количестве вывезенного золота в Англию в 1916 и в 1917 годах [15: с. 38]. По его сведениям, со ссылкой на профессора Б. Эльяшева, до 8 ноября 1917 г. Россия израсходовала на империалистическую войну 19 954 000 000 «паритетных» или 7 658 000 000 золотых долларов по курсу 1913 г. [15: с. 36].

В работах советских исследователей изучалась общая численность золотого фонда России, финансовая политика царизма и Временного правительства. Особое внимание проблеме финансирования войны уделено в трудах А.П. Погребинского, А.Л. Сидорова, А.Л. Вайнштейна, С.Г. Беляева. Вместе с тем специальных исследований, посвященных золотому запасу и его расходованию накануне и в годы Первой мировой войны, еще не создано, поэтому изучение данной проблемы очень важно как в научном, так и в познавательном плане.

Надо отметить, что по вопросу о золотом запасе царской России сохранился ряд достаточно ценных источников. Так, в 1922 г. был издан Центральным статистическим управлением России сборник «Россия в 1913–1917 гг.».

Т. VII. Вып. 2. Труды ЦСУ. В нем была помещена сводная таблица о количестве золотой валюты, находящейся ежемесячно в обращении на территории России с января 1913 по январь 1917 г. Здесь же приводились сведения о движении золотого запаса России за 1917 г. [14: с. 96], которые в 1957 г. переизданы в сборнике документов [16: с. 390].

О количестве золотых запасов и золотых монет, находящихся в обращении в 1914 г. на территории России, имеются сведения в статистико-документальном справочнике, подготовленном и изданном коллективом авторов Института истории России АН Российской Федерации [10: с. 138–140].

Для более глубокого анализа данной проблемы были привлечены опубликованные в качестве приложений к монографиям А.Л. Сидорова и С.Г. Беляева архивные и статистические материалы. Так, в приложении к капитальному исследованию А.Л. Сидорова помещены документы о количестве финансов в России в условиях мировой войны, о переговорах с Англией по поводу получения кредитов, о вывозе золота за границу. Среди опубликованных документов содержатся материалы о Петроградской конференции союзников в январе – феврале 1917 г., где имеются сведения о необходимых России кредитах для продолжения войны [12: с. 532–567].

В монографии С.Г. Беляева имеются обширные документальные приложения, составленные на основе опубликованных и архивных источников. В этих материалах содержатся сведения о годовом обороте денежных средств Государственного банка России за 1915–1916 гг., в том числе данные о количестве в кассе банка золота, серебра и о наличии золота и серебра на счетах Монетного двора. В приложении приведены сведения о количестве золота в Государственном банке России в 1916 и в 1917 гг., о золотых сбережениях в конце 1914 г. в России, Англии, Франции и Германии, о золотом запасе в Центральном банке воюющих стран в 1914 и в 1915 гг., об операциях Государственного банка с золотом в России и за границей в 1916 г. [1: с. 572, 573, 574, 593, 594].

Следовательно, имеющаяся литература и источники позволяют проанализировать общее количество золотого фонда России, его движение в Государственном банке, вывоз золота за границу в условиях Первой мировой войны, а также показать причины истощения золотого запаса России.

Накануне Первой мировой войны в Государственном банке России находилось золото в слитках: на 1 января 1911 г. — на 1231,6 млн. руб.; на 1 января 1912 г. — на 1259, 3 млн. руб.; на 1 января 1913 г. — на 1327, 9 млн. руб.; на 1 января 1914 г. — на 1527, 8 млн. руб. Средний прирост золотого запаса за три года (1911–1913 гг.) выразился в размере 296,2 млн. руб. или в среднем ежегодно приращение золота составляло в сумме 98,7 млн. рублей. Помимо этого России принадлежало «золото Госбанка за границей», которое накануне войны являлось частью его золотого фонда для обеспечения эмитировавшихся кредитных билетов, хранившихся в заграничных кредитных учреждениях, и исполь-

зовалось банком для внешних расчетов и осуществления мероприятий по поддержанию курса рубля. Всего золота, принадлежавшего России, хранившегося в зарубежных странах было (в млн. руб.): на 1 января 1911 г. — 218,7; на 1 января 1912 г. — 176,9; на 1 января 1913 г. — 227,5; на 1 января 1914 г. — 167,4. За минувшие три года количество золота, хранившегося в зарубежных странах, снизилось на 51,3 млн. рублей, в среднем за каждый год на 17,1 млн. рублей [2: с. 341–342]. Таким образом, золотой запас России (в слитках) составлял (в млн. руб.): на 1 января 1911 г. — 1450,3; на 1 января 1912 г. — 1436,2; на 1 января 1913 г. — 1555,4, и на 1 января 1914 г. — 1695,2. В среднем прирост золотого запаса за три предвоенных года составил 244,9 млн. рублей. Ежегодное приращение золота выражалось суммой 81,6 млн. рублей [2: с. 341].

Перед началом Первой мировой войны, помимо золотого запаса в слитках, в обращении находились золотые монеты. Они были введены в обращение в конце XIX века финансовой реформой С.Ю. Витте. К 1897 г. золотой фонд царской России достиг 1095 млн. рублей при находившихся в обращении 1067 млн. кредитных билетов. Превышение золотого запаса позволило министру финансов С.Ю. Витте осуществить давно назревшую финансовую реформу в течение 1895–1898 годов. В 1895–1897 гг. в России был введен «золотой стандарт» и выпущен в обращение 10-рублевый империал. 27 августа 1897 г. указом Николая II выпускаемые Государственным банком Государственные банкноты (деньги) обеспечивались золотым запасом государства и свободно разменивались на золото. Соотношение между одним золотым рублем и бумажным кредитным было определено: 1 кредитный рубль равнялся 66 копейкам золотом. Выпускавшиеся с 1895 г. 10-рублевые империалы были приравнены к 15 рублям золотом. Одна 15-рублевая золотая монета содержала в себе 11,6135 грамм чистого золота. С 1897 г. начали чеканить 15-рублевые, 10-рублевые, 7,5-рублевые и 5-рублевые золотые монеты. 27 марта 1898 г. в России была введена в обращение золотая валюта [7: с. 195,693].

Одновременно в оборот были введены разменные серебряные монеты (900 пробы), достоинством в 25 коп., 50 коп. и 1 рубль. Основной денежной единицей в России стал рубль, составлявший 1/15 часть империала. Согласно реформе кредитные билеты выпускались достоинством в 500, 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль. Кроме того в оборот были выпущены разменные мелкие медные монеты [10: с. 138].

Реформа обеспечивала высокое золотое покрытие бумажной денежной массы. К 1913 году оно составляло 104,1 %, в 1914 году — 101,8 % [3: с. 55]. Высокий процент покрытия бумажных денег золотом накануне войны свидетельствовал о том, что в крупных размерах вместо банкнот в обращении находились золотые сертификаты. Сертификаты свидетельствовали о твердом обеспечении российской валюты золотом и придавали уверенность иностранным инвесторам при вложении своих финансов в экономику России. Вместе с тем выпуск золотых денег

стоил дорого, и Государственному банку России приходилось непроизводительно держать в своих закромах запас золота более чем на 1 млрд. рублей для того, чтобы в обращении находилось минимальное количество денежных знаков. Все это увеличивало издержки обращения [4: с. 7-8].

До Первой мировой войны в России общее количество золотых монет находилось в народном обращении: на 1 января 1911 г. — 641,7 млн. рублей, на 1 января 1912 г. — 655,8 млн. рублей, на 1 января 1913 г. — 628,7 млн. рублей, и на 1 января 1914 г. — 494,2 млн. рублей. В целом из обращения за три года было изъято 147,5 млн. золотых рублей [2: с. 341]. Таким образом, золотой фонд царской России, золото в слитках и золотые монеты, составляли на 1 января 1911 г. — 2092,0 млн. рублей; на 1 января 1913 г. — 2092,0 млн. рублей; на 1 января 1913 г. — 2184,1 млн. рублей, и на 1 января 1914 г. — 2189,4 млн. рублей. За три года общий золотой запас страны увеличился на 97,4 млн. золотых рублей [2: с. 341].

Общее количество золотых монет, находящихся в обращении на территории России, учитывалось по данным их выпуска на Монетном дворе. Надо иметь в виду, что золотые монеты изнашивались, иногда переплавлялись в слитки и вывозились за границу. Вместе с тем в России находились иностранные золотые монеты, что в определенной степени компенсировало количество золота у населения. Кроме того, часть золота и серебра была в кладовых Монетного двора и в кассах Государственного банка на территории России, а также около 200 тыс. золотых рублей в российских посольствах и консульствах за рубежом [2: с. 342–343].

Было золото и в отдельных казенных и общественных организациях, во многих церквях и монастырях, в музеях, в кредитных, земских, городских и в кооперативных учреждениях, на золотых приисках у частных лиц. Оно примерно оценивалось в 140–150 млн. золотых рублей [2: с. 343].

Необходимо отметить, что в составленную А.Л. Вайнштейном итоговую таблицу общего золотого фонда царской России стоимость золота, хранящегося за границей в размере 167,4 млн. рублей, не вошла. Но и ее надо учитывать как собственность России.

Кроме золота в слитках и российских золотых монет, находившихся в обращении и в Госбанке, в стране были иностранные золотые монеты, а также векселя и билеты иностранных банков в иностранном отделении Особой канцелярии по кредитной части. По сведениям министра финансов, на 1 января 1914 г. эти ценности стоили 73,1 млн. золотых рублей. Наконец, России принадлежали иностранные золотые монеты, векселя и билеты иностранных банков, находившиеся у заграничных банкиров. На 1 января 1914 г. они оценивались в размере 390,6 млн. золотых рублей, т. е. за границей российских ценностей было на сумму 463,7 млн. золотых рублей. Эти ценности можно было в любое время превратить в золото [2: с. 423]. Валюта, находившаяся за границей, нужна была министерству финансов для поддержания курса рубля. До Февральской революции он был ак-

тивен. Когда же накануне войны возникла угроза конфискации немецкого золота в России и российского золота в Германии, хранящихся в Государственных банках этих стран, правительство Германии поспешило изъять его. Аналогично поступил Государственный банк России [7: с. 77].

Перед началом Первой мировой войны России принадлежали на территории Китая Китайская Восточная железная дорога стоимостью 278 млн. золотых рублей и в Монголии 3 телеграфные и 4 почтовые линии стоимостью 1 млн. золотых рублей. В Монголии, кроме этого, хранилось около 470 пудов чистого золота, намытого Горнопромышленным предприятием «Монголор» за 1907–1914 гг. Наконец, в 1914 г. Персия должна была России 62 млн. золотых рублей, в том числе 43 млн. золотых рублей за построенную железную дорогу [2: с. 430–432].

Кроме того, в 1913 г. России должны были: Турция 100,7 млн. золотых рублей, Греция — 7,3 млн. золотых рублей, и Болгария — 40,9 млн. золотых рублей [12: с. 419]. Таким образом, зарубежные ценности, принадлежавшие России, оценивались к 1 января 1914 г. в размере 955,7 млн. золотых рублей.

Платежеспособность царской России накануне Первой мировой войны была стабильной и положительной. Война нарушила эту стабильность. Неподготовленность России к войне обернулась трагедией для экономики и финансов страны, в том числе и для ее золотого фонда. Обмен золотых денег на бумажные банкноты в России продолжался до начала Первой мировой войны. Начавшаяся война во всех воюющих странах вызвала денежно-кредитный кризис. В России население в массовом масштабе стало предъявлять Государственному банку кредитные билеты, требуя обменять их на золото. Стремясь сохранить свой золотой запас, 27 июля 1914 г. Государственный банк России прекратил обмен бумажных денег на золото [9: с. 138]. Наоборот, царское правительство сделало попытку изъять основную массу золотых монет из обращения и сосредоточить ее в Государственном банке. Однако народные массы не спешили отдавать свои золотые запасы государству. К 1 января 1917 г. сумма неизъятых золотых монет, находившаяся у населения, составляла 436 млн. рублей [4: с. 20].

Первая мировая война резко ухудшила экономическое положение России. Она потребовала гигантских финансовых затрат. Так, суточные расходы на войну, по подсчетам З.С. Кацнельсона, составляли: в 1914 г. — 9,5 млн. рублей; в 1915 г. — 24,1 млн. рублей; в 1916 г. — 50,6 млн. рублей, и в канун свержения царизма — 50,6 млн. рублей. В июле и августе 1917 г. ежедневно на войну тратилось 66,6 млн. рублей [12: с. 116].

В 1914 г. военные расходы царской России составили 2546,1 млн. рублей; в 1915 г. — 9374,9 млн. рублей, в 1916 г. — 15267,0 млн. рублей, в 1917 году Временное правительство израсходовало на войну 22 734,7 млн. рублей. Советскому правительству пришлось затратить до марта 1917 г. на войну с Германией 4444,4 млн. рублей. Всего только военные расходы в 1914–1918 гг. для России составили 54 367,2 млн. рублей [12: с. 119].

Общая сумма военных расходов делилась на четыре группы. Первая группа: расходы непосредственно на войну составляли 41 146,3 млн. рублей, 76,2 %. Вторая группа: расходы, представляющие неизбежное следствие войны (покрытие убытков населения, пособия и т. п.) — 7471,5 млн. рублей, 13,7 %. Третья группа: расходы по приспособлению отдельных отраслей хозяйства к нуждам войны (дорожное дело, устранение бедствий, причиненных войной народному хозяйству) — 2363,1 млн. рублей, 4,4 %. Четвертая группа: расходы, не имеющие непосредственного отношения к войне (главным образом повышение жалования служащим по разным ведомствам) — 3085,9 млн. рублей, 5,7 % [12: с. 120].

До Февральской революции 1917 г. основная масса военных расходов приходилась на военное и морское ведомства, в общей сложности 33 002,5 млн. рублей. К ним необходимо добавить так называемые «мирные» расходы по обыкновенным сметам, рассмотренные и одобренные Государственной думой в 1915 и в 1916 гг. Они составляли 5988,4 млн. рублей [5: с. 8]. В итоге прямые военные расходы составляли сумму в размере 38 990, 9 млн. рублей. Она превосходила почти в пять раз весь государственный долг царского правительства.

Для покрытия военных расходов царское и Временное правительство увеличили эмиссию кредитных билетов. К началу войны в обращении денежных банкнот находилось на сумму 1633 млн. рублей. К 1 января 1915 г. их количество выросло на 2946 млн. рублей, к 1 января 1916 г. — на 5616 млн. рублей и к 1 марта 1917 г. — на 9949 млн. рублей. К 8 апреля все кредитные билеты, находившиеся в обращении в России, составляли сумму в размере 11 153 млн. рублей [16: с. 374].

Во время войны царскому правительству пришлось изыскивать дополнительные средства. В результате с 19 июля 1914 г по 1 января 1917 г. государственный долг России вырос до 33 580,8 млн. рублей, к 1 июля 1917 г. — до 43 906 млн. рублей. Война очень сильно подорвала внешнюю торговлю России. За 1914, 1915 и 1916 годы пассивный баланс составил 3021 млн. рублей. После падения царизма за три месяца он вырос во внешней торговле до 400 млн. рублей [12: с. 378].

Для продолжения войны царскому правительству пришлось прибегнуть к получению кредитов на внутреннем и внешнем рынках. Всего их было получено 26 404 млн. рублей валютой. Англия, Франция, Япония, США и Италия предоставили займы в размере 6573 млн. рублей. Остальные средства были получены в России. В результате Государственный долг к 1 марта 1917 г. составлял сумму около 35 млрд. рублей. При условии оплаты долгов по 5 % годовых государство должно было ежегодно выплачивать заимодавцам 1750 млн. рублей [16: с. 374].

Особо тяжелое положение сложилось с валютой. Ее не хватало, чтобы вести торговые операции с Китаем и Персией, чтобы обеспечить валютой российские войска, находившиеся в Персии и Румынии. Недостаток валюты привел в годы войны к сокращению в обращении на внутреннем рынке золота и серебра. Так,

динамика обращения в России денежных золотых знаков выглядела следующим образом. В январе 1913 г. — 628,7 млн. золотых рублей; в январе 1914 г. — 494,2 млн.; в январе 1915 г. — 459,8 млн., в январе 1916 г. — 442,9 млн., и в январе 1917 г. — 496,0 млн. Наибольшее падение обращения золотых денежных знаков было в декабре 1916 г., когда оно составило 436,2 млн. золотых рублей [14: с. 92]. В январе 1917 г. золотой запас России составлял сумму в размере 1 474 858 тысяч рублей, и в феврале 1917 г. — 1 476 066 тысяч рублей. В январе 1917 г. за границей находилось золота на 2 149 682 тысячи рублей. И в феврале 1917 г. — на 2 140 885 тысяч рублей [14: с. 101].

Царское правительство, не подготовив Россию к мировой войне в экономическом и в военно-стратегическом планах, вынуждено было делать огромные заказы на военную продукцию в зарубежных странах: на винтовки, артиллерию, снаряды, патроны, самолеты, телефонные аппараты, колючую проволоку, снаряжение и обмундирование, вплоть до ваты и бинтов. За все необходимо было платить валютой. Для получения кредитов в Англии, Франции США и в др. странах царизму пришлось вывозить за границу золото. Уже в октябре 1914 г. первая партия золота в размере 8 млн. фунтов стерлингов была вывезена в Англию. Вторая партия золота в Англию в размере 10 млн. фунтов стерлингов была вывезена в декабре 1915 г. [12: с. 137].

Когда во Франции получили сведения, что из России под английские кредиты было вывезено золото, то министр финансов Франции заявил, чтобы при очередном заключении соглашения о финансировании России последняя вывезла и ей золото в размере 2/5 нового аванса [1: с. 372].

Золотой запас в Государственном банке России не фиксировался на определенной сумме. Он мог уменьшаться, но на сумму уменьшения золота в банке должно было увеличиваться количество долговых обязательств казны. Бумажное обращение внутри страны фактически теряло всякую связь с золотом. Правительство имело возможность выпускать бумажные деньги в неограниченном количестве. Но отечественная буржуазия, получая огромные доходы на военных поставках, хотела после окончания войны вернуться к золотому обращению и на этой основе дополнительно значительно обогатиться. Это была иллюзия. Однако царское правительство решило воспользоваться ей. Оно приняло решение фиктивно повысить золотое обеспечение рубля по счету «Золото за границей». Будто бы по английскому кредиту в октябре 1915 г. «золотая наличность» Государственного банка России была почти на два миллиарда рублей увеличена.

Об этой операции подробно написал в своей книге Г. Фиск. В ней говорилось, что английское правительство открыло России специальный счет на 973 млн. долларов, значившихся на балансе Государственного банка как «Золото за границей» и служивших основой для выпуска кредитных билетов. Русское правительство с согласия Англии фиктивно положило в депозит английского казначейства русские казначейские беспроцентные обязательства, а английское правительство

предоставило взамен этого не подлежащие расходованию кредиты. В результате уменьшение золотого запаса в России осталось не замеченным в широких массах населения [1: с. 372; 15: с. 160–161].

Эта афера позволила Государственному банку России увеличить золотой запас на 1494,8 млн. рублей в Англии. Они фигурировали как заграничные обязательства великобританского казначейства за отосланное из России золото [3: с. IV]. Но англичане даже за эту фиктивную сделку потребовали уплатить проценты. Золото, вывезенное из России в Англию, юридически считалось собственностью России и подлежало возвращению, при условии оплаты предоставленных под это золото кредитов [12: с. 138].

В 1916 г. золотой запас, хранящийся в кладовых Государственного банка России, стал уменьшаться. Зато количество вывезенного за границу золота быстро увеличивалось. Согласно заключенному между Англией и Россией соглашению, последняя должна была отправить в английское казначейство золота на 600 млн. рублей. По этому поводу член Комитета финансов П.А. Сабуров писал, что эту сумму необходимо было списать с российского золотого запаса, ибо Англия никогда не возвратит нам этого золота и удержит его, так как у нас огромные долги.

По вопросу об отправке такого громадного количества золота в Англию в российских правящих кругах разгорелась борьба. От министра финансов потребовали при переговорах о кредитах с английским министром финансов добиться уменьшения количества вывозимого золота. В результате длительных переговоров было достигнуто соглашение, что будет вывезено золота на 200 млн. рублей. Но англичане потребовали доставить им золото на сумму в 200 млн. рублей, не привезенное в 1915 г., т. е. на 400 млн. рублей [12: с. 170].

Всего до Февральской революции английское казначейство получило золота на 643,2 млн. рублей. Но англичане постоянно требовали доставлять им золото. В России сложилась ситуация, когда после очередной отправки золота в стране остались бы золотые запасы в размере около 1 млрд. рублей, что составило бы 10 % золотого обеспечения на бумажный рубль, в то время как до войны золотое обеспечение превышало 100 %. В феврале 1917 г. золотое обеспечение рубля опустилось до 15,0 % с 97,9 % в конце июля 1914 г. [12: с. 170; 17: с. 125].

В связи с этим Государственная дума приняла решение о непременном сохранении золотого запаса Государственного банка на уровне 1,4 млрд. рублей. По этому поводу министр финансов П.Л. Барк сделал заявление английскому правительству, что «понижение нашего золотого запаса внутри страны ниже одного миллиарда рублей недопустимо, и посему великобританское правительство не должно рассчитывать на дальнейшую высылку звонкого металла сверх 200 млн. ф. с., обусловленных новым соглашением». Англия с предложением П.Л. Барка согласилась, но совсем отказаться от высылки золота не удалось. Как только 1 января 1917 г. истек срок соглашения о военных поставках в Россию

согласно февральской конференции 1915 г., английское правительство потребовало выслать очередную партию золота на сумму 20 млн. фунтов стерлингов. Для того чтобы царское правительство выслало это золото, английский министр финансов прекратил оплачивать русские счета в США на заказанное военное имущество [12: с. 373].

К концу 1916 г. положение в России приняло катастрофический характер. Многие промышленные предприятия закрывались. Страну поразил кризис. С наибольшей силой он проявился в металлургической промышленности, в топливной, текстильной и в сельском хозяйстве. Катастрофический характер принял продовольственный кризис. Но самое большое потрясение произошло на транспорте. В январе – феврале 1917 г. в Центральных и Северных губерниях России движение поездов было парализовано [7: с. 628–639]. Война в 1916 г. вызвала финансовую катастрофу [12: с. 172].

Этой ситуацией воспользовалось английское правительство и настоятельно потребовало выслать очередную партию золота. Просьбу нового министра финансов России Н.Н. Покровского о невозможности доставлять больше в Англию золото последняя проигнорировала. В феврале 1917 г. новая партия золота поступила из России в английское казначейство. Всего за годы войны из России в Англию золото вывозилось пять раз в размере 66 млн. фунтов стерлингов. Под это золото Англией был открыт кредит на сумму 74 613 512 фунтов стерлингов [1: с. 381].

Подобным образом действовали банкиры США. Так, в январе 1915 г. Морган дал согласие учитывать русские векселя на сумму 25 млн. долларов. Через 3 месяца министр финансов России П.Л. Барк сделал попытку выпустить краткосрочные обязательства на 25 млн. долларов США. За эту операцию Морган потребовал выслать золото [12: с. 381]. В 1916 г. Россия получила в США кредит в размере 80,5 млн. долларов, за которые было уплачено в размере 1331,2 млн. золотых рублей. Всего США получили за предоставленные кредиты 2254,3 млн. золотых рублей [8: с. 158–159].

Во время войны царское правительство сделало большие заказы на оружие в Японии. В марте 1916 г. русский посол получил полномочия вести переговоры с японским правительством о получении займа в размере 315 млн. иен. В целом правительство Японии отнеслось «сочувственно» к предложению о займе, но потребовало обеспечить заем высылкой золота. Однако выслать золото в Японию было невозможно, ибо его не хватало для отправки в Англию [12: с. 401]. Только после продолжительных переговоров Япония отказалась от высылки золота, заменив его высокими процентными ставками по займам.

В годы Первой мировой войны царское, а затем и Временное правительство оказались в финансовой зависимости от Англии, Франции, Италии, США и др. стран. За полученные за границей кредиты на приобретение в этих же странах военной техники, отвлекая на себя громадное количество немецких

и австрийских войск, Россия вынуждена была расплачиваться не только жизнью сотен тысяч солдат, но и золотом. После проведения первой финансовой конференции в феврале 1915 г. Россия расплатилась за поставки оружия, боеприпасов и снаряжения своими золотыми запасами. Срок подписанного соглашения в феврале 1915 г. истек к началу 1917 г. В связи с этим в январе – феврале 1917 г. в Петрограде состоялась новая конференция, на которой рядом с вопросом о предоставлении российской армии военных припасов был поставлен вопрос об их оплате [17: с. 150].

Представители Англии, Франции и Италии сделали для себя вывод, что всю тяжесть мировой войны необходимо переложить на Восточный фронт, на Россию [11: с. 67–77, 77–84]. Чтобы царское правительство в этом вопросе было сговорчивым, новый премьер-министр Англии Д. Ллойд-Джордж за месяц до конференции в Петрограде в разговоре с царским послом заявил, что Англия в области финансирования войны переживает большие трудности, что ей самой не хватает средств, что эту проблему надо разрешить. Свои соображения, как эту проблему предполагалось разрешить, высказал глава английской делегации на предстоящей конференции в Петрограде. Он заявил, что налоговое бремя в Англии поднято с 6 до 25 %, что самые крупные налоги составляют 40 % от дохода и, несмотря на это, военный долг Англии составляет свыше 3 млрд. фунтов стерлингов, из которых больше 800 млн. фунтов стерлингов истрачено на союзников, что Англия заложила «теперь почти все свои иностранные ценности» [11: с. 79–80].

Руководство стран Антанты знало, что основным источником финансирования войны была Англия, что почти все страны, воюющие с тройственным союзом, были у нее в долгу. Еще до начала конференции Россия под полученный кредит вывезла в Англию золото на 20 млн. фунтов стерлингов, но спустя 3 месяца после подписания соглашения английское руководство не профинансировало сделанные Россией военные заказы. Получив российское золото, Англия преднамеренно не расплачивалась с другими странами, в которых русское правительство сделало военные заказы [12: с. 427].

С 19 января по 7 февраля 1917 г. проходила Петроградская конференция. Она рассмотрела вопрос о продолжении войны, разработала планы поставок в Россию военных припасов и сырья общим объемом до 8 млн. тонн. Для оплаты материалов и снаряжения России предоставлялся кредит. Руководство Англии и Франции заверило российскую делегацию, что России будет предоставлен кредит на 3 месяца в объеме по 12 млн. фунтов стерлингов ежемесячно. Это решение обошлось русской казне вывезенным золотом на сумму 20 млн. фунтов стерлингов [16: с. 451].

За годы войны Россия получила кредит у своих союзников в размере 7205,3 млн. рублей [12: с. 526]. За эти деньги Россия расплатилась сполна жизнью своих солдат, разрушением народного хозяйства, обнищанием масс и золотом, ежегодно вывозимым в Англию. Война привела к истощению эко-

номики и к финансовому краху царизма и Временного правительства, к двум революциям в России.

Литература

1. *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб.: СПГУ, 2002. 620 с.
2. *Вайнштейн А.Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. 484 с.
3. Государственный банк. Отчет за 1916 год. Пг.: б. изд., 1917. [2], XXIII. 131 с.
4. *Гусаков А.Д.* Очерки по денежному обращению в России накануне и в период Октябрьской революции. М.: Госфиниздат, 1946. 124 с.
5. Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года. Публикация Б. Романова // Красный архив. Т. 25. М., 1927. С. 3–33.
6. *Левин И.И.* Германский капитал в России. СПб.: Редакция периодических изданий, 1914. 85 с.
7. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.
8. *Мицц И.И.* История Великого Октября. Т. I. Свержение самодержавия. М.: Наука, 1977. 784 с.
9. *Погребинский А.П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968. 168 с.
10. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М.: Самотека, 2008. 431 с.
11. *Семенников В.П.* Монархия перед крушением. 1914–1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л.: Госиздат, 1927. VIII. 300 с.
12. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: АН СССР, 1960. 580 с.
13. Статистический ежегодник на 1914 г. СПб.: Совет съездов биржевой торговли, 1914. XXXIII. 849 с.
14. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Т. VII. Вып. 2. М.: ЦСУ, 1922. 307 с.
15. *Фиск Г.* Финансовое положение Европы и Америки после войны. М. Экономическая жизнь, 1926. 424 с.
16. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы (март – октябрь 1917 г.). Ч. II. М.; Л.: АН СССР, 1957. 656 с.
17. *Хромов П.А.* Очерки экономической истории России периода монополистического капитализма. М.: ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1956. 240 с.

References

1. *Belyaev S.G.* P.L. Bark i finansovaya politika Rossii 1914–1917 gg. SPb.: SPGU, 2002. 620 s.
2. *Vajnshtejn A.L.* Narodnoe bogatstvo i narodnoozyajstvennoe nakoplenie predrevolyucionnoj Rossii. M.: Gosstatizdat CSU SSSR, 1960. 484 s.
3. Gosudarstvenny'j bank. Otchet za 1916 god. Pg.: b. izd., 1917. [2], XXIII. 131 s.

4. *Gusakov A.D.* Oчерki po denezhnomu obrashheniyu v Rossii nakanune i v period Oktyabr'skoj revolyucii. M.: Gosfinizdat, 1946. 124 s.
5. Finansovoe polozhenie Rossii перед Oktyabr'skoj revolyuciej. Polozhenie gosudarstvennogo kaznachejstva za vremya vojny' s Germaniej i Avstrij do koncza 1917 goda. Publikaciya V. Romanova // Krasny'j arxiv. T. 25. M., 1927. S. 3–33.
6. *Levin I.I.* Germanskij kapital v Rossii. SPb.: Redakciya periodicheskix izdanij, 1914. 85 s.
7. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR. T. II. Kapitalizm. 4-e izd. M.: Gospolitizdat, 1956. 728 s.
8. *Mincz I.I.* Istoriya Velikogo Oktyabrya. T. I. Sverzhenie samodержaviya. M.: Nauka, 1977. 784 s.
9. *Pogrebinskij A.P.* Gosudarstvenny'e finansy' czarskoj Rossii v e'poxu imperializma. M.: Finansy', 1968. 168 s.
10. Rossiya nakanune Pervoj mirovoj vojny'. Statistiko-dokumental'ny'j spravochnik. M.: Samoteka, 2008. 431 s.
11. *Semennikov V.P.* Monarxiya перед krusheniem. 1914–1917 gg. Bumagi Nikolaya II i drugie dokumenty'. M.; L.: Gosizdat, 1927. VIII. 300 s.
12. *Sidorov A.L.* Finansovoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (1914–1917). M.: AN SSSR, 1960. 580 s.
13. Statisticheskij ezhegodnik na 1914 g. SPb.: Sovet s'ezdov birzhevoj trgovli, 1914. XXXIII. 849 s.
14. Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg. T. VII. Vy'p. 2. M.: CSU, 1922. 307 s.
15. *Fisk G.* Finansovoe polozhenie Evropy' i Ameriki posle vojny'. M.: E'konomicheskaya zhizn', 1926. 424 s.
16. E'konomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. Dokumenty' i materialy' (mart – oktyabr' 1917 g.). Ch. II. M.; L.: AN SSSR, 1957. 656 s.
17. *Xromov P.A.* Oчерki e'konomicheskoi istorii Rossii perioda monopolisticheskogo kapitalizma. M.: VPSH i AON pri CK KPSS, 1956. 240 s.

T.V. Ershova

The Gold Reserve of Russia Before and During First World War

For the first time in the historical literature posed and solved the issue of golden wealth of Tsarist Russia and about the significant loss of it during the First World War. The article is prepared on the basis of available sources and literature.

Key words: Russia; gold.

**Т.В. Васильева,
К.А. Долгов,
А.В. Скрыпников**

Страницы истории России: «антоновщина» как социальный феномен

В статье на фактическом материале рассматривается борьба тамбовских крестьян с политическим режимом в России 20-х годов прошлого века. Показано, что крестьянское движение, вошедшее в историю под названием «антоновщина», наряду с другими выступлениями крестьянства, заставило руководство Советского государства отказаться от политики военного коммунизма и перейти к НЭПу.

Ключевые слова: гражданская война; диктатура пролетариата; политика «военного коммунизма»; продразверстка; «антоновщина»; натуральный налог; новая экономическая политика.

Диктатура пролетариата, осуществляемая в России 1920–1921 годов прошлого века, по условиям военного времени самыми жесткими методами (приказ, расстрел, контрибуция, штраф, конфискация, взятие заложников), вызывала крайнее возмущение крестьян, провоцировала многочисленные выступления населения (в том числе вооруженные) против новой власти. Так, крестьянское движение в Тамбовской губернии, более известное как «антоновщина», своими масштабами, политическим резонансом и последствиями явилось событием огромной общероссийской значимости. По количеству участников и уровню организованности это движение можно сравнить с крестьянской войной. Мощный социальный взрыв вынудил государственную власть приступить к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором в это время оказалась страна.

«Антоновщина» всегда привлекала внимание исследователей, и поэтому ее нельзя отнести к «белым пятнам» нашего прошлого. На это указывает и обширная историография проблемы. В библиографический указатель «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг.», изданный в 1994 г., вошли около 800 выявленных отечественных и зарубежных публикаций [9].

Однако популярность исторической темы отнюдь не залог ее плодотворного познания. Еще сравнительно недавно полная и достоверная история вооруженного сопротивления тамбовских крестьян большевистскому государству была недоступна общественности — пропагандистские мифы и стереотипы заслоняли подлинную картину народной драмы, искажали ее суть как посредством откровенно тенденциозного подбора источников, так и сугубо идеологическим их освещением.

Трактовка советской историографией «антоновщины» как антисоветского кулацко-эсеровского мятежа была далека от исторической правды. С позиций современных научных представлений очевидно, что история «антоновщины» не может быть исчерпывающе понята в ее собственных координатах, вне широкого исторического контекста. Безусловно массовое восстание тамбовских крестьян явилось результатом жесткой, порой до иррациональности жестокой «военно-коммунистической» политики, однако корни его глубоко уходят в толщу времен. Для понимания кризиса традиционного аграрного общества, ограниченно включенного в естественно-природные процессы, очень важно изучение этих последних. Мы не поймем поведение крестьянства, если не усвоим, как тяжело отразились на нем три кризиса: демографический, экологический и кризис власти [З: с. 294–304].

Свержение монархии тамбовские крестьяне восприняли как долгожданную санкцию свыше на ликвидацию помещиков «как класса». Усилия Временного правительства по спасению производственного фонда помещичьих хозяйств от разрушения, торжественные обещания окончательно решить земельный вопрос в Учредительном собрании лишь подогревали нетерпение и озлобление деревенской массы.

Беднота не могла исчезнуть сразу после ликвидации помещичьего землевладения, а голод не ждал, особенно в Нечерноземной, или, как тогда говорили, в потребляющей полосе, составляющей большую часть территории Советской России осенью 1918 г. и в 1919 г. Тем не менее, хотя большевистская политика имела своих активных сторонников в деревне, широкое недовольство ею в крестьянской среде нарастало. Возмущение и протест вызывали безобменный характер заготовок, непосильность для крестьянских хозяйств предъявляемых требований, применение грубой силы, зачастую выливавшееся в прямой грабеж — все то, что самими продкомиссарами с деловым цинизмом именовалось «выкачкой хлеба».

Тамбовская губерния была «хлебной», и потому испытала на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры. К октябрю 1918 г. в губернии действовали 50 продотрядов, общей численностью до 5 тыс. человек — такого размаха конфискации не знала ни одна губерния. Насилие со стороны продотрядов и комбедов вызвали волну крестьянских восстаний, прокатившуюся по многим районам советской России, только на Тамбовщине в них участвовало тогда до 40 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.).

В Тамбовской губернии, как и всюду в России, война и революция произвела глубокие сдвиги в структуре и психологии общества. Массы людей, выбитых из привычного уклада жизни, но усвоившие психологию «человека с ружьем», представляли собой питательную среду для всякого недовольства.

Более трети мужчин из тамбовской деревни побывали в армии и вернулись домой с решимостью действовать по-своему и с оружием. В тамбовских лесах уже в 1918–1919 гг. скрывались десятки тысяч «зеленых» и дезертиров, уклонявшихся от военной мобилизации.

Попытки местных властей побудить крестьян перейти к общественной обработке земли уже тогда нередко выливались в насильственную коллективизацию, вызывавшую восстания. По свидетельству В.А. Антонова-Овсеенко, председателя Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с повстанчеством, в губернии до 72 тыс. десятин помещичьей земли отошли под совхозы, которых к 1920 г. было до 150, «но ни один не поставлен сколько-нибудь сносно — все идут в убыток, все пользуются крестьянским трудом и очень немногие оказывают сколько-нибудь существенную помощь деревне» [4: с. 229].

Однако главной проблемой в отношениях между Советской властью и крестьянством оставался хлеб, продовольственная диктатура. В итоге до конца 1918 г. в Тамбовской губернии было заготовлено около 12 млн. пудов зерна из 35 млн. пудов «задания» [10: с. 153, 155].

Подавление крестьянских восстаний с самого начала проводились со всей решимостью, не останавливаясь перед применением военной силы и казни [1: с. 81]. Оправданием суровой бескомпромиссности и даже жестокости служила угроза голода для миллионов людей в условиях Гражданской войны, на фронтах которой решались судьбы революции. Соответственно большевистская идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насильственного изъятия хлеба как «кулацкие», а попытки вооруженного сопротивления как «бандитизм». Вся терминология прочно вошла в официальный язык и всю советскую документацию. При этом местные руководители входили в неразрешимое противоречие с реальной обстановкой в губернии и с собой; списывая перед Центром свои хозяйственные и военные просчеты и неудачи на кулацкий состав населения отдельных уездов и даже всей губернии [10: с. 107, 116], тем самым они навлекали на тамбовскую деревню более тяжкое бремя продразверстки.

Уроки крестьянских восстаний второй половины 1918 г. не прошли бесследно. Они привели к ликвидации комбедов и отказу власти от попыток опереться исключительно на «сельский полупролетариат», ибо деревня оставалась крестьянской. Комбеды были слиты с сельскими и волостными Советами и таким образом повысили в них влияние бедноты, теснее связанной с большевиками. Стихия продовольственных заготовок рабочими отрядами была заменена единой системой продразверстки, осуществляемой в общегос-

сударственном масштабе. Государство, в свою очередь, обязывалось обеспечить деревню промышленными товарами на основе прямого (не торгового) распределения. В этом состояла одна из главных идей «военно-коммунистической» организации экономической жизни.

Однако разрушенная многолетней войной промышленность не могла удовлетворить нужд деревни в сколько-нибудь заметной мере. «Военно-коммунистическая» политика в деревне сразу же свелась к изъятию из крестьянских хозяйств продовольствия. Необходимого для полуголодного существования армии и городского населения, остатков промышленности. Военные мобилизации, разного рода повинности (трудовая, гужевая и др.), попытки прямого перехода к социализму еще более усиливали противостояние крестьянства и власти.

Военный характер советской политики того периода проявился не только в том, что это была политика военного времени, но и в том, что ее осуществление опиралось на массированное применение вооруженной силы. Фактически продразверстка проводилась продармией, находившейся в подчинении Наркомата продовольствия, но организованной и действовавшей по принципам регулярной армии. В стране, пережившей состояние Гражданской войны, и сопротивление деревни соответственно приняло форму вооруженных выступлений.

Конечно, первой и самой простой формой сопротивления продразверстке стало резкое сокращение крестьянином своего хозяйства. К примеру, если в 1918 г. в Тамбовской губернии на одно хозяйство приходилось в среднем 4,3 десятины посева, то в 1920 г. — лишь 2,8 десятины [8: с. 50]. В 1921 г. из многих мест сообщали, что больше половины посевных площадей не засеяно. Поля засеивались в размерах только для личного потребления. В своем докладе в ЦК РКП (б) от 20 июля 1921 г. В.А. Антонов-Овсеенко подчеркнул, что доля хозяйств с нормальным наделом для Тамбовской губернии уменьшилась с 19,4 до 2,6 %, в Кирсановском уезде почти вдвое. Понятно, по словам докладчика, почему этот уезд стал родиной «антоновщины» [1: с. 491–504].

Даже тех крестьян, которые готовы были мириться с продразверсткой как временной и вынужденной мерой, не могли не возмущать произвол в определении объема поставок, злоупотребление грубой силой и пренебрежение к хранению и использованию изъятой у них продукции — результат их тяжелого труда. После того как хлеб у них выгребали дочиستا, он зачастую пропадавал на месте: гнил на ближайших станциях, пропивался продармейцами, перегонялся на самогон.

До лета 1920 г. тамбовское крестьянство все-таки распоряжалось достаточными для выживания ресурсами. Однако положение деревни стало поистине трагическим в 1920 г., когда Тамбовщину поразила засуха. «Продовольственная вакханалия» толкала крестьян на крайние формы протеста. «Антоновщина» явилась вынужденной и естественной реакцией по защите основ своего жизнеобеспечения, по сути, мерой борьбы за физическое самосохранение в критических исторических условиях.

Если положение на губернском уровне хоть как-то контролировалось Центром, то на уровне волостей, сел и деревень их жители были совершенно беззащитны перед произволом властей. По оценке уполномоченного Совета Обороны Озеровского, в Козловском уезде «власть Советов была аннулирована и созданы ячейки из отбросов общества, бывших конокрадов, хулиганов, спекулянтов. Они стали творить над крестьянами суд и расправу [1: с. 88–91].

Быстрый скачок в политических настроениях черноземного крестьянства, на наш взгляд, объясняется рядом объективных и субъективных причин. Среди последних можно выделить психологические и нравственно-психологические [6: с. 173].

Анализ документов тех лет свидетельствует о том, что тамбовское руководство не сразу осознало масштаб восстания, видя в нем скорее досадную помеху исправному выполнению продразверстки, чем реальную угрозу себе, своей власти.

В Тамбовской губернии можно отметить четыре периода подъема антибольшевистского движения: лето 1918 г., осень 1918 г., лето 1919 г. и, наконец, осень 1920 – лето 1921 г. В ходе восстаний, в которых участвовали десятки тысяч человек, советская власть свергалась на территориях целых уездов, повстанцы захватывали административные центры (Борисоглебск, Шацк и Моршанск), образовывали собственные органы власти и вооруженные силы.

Вспыхнув в середине августа 1920 года в селах Хитрово и Каменке Тамбовского уезда, жители которых отказались сдавать хлеб, разоружили и частично уничтожили продотряд, произошел инцидент, обычный для практики продовольственных отрядов, но повлекший за собой значительные последствия. Как признали сами местные власти, «продармейцы» совершили целый ряд злоупотреблений: они грабили и разоряли все хозяйства, что встречались им на пути, реквизируя даже подушки и кухонную утварь, делили награбленное между собой и зверски избивали семидесятилетних стариков на виду у всех. Старики обвинялись в том, что их сыновья дезертировали и прячутся в окрестных лесах. Также возмутило крестьян, что конфискованное зерно, погруженное на подводы для транспортировки на железнодорожную станцию, осталось тлеть под открытым небом [5: с. 125]. Восстание распространялось по губернии с непостижимой для местных властей быстротой. Если в начале сентября 1920 года численность повстанцев, по разным оценкам, составила от 3 до 5 тыс. человек, то в январе 1921 года она приблизилась уже к 40 тыс. бойцов, сведенных в две армии в составе 21 полка и отдельную бригаду [7: с. 213].

Восстание перекинулось в соседние Пензенскую, Саратовскую, Воронежскую губернии. С 24 августа 1920 г. и до самого конца восстания во главе его стоял Александр Антонов — недюжинная личность, настоящий народный вождь. Благодаря Антонову движение вылилось в форму планомерной организованной борьбы.

В октябре 1920 г., когда стало ясно, что восстание затягивается, В.И. Ленин потребовал «скорейшей и примерной» его ликвидации. Командующий войсками Внутренней охраны Василий Корнев заверял, что подавление «бандитизма» близко к завершению. Большевики ошибались. Уступая войскам Красной армии и ВОХР в вооружении, повстанцы рассыпались при появлении превосходящих сил в лесах и населенных пунктах, а затем наносили неожиданный удар. Кроме того, восстание приобрело антибольшевистский политический компонент. Возглавивший его Союз трудового крестьянства во главе с Александром Антоновым, Георгием Плужниковым, Петром Токмаковым выдвинул требования с эсеровской окраской. Восставшие требовали ликвидировать монополию большевиков на власть, созвать Учредительное собрание, провести свободные выборы в местные органы власти, отменить разверстку, денационализировать промышленность (за исключением крупной) и разрешить частную инициативу. В декабре 1920 г. повстанцы создали партизанскую армию Тамбовского края в составе 20 полков, сведенных в дивизии и бригады. Войска Внутренней службы и Красной Армии — те же крестьяне — неоднократно переходили на сторону повстанцев с оружием или сдавались без боя. На рубеже 1920–1921 гг. повстанцы очистили от большевиков примерно половину территории губернии. В повстанческих уездах сохранялись Советы, из которых изгонялись коммунисты. Восстание не прекратилось и когда крестьяне получили известие об отмене разверстки и введении НЭПа. Местные жители не верили уступкам большевиков, не раз оборачивавшимся новым ужесточением порядков. Кроме того, отмена разверстки не означала амнистии недоимщикам. Наконец, крестьян до августа принуждали снабжать продуктами и фуражом советские войска, подавлявшие восстание.

Силами 9-й и 11-й армий в феврале 1921 г. покончили с независимостью Грузии. Армию возглавлял Михаил Тухачевский. В марте 1921 г. он жестоко подавил восстание моряков в Кронштадте, что, вероятно, сыграло свою роль в его назначении. Ключевым фактором подавления антоновского восстания стала примененная М.Н. Тухачевским тактика устрашения.

Главный оперативный штаб во главе с А.С. Антоновым осуществлял руководство вооруженными силами повстанцев, в организации которых сочетались принципы построения регулярной армии с иррегулярными вооруженными отрядами. Регулярные силы, построенные по образцу Красной армии, включали значительную часть командиров, особенно среднего звена (командиры полков, эскадронов), которые были прежде командирами Красной армии.

Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев обусловил низкую эффективность военных операций советских карательных войск. Для руководства политической работой в повстанческой армии создавались политотделы, в каждом полку — политкомы, в подразделениях назначались политработники и агитаторы. Формировались полковые, бригадные, дивизионные, армейские суды. Эффективная организация разведки и осве-

домления, снабжения всеми видами довольствия и снаряжения осуществлялись благодаря поддержке местного крестьянского населения.

Партия социалистов-революционеров к подготовке и к руководству антоновщиной не имела прямого отношения. Эсеровский Союз трудового крестьянства и Союз трудового крестьянства во главе с Григорием Плужниковым, который был фактически партией партизанской армии Тамбовского края, объединяло только название. Антоновский СТК имел устав и программу. Программа Союза трудового крестьянства включала: политическое равенство всех граждан, без разделения на классы; созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права для установления справедливого политического строя; создание временной (до созыва Учредительного собрания) власти на выборной основе, но без большевиков. Политический документ повстанцев имел широкое демократическое содержание с заметным эсеровским влиянием и с противоречиями, порожденными спецификой крестьянской революционной идеологии. Устав СТК определял Союз трудового крестьянства как организацию крестьян, поставившую своей целью свержение власти коммунистов-большевиков. Комитеты Союза трудового крестьянства фактически являлись органами власти в районах, где действовала повстанческая армия.

Для ликвидации восстания потребовалось стягивание значительных частей регулярной Красной армии, дополнительных сил внутренних войск. Против антоновцев были сосредоточены крупные и боеспособные воинские контингенты, техника, включая артиллерию, бронечасты, самолеты. Антибольшевистское восстание в центре России заставило Кремль преобразовать группу войск в «армию по борьбе с бандитизмом». К 15 мая армия насчитывала 56 000 человек, более 100 орудий, 20 бронемашин, 12 бронепоездов и 18 самолетов.

Высшим органом борьбы с антоновщиной стала Полномочная комиссия ВЦИК, которую возглавил Владимир Антонов-Овсеенко. Политбюро ЦК РКП (б) 27 апреля 1921 г. приняло специальное постановление «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии». Назначение командарма Тухачевского руководителем подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии проводилось без огласки. Многие из бывших красных командиров и красноармейцев воевали под командованием Михаила Тухачевского, которого теперь назначили подавлять крестьянскую борьбу, то есть сражаться против бывших однополчан. Тухачевский получил директиву — ликвидировать антоновское восстание не позже чем в месячный срок. Вместе с ним на Тамбовщину прибыли также другие военачальники, отличившиеся в Гражданской войне: Николай Какурин, Иероним Уборевич, Григорий Котовский. Одновременно были командированы от карательных органов Генрих Ягода и Василий Ульрих. Численность советских войск на Тамбовщине к лету превышала 100 тыс. красноармейцев.

Летом 1921 г. в Тамбовской губернии жестокость превратилась в четко отлаженную систему. Губернию разделили на несколько боевых участков, на-

чальник каждого из которых отвечал за спокойствие на вверенной ему территории. Это называлось «оккупационная система» (термин самого Тухачевского). В каждом крупном населенном пункте находилась воинская часть, способная отразить неожиданное нападение. Семьи повстанцев — от грудных детей до беременных женщин и стариков — брались в заложники.

Для быстрого очищения от бандитизма территории губернии командование действовало по следующему способу: волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников, и вводится осадное положение. Жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население не указало бандитов и оружия по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция (приказ Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом от 23 июня 1921 г. за подписью председателя Владимира Антонова-Овсеенко и командующего войсками М.Н. Тухачевского) (см.: РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 25).

Суть оккупационной стратегии с предельной четкостью была изложена в распространенном для всеобщего сведения в пределах Тамбовщины в приказе № 130 (см.: ТОГУ «ГАТО». Ф. Р. 1832. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9а), № 171 (см.: ТОГУ «ГАТО». Ф. Р. 4049. Оп. 1. Д. 5. Л. 45) и инструкции по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии [4: с. 162–185].

В духе терминологии того времени повстанцы именовались бандитами, само повстанчество — бандитизмом. В секретной инструкции определялась задача искоренения «бандитизма» как военная задача — кампания или даже война. Для ее успешного завершения требовалось, во-первых, разбить живую силу вооруженных отрядов повстанцев и, во-вторых, устранить источники крестьянской войны. М.Н. Тухачевский требовал: «...Занимаемые нами жизненные центры должны быть не только задавлены вооруженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма» (ГАТО. Ф. Р. 4049. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118 об.).

План оккупации определял разделение повстанческой территории на боевые участки, занятие их советскими войсками, назначение сверху чрезвычайного управления в виде участковых политкомиссий и сельских ревкомов, включавших в свой состав представителей армии, ЧК и парторганизаций. Наряду с постоянными гарнизонами против каждого значительного повстанческого отряда выделялся особый надежный и сильный «пиявочный» отряд, который имел конкретную цель: непрерывное преследование повстанцев, чтобы не дать им возможности для остановки и отдыха, тем более для комплектования. Пресечение рецидивов «бандитизма» среди населения возлагалось на ревкомы, опирающиеся на мили-

цию. Последняя не должна была комплектоваться из местных уроженцев. Для наведения порядка требовалось «сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца», включая переселение в отдаленные районы РСФСР семей несдающихся повстанцев, конфискацию их имущества и распределение его между лояльно настроенными к власти крестьянами. Последняя мера была нацелена на расслоение крестьянской массы с целью создания опоры советской власти. Разрешались уничтожение хозяйств и разрушение домов участников восстания и их семей, взятие заложников (одиночками и целыми семьями), создание концентрационных лагерей и репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство повстанцев и оружия.

25 мая 1921 г. М.Н. Тухачевский в докладной записке заместителю председателя Реввоенсовета Республики Эфраиму Склянскому сообщал о подготовке к решительным действиям против повстанцев: «День окончания операций гораздо труднее определить, чем день окончания подготовки, однако наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов» (РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 98. Л. 82–84) 2 июня 1921 г. состоялось решающее столкновение карательных войск со 2-й Партизанской армией (всего в бою у деревни Елани под командованием Антонова было до 2000 сабель). Значительно превосходящие силы советских войск, включавшие бронепоезд, разбили и рассеяли антоновцев. М.Н. Тухачевский докладывал в РВСР (Революционный военный совет Республики): «В течение десяти дней неутомимого преследования бронепоезд, при содействии красной конницы, отбил у Антонова все пулеметы, весь обоз, положил на месте до 800 человек бандитов, еще более вывел из строя ранеными, рассеял остальных».

После ожесточенных сражений с повстанцами в приказе № 171 Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 г. определялось начало проведения репрессивных мер против повстанцев и их семей: граждане, отказывающиеся называть свое имя, подлежали расстрелу на месте без суда; селениям, в которых укрывалось оружие, объявлялся приговор об изъятии заложников и расстреле их в случае несдачи оружия; при нахождении спрятанного оружия расстрелу на месте без суда подвергался старший работник в семье. Семья, в доме которой укрылся повстанец, подлежала аресту и высылке из губернии, имущество ее подлежало конфискации, старший работник в этой семье — расстрелу без суда; семьи, укрывающие членов семьи или имущество повстанцев, рассматривались в качестве бандитов — старший работник этой семьи также подлежал расстрелу на месте без суда; в случае бегства семьи повстанца ее имущество распределялось между «верными советской власти крестьянами», оставленные дома сжигались или разбирались. Указанный приказ должен был исполняться «сурово и беспощадно». Приказ, подписанный, помимо Тухачевского, председателем Полномочной комиссии ВЦИК Антоновым-Овсеенко, надлежало прочесть на сельских сходах (ТОГУ «ГАТО». Ф. Р. 4049. Оп. 1. Д. 5. Л. 45).

Приказы № 130 и № 171 выполнялись с особой жестокостью, о чем свидетельствуют информационные сводки военного командования (см.: ТОГУ «ЦДНИТО». Ф. 382. Оп. 1. Д. 230. Л. 24; ТОГУ «ЦДНИТО». Ф. 840. Оп. 1. Д. 1061. Л. 13 об. 14; ТОГУ «ГАТО». Ф. 394. Оп. 1. Д. 700. Л. 34 об., 35).

На территории Тамбовской губернии создавались концентрационные лагеря, в том числе даже для малолетних детей. В концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г. содержались дети: до 3 лет. Это еще более ожесточало повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи коммунистов, красноармейцев, советских служащих. В противовес приказу № 130 губком Союза трудового крестьянства издал свой приказ — «забирать заложниками семьи красноармейцев и советслужащих, конфискуя их имущество». Этот приказ проводился в некоторых районах с величайшей жестокостью: красноармейские семьи вырезались десятками. В июле 1921 г. было издано специальное распоряжение Тамбовской политкомиссии о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. За неисполнение этого распоряжения председатели ревкомов должны были привлекаться к строгой ответственности.

Приказ Тухачевского М.Н. № 0016 от 12 июня 1921 г. о применении удушливых газов против повстанцев требовал: с целью «немедленной очистки лесов», где скрывались повстанцы, при этом точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось. Отдавались распоряжения инспектору артиллерии о немедленной отправке на места баллонов с ядовитыми газами и специалистов, начальникам боевых участков — о настойчивом и энергичном выполнении приказа (см.: ТОГУ «ГАТО». Ф. Р. 1832. Оп. 1. Д. 943. Л. 3). Первоначально появление данного приказа воспринималось как акт устрашения. Но к настоящему времени историками выявлены реальные факты применения химического оружия. Так, 2 августа 1921 г. при артобстреле острова северо-западнее села Кипец (Карай-Салтыковская волость), по донесению военного командования, было «выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических снарядов» [2: с. 108].

В записке командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского В.И. Ленину о положении дел в губернии от 16 июля 1921 г. говорилось: «...Главную и самую трудную задачу составляло завоевание территории, оккупация источников комплектования банд и советизация их. На эту задачу оккупации и были брошены главные воинские и политические силы. Советизация должна была проводиться следующими мерами: изъятием бандитского элемента, насаждением ревкомов, расслоением крестьянства путем вооружения его против бандитизма, заинтересовывая его материально за счет конфискационных имуществ бандитов, применением террористических мер против сочувствующих бандитизму, извлечением комитетов СТК, трудовой помощью Красной армии населению и налаживанием советской работы. Параллельно с этим был намечен ряд

маневренных операций против банд, каковые и должны были окончиться полной гибелью последних от истощения (источники комплектования оккупированы)... В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней крестьянское восстание в Тамбовской губернии ликвидировано. СТК разгромлен. Советская власть восстановлена повсеместно. От 21 000 бандитов осталось к 11 июля лишь 1200 сабель. Громадное количество главарей банд уничтожено... Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губернии, и тогда бандиты вновь начнут действия и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК. Ввиду этого я считаю необходимым проведение нижеследующих мероприятий: 1) не выводить из Тамбовской губернии ныне действующих в ней войск в течение одного года; 2) оставить оккупационное командование в Тамбовской губернии по крайней мере до зимы, не увлекаясь сокращением штабов; 3) всех коммунистов, присланных по мобилизации в Тамбовскую губернию, закрепить за последней, а также произвести перегруппировку засидевшихся коммунистов; 4) не налагать на Тамбовскую губернию никаких дополнительных продовольственных налогов» (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19851. Л. 1–2 об.).

Комиссия по борьбе с бандитизмом 17 июля 1921 г. приняла решение: не выводить из Тамбовской губернии войска, необходимые для оккупации и ликвидации бандитизма; разрешить командованию Тамбовской армии предлагать бандитам сдаваться на условиях сохранения жизни при добровольной сдаче оружия и выдачи всех главарей.

Методы подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии, особенно приказ № 171, вызвали разногласия в высшем большевистском руководстве. Главком Красной армии Каменев С.С. выступил с защитой методов борьбы, использованных М.Н. Тухачевским в Тамбовской губернии. Однако по инициативе Рыкова А.И. в президиум ВЦИК было внесено предложение об отмене приказа и отзыве из Тамбова Антонова-Овсеенко В.А. и М.Н. Тухачевского (см.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 799–799 об.; РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 32). Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Троцкого Л.Д. на своем заседании 19 июля 1921 года, где присутствовал Тухачевский М.Н., приняла решение отменить приказ и в тот же день по прямому проводу «передать для напечатания в тамбовских изданиях».

Тухачевский М.Н. был освобожден от должности командующего войсками Тамбовской губернии. В скором времени был отозван также Антонов-Овсеенко В.А. Покидая тамбовщину, В.А. Антонов-Овсеенко докладывал о результатах деятельности Полномочной комиссии ВЦИК под его руководством в Тамбовской губернии: «В общем, к настоящему времени положение таково: 1. Военные силы бандитизма сломлены: к началу мая насчитывалось до 20 000 действующих бандитов, к настоящему времени их несколько сотен... 4. Однако в Кирсановском и

Тамбовском уездах некоторые села еще сохраняют бандитские настроения и организации. Оружия изъято мало. Настроение большинства крестьянства выжидательно-недоверчивое. Многие бандиты распушены (по слухам) по домам временно. 5. Это настроение питается скудностью и крайней пестротой урожая при громадном недосеве и паническими слухами из голодающих губерний, и слухами о предстоящем вскоре выводе красных войск из губернии. 6. Оккупация района почти завершена и уже приступлено к насаждению постоянных органов Соввласти в селах... 8. Партийная организация ослаблена, переутомлена, среди рабочих растет оппозиционное настроение, крестьянские организации (комячейки) только начинают налаживаться... 9. Заложников накоплено в концентрационных лагерях до пяти тысяч, а нарядов на их высылку нет...» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 324. Л. 40).

Восстание 1920–1921 гг. было завершающим ярким эпизодом трехлетней крестьянской войны, ставшей полноценным фронтом войны гражданской. Тамбовское восстание, как и другие крестьянские движения, — ответ деревни на крайне идеологизированную аграрную и продовольственную политику большевиков. «Мелкие хозяйчики» (выражение В.И. Ленина) были объявлены главными врагами советской власти. Государство стремилось безвозмездно изымать продукты из крестьянских хозяйств и ограничивать политические права деревни. Изъятие первоначально касалось зерновых хлебов, но к концу 1920 г. распространилось на все виды сельхозпродуктов и — в отдельных губерниях — на лесные грибы и ягоды. Оно дополнялось безвозмездным использованием труда и тяглового скота крестьян и жестоким подавлением попыток сопротивления. А в конце 1920 – начале 1921 г. государство вмешалось и в земледельческий процесс, диктуя деревням объемы посевов продовольственных и технических культур. Одновременно большевики стремились внести рознь в деревню и стимулировали доноительство.

Советская власть фактически потопила в крови восстание в Тамбовской губернии, лишь отдельным небольшим группам повстанцев удалось уйти в леса в Моршанском и Борисоглебском уездах. В конце июня – начале июля 1921 г. А. Антонов издал последний приказ своим войскам, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы и скрыться в лесах или даже разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких, изолированных очагов, которые были ликвидированы до конца года. А. Антонов еще целый год скрывался в лесах, был выслежен и убит 24 июня 1922 г. в селе Нижний Пшибряй Борисоглебского уезда. Многие тысячи убитых, несколько десятков тысяч сосланных в отдаленные районы России — вот результат репрессий только в одной губернии против крестьянства, пытавшегося защитить свои права. В результате подавления крестьянских восстаний была уничтожена наиболее политически и экономически активная часть российского крестьянства. У оставшейся сформировалось чувство «великого страха», бесперспективности вооруженной борьбы против коммуни-

стического режима. Оба эти обстоятельства способствовали тому, что ни в период коллективизации, ни в ходе массовых репрессий второй половины 1930-х годов коммунистический режим не встретил столь массового сопротивления деревни, как в 1918–1922 гг. Подавление крестьянской войны начала 1920-х гг. сыграло важную роль в утверждении в стране тоталитарного режима.

В антоновском восстании в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. отразились характерные черты крестьянского повстанчества. Наряду с другими выступлениями крестьянства «антоновщина» заставила руководство Советского государства отказаться от политики военного коммунизма и перейти к НЭПу. «Эсеров-кулацкий мятеж» в Тамбовской губернии 1920–1921 гг., вошедший в историю под названием «антоновщина», был наиболее мощным крестьянским восстанием в стране периода окончания Гражданской войны и перехода к мирному строительству.

Литература

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Управление культуры и архивного дела Тамбовской области. Тамбов: Фирма Юлис, 2007. 800 с.
2. *Алешкин П., Васильев Ю.* Разгром крестьянской республики // Политический журнал. 2007. № 30 (173). 29 октября. С. 106–109.
3. *Вольф Э.Р.* Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс, 1992. С. 294–304.
4. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр; Архивный отдел администрации Тамбовской области. Тамбов: Пролетарский светоч, 1994. 334 с.
5. *Куртуа С., Верт И., Панне Ж.Л., Пачковский А., Бартошек Т.К., Марголен Ж.Л.* Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001. 780 с.
6. *Скрыпников А.В.* О политических настроениях крестьянства в условиях перехода от гражданской войны к миру // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 166–179.
7. *Скрыпников А.В.* Российская деревня в годы новой экономической политики. М.; Пенза: ИПК и ПРО, 2006. 416 с.
8. *Есиков С.А., Протасов Л.Г.* Антоновщина: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.
9. *Соболева А.А.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.): библиографический указатель / Министерство культуры РФ; Тамбовский гос. ин-т культуры; под ред. В. Баранова. Тамбов: МИНЦ, 1994. 104 с.
10. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918–1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж: Центральное Черноземье, 1989. 370 с.

References

1. «Antonovshhina». Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty', materialy', vospominaniya / Upravlenie kul'tury' i arxivnogo dela Tambovskoj oblasti. Tambov: Firma Yulis, 2007. 800 s.

2. *Aleshkin P., Vasil'ev Yu.* Razгром krest'yanskoj respubliki // Politicheskij zhurnal. 2007. № 30 (173). 29 oktyabrya. S. 106–109.
3. *Vol'f E'.R.* Krest'yanskie vosstaniya // Velikij neznakomec. Krest'yane i fermery' v sovremennom mire. M.: Progress, 1992. S. 294–304.
4. Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii v 1919–1921 gg. («Antonovshhina»): Dokumenty' i materialy' / Intercentr; Arxivny'j otdel administracii Tambovskoj oblasti. Tambov: Proletarskij svetoch, 1994. 334 s.
5. *Kurtua S., Vert I., Panne Zh.L., Pachkovskij A., Bartoshek T.K., Margolen Zh.L.* Chernaya kniga kommunizma: prestupleniya, terror, repressii. M.: Tri veka istorii, 2001. 780 s.
6. *Skrypnikov A.V.* O politicheskix nastroyeniyax krest'yanstva v usloviyax perexoda ot grazhdanskoj vojny' k miru // Social'no-gumanitarny'e znaniya. 2009. № 3. S. 166–179.
7. *Skrypnikov A.V.* Rossijskaya derevnya v gody' novoj e'konomicheskoy politiki. M.; Penza: IPK i PRO, 2006. 416 s.
8. *Esikov S.A., Protasov L.G.* Antonovshhina: novy'e podxody' // Voprosy' istorii. 1992. № 6–7. S. 47–57.
9. *Soboleva A.A.* Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii (1920–1921 gg.): bibliograficheskij ukazatel' / Ministerstvo kul'tury' RF; Tambovskij gos. in-t kul'tury'; pod red V. Baranova. Tambov: MINCZ, 1994. 104 s.
10. Sovety' Tambovskoj gubernii v gody' Grazhdanskoj vojny' 1918–1921 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Voronezh: Central'noe Chernozem'e, 1989. 370 s.

*T.V. Vasil'eva,
K.A. Dolgov,
A.V. Skrypnikov*

Pages of the History of Russia: «Antonovschina» as the Social Phenomenon

The authors consider Tambov peasants struggle against a political regime in Russia in the XXth of the last century on the basis of the actual material. The peasant revolt that known in a history as «antonovschina», alongside with other peasantry actions, has forced the leadership of the Soviet state to abandon the policy of War Communism and move to new economic policy.

Key words: civil war; dictatorship of proletariat; a politics of the «military communism»; prodrazverstka; «antonovschina»; natural tax; new economic policy.

**Ю.Н. Гусева,
В.В. Рябов**

Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг.

Статья посвящена анализу тенденций духовной жизни мусульманских общин областей Среднего Поволжья в 1920-е годы. Авторы исследуют процесс противостояния и сотрудничества светской и религиозной школы и увязывают его с характером внешних и внутренних изменений, произошедших в татаро-мусульманской сельской среде.

Ключевые слова: ислам; религиозная школа; национальное светское образование; Среднее Поволжье.

В первые десятилетия реформирования российского общества особенно острое противостояние между государством (внедрявшим новации) и обществом (удерживающим традицию) разворачивалось в области идеологического доминирования. В этом процессе особая роль отводилась образованию, которое, по замыслу идеологов, должно было успешно и в короткие сроки вытеснить традиционную религиозную школу. С нашей точки зрения, вопрос о советской системе образования простирался далеко за пределы формирования «нового человека». В перспективе речь шла о светской модернизации российского общества, о дальнейшем «обмирщении», секуляризации российской культуры и ментальности.

С этой точки зрения весьма интересен вопрос о том, каким образом, в каких формах и с какими результатами происходило выстраивание системы светского образования в неправославных общинах Среднего Поволжья (на примере Нижегородской и Самарской губерний) как части российского полиэтничного и поликонфессионального общества. Особенно актуальной «школьная проблема» была для татарского населения мусульманского вероисповедания, которое на протяжении нескольких столетий воспроизводство национально-религиозной традиции связывало именно с религиозной школой.

Накануне событий 1917 г. наиболее распространенным типом религиозного учебного заведения среди поволжских татар была начальная школа — так называемый мектеб (мектебе), которая в начале XX в. существовала практически при каждом мусульманском приходе (махалля). Более глубокие знания в области догматики и культа можно было получить в медресе, учебном

заведении, которое было одновременно высшей ступенью религиозного образования, доступного мусульманам в пределах Российской империи.

Что представляла собой система религиозного и светского образования в татарских селениях данных регионов в первые постреволюционные годы? В соответствии с декретом от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви на местах началась работа по выстраиванию системы советских школ [1; 3; 4]. В 1918 г. в Нижегородской губернии действовало 82 мектебе (начальных религиозных школ), которые финансировались населением. 48 из них тогда же были переданы в сеть светских школ. Но эти школы не функционировали из-за отсутствия кадров и финансов (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р120. Оп. 2. Д. 280. Л. 87). При этом продолжали работать религиозные школы, многие из которых действовали нелегально и содержались на частные пожертвования. Подобная ситуация была характерна и для других губерний Поволжья.

Уже в самом начале реализации декрета «об отделении» церкви от государства (в том же году) в различных губерниях Поволжья имели место сильные волнения, так как «темная мусульманская масса» «... совершенно отказывалась принимать реформированную школу с ее новыми методами преподавания и светскими предметами» (Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 5) и усиленно пыталась сохранить мектебе (Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р1900. Оп. 1. Д. 9. Л. 3об.; Оп. 2. Д. 3. Л. 19). Например, в Новоузенском уезде Самарской губернии в ноябре 1918 г. татарскими обществами были вынесены постановления о преподавании религиозных основ и отказе от изучения светских дисциплин (ЦГАСО. Ф. Р1900. Оп. 2. Д. 4. Л. 63). Сильные волнения на этой почве возникали во всех «татаро-башкирских» уездах Самарской губернии.

Во многих поволжских губерниях, где имелось мусульманское население, начали создаваться различные советские органы, в чье ведение входила деятельность по развертыванию системы светских учебных заведений. Например, в июле 1918 г. при Совете РКК депутатов г. Нижнего Новгорода был образован мусульманский комиссариат просвещения. В числе его целей была заявлена работа по поднятию «низкого уровня мусульман губернии в отношении умственного и нравственного развития». Подчеркивалось весьма удручающее положение школ, а дело просвещения в татарской среде губернии называлось «до невозможности начальным». Для этого планировалось: 1) открывать школы «на новых, социалистических началах» и «преобразовывать существующие старого типа училища — мектебе и медресе»; 2) «поднимать умственный и нравственный уровень мусульманского пролетариата», возвращать когорту новых учителей; 3) «освободить существующие школы — мектебе от гнета местных имущих классов и мулл» (ЦАНО. Ф. Р1103. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об., 7).

Таким образом, изначальная установка была связана с изъятием прежних школ и переоборудованием их под светские нужды. Однако, как показывала практика, в этот период финансовые и организационные возможности властей были серьезно ограничены: большинство школ финансировалось из местного бюджета, национальных педагогических кадров было очень мало. А потому выдержать конкуренцию с национальной религиозной школой они не могли.

Так, начальное образование в «советской» школе в Нижегородской губернии могли получить только 50 % татарских детей (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3487. Л. 39об.). Например, в татарских волостях Васильсурского уезда в 1920 г. школу посещали не все дети в возрасте от 6 до 17 лет: в Андреевской — из 2460 человек только 1126; в Моклоковской — из 2450 — 1716 (ЦАНО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 337. Л. 7–12). В Сергачском уезде на 12 488 детей школьного возраста приходилось 49 учителей, т. е. в среднем 250 учащихся на одного педагога (ЦАНО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 347. Л. 3 об. – 4).

В начале и второй половине 1920-х гг. светские школы поволжских губерний зачастую продолжали «ютиться в помещениях дореволюционной религиозной мусульманской школы». Преподавательский состав характеризовался как «низкоквалифицированный», причем учителями работали в большинстве своем дети мулл (ЦАНО. Ф. Р2626. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об.).

Например, в Самарской губернии в 1926 г. советские школы охватывали только 25 % татарских детей: в 1926/1927 учебном году имелось 42 национальные светские начальные школы, в которых были 3285 учеников и работали 63 учителя. Как отмечалось в документе, «ни в одной татарской деревне не имеется больше одной советской школы, зато есть деревни, где религиозных школ насчитывается до четырех (Мансурово) и до пяти (Денискино)» (СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 2).

Новый виток противостояния начинается в период НЭПа, который, кроме прочего, дал возможность усилиться религиозным настроениям. (Это явление зачастую называют «религиозный НЭП».) Позиции религиозных школ окрепли ввиду того, что они получили финансовую и идейную поддержку мулл и значительной части зажиточного населения.

Кроме того, это было связано с объективной слабостью новой системы светско-советского образования. Чиновники отмечали, что в годы НЭПа сократилось и без того незначительное число советских школ в татарских селениях Нижегородской губернии, так как они окончательно перешли на финансирование из местного бюджета.

Самой «болевой» и важной для мусульманских общин Поволжья темой, дебатировавшейся на протяжении 1921–1928 гг., был вопрос о религиозных школах. Особенно остро он прозвучал именно в татарской среде, которая уже фактически с XVI в. противилась русифицированию, внедрению русскоязычных школ,

а с конца XIX – начала XX в. пыталась выстроить собственную, отвечающую потребностям времени, систему национально-религиозного образования.

Согласно советскому законодательству всякое религиозное образование было объявлено незаконным. Уступка в «школьном вопросе» была сделана только для мусульманских регионов в 1924 г., когда было разрешено преподавание частным образом, на дому, во внешкольное время, лицам, окончившим начальную советскую школу (школу первой ступени) или достигшим 14-летнего возраста.

Используя эту возможность, в середине 1920-х годов из уст духовных лидеров все активнее звучали призывы к открытию религиозных школ, организации богословских курсов. Активность проявляло мусульманское духовенство всех мусульманских регионов. Особенность этой кампании в Поволжье заключалась в том, что она во многом была скоординирована усилиями Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ), а в качестве главного инструмента были выбраны петиции в адрес высших советских и партийных органов. (В скобках заметим, что в данном вопросе поволжские мусульмане следовали традиции своих предков, добивавшихся расширения своих политических прав в начале XX в. подобным же образом.)

Власти отмечали, что «фактически толкачом в развитии религиозных школ в губернии являлось ЦДУМ, которое распространяло постановления коллегии Народного комиссариата просвещения и свое подтверждение» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 146). При этом уфимские религиозные лидеры заявляли о своей лояльности по всем ключевым вопросам. В резолюции по вопросу отношения к советской школе, принятой на съезде ЦДУ в 1923 г., говорилось о посильной помощи единой трудовой школе, о том, что мусульмане не должны ее избегать (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1550. Л. 17; 2: С. 52–53).

В чем же выразилась эта кампания, которая властями и компетентными органами будет расценена как форма самоорганизации «контрреволюционеров-пантюркистов», «религиозного движения мусульманского духовенства»?

По свидетельствам чиновников, заявления различных губерний шли на протяжении нескольких лет. В Москву регулярно приезжали ходатаи-просильцы. Татар-мусульман в этом (равно как и в других жизненных вопросах) отличало упорство и настойчивость. В 1923–1924 гг. волна ходатайств об открытии мектебе, освобождении духовенства от налогов, докатилась до Москвы из Самарской губернии: по нашим подсчетам, во ВЦИК были направлены соответствующие ходатайства из 17 деревень (ГАРФ. Ф. А353. Оп. 7. Д. 9. Л. 102–177).

13 апреля 1923 г. во ВЦИК пришло групповое (подписали 1536 человек) ходатайство из деревень Старое Мукменево, Шаммасовка, Новое Мукменево Бугурусланского уезда Самарской губернии с просьбой разрешить преподавание религии без различия возраста. Отмечалось, что 31 октября 1922 г. в этих селениях были закрыты школы, в которых 608 человек обучалось арифметике, чтению на арабском языке. При этом дети обучались одновременно «в пра-

вительственных школах» и никаких противоречий между школами не было (ГАРФ. Ф. А353. Оп. 7. Д. 9. Л. 103).

В с. Асекеево Самарской губернии также раздавались требования: «Откройте нам религиозные школы, а иначе мы не будем брать займ». Мелекесский район той же губернии назывался в числе самых неблагополучных — мухтасиб Г. Губайдуллин добился открытия 24-х религиозных школ.

Все это было весьма тревожным симптомом для властей, которые постоянно акцентировали внимание на особой чувствительности татар к вопросу религиозных свобод. Так, в докладе ответственного секретаря татаро-башкирского бюро Давыдова о волостных беспартийных конференциях в Бугурусланском уезде Самарской губернии (1923) отмечалось, что «на конференции было заметно, что другие национальности далеко ушли вперед от татар в смысле религиозности: когда мордва, чуваша, русские не вымолвили ни одного слова о религиозных школах, татары *все время говорили о религии, даже тогда, когда обсуждался Земельный Кодекс* (курсив наш. — Ю.Г.; В.Р.)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 146. Л. 4).

Самым неприятным следствием этих явлений было то, что в умах властей непосредственно объединялись два явления: усиление позиций религиозной школы и ослабление светско-советской (Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 330). Естественным представлялся вывод — закрыть первые, дабы дать дорогу последним. Важно отметить, что «борьба» не прекращалась на всем протяжении этого периода. Документы свидетельствуют, что и в период НЭПа, и в более поздний период, вплоть до конца 1920-х годов местные власти активно применяли административный ресурс для закрытия религиозных школ.

Чиновники-нижегородцы уже в 1922 г. докладывали в Москве, что готовы провести ликвидацию «религиозных школ как в городе, так и во всей губернии», что, по сути, было противозаконно, так как в Конституции и декрете 1918 г. была заявлена свобода веры и слова, поэтому напротив сего замечания имеется пометка карандашом — «необходимо дать директивы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 134. Л. 5).

Однако это не останавливало местные административные органы. В 1923 г. татаро-башкирское бюро Самарского губкома отчитывалось, что провело успешную кампанию по закрытию мектебе. В Бузулукском уезде: «...закрыты все религиозные школы с созданием советских частью в счет местных средств, частью самого населения»; в Бугурусланском — 53 религиозные школы, открыто пять школ первой ступени за счет населения и одна школа второй ступени. В Самаре были закрыты две религиозные и восстановлена «с произведением сбора с населения» одна советская школа. Всего в 15 селах прекратили свое существование 53 мектебе (в них обучалось в среднем по 50 детей, всего около 2650 человек). Вместо них открыто за счет населения пять советских школ, в них могло обучаться около 250 детей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 146. Л. 3). Итак, очевидно, что основная

масса детей не могла посещать советские школы — этому препятствовали как объективные, так и субъективные причины.

С нашей точки зрения, силовые меры, применявшиеся в отношении религиозных школ, вызвали ответную защитную реакцию противодействия, которая подстегивала мусульман в своем движении за право обучать детей основам веры, которым они не могут воспользоваться.

В чем была привлекательность религиозных школ? Помимо естественного стремления татар сохранить религиозную и этническую традицию, они имели материальную базу и проверенный кадровый состав. В мечетях было просторно и тепло, имелись «великолепные двухместные парты земского образца». Об этом большинство советских школ могло только мечтать.

Кадровая ситуация также складывалась относительно благополучно: например, в Самарской губернии школы обслуживали около 700 мулл с женами и муэдзинами, а советских учителей-татар насчитывалось всего 178 человек на 117 школ. Причем 46 % из них имели начальное образование, 46 % — окончили духовные школы — медресе и мектебе, и только 8% были с неоконченным высшим образованием.

Даже в 1927 г. в результате проверок иногда выяснялось, что программы советских школ мало чем отличались от мектебе. А в 1924/1925 году оказалось, что школы Ульяновской губернии существуют, как правило, при мечетях и учителями там работают мударрисы и муллы, так как заменить их некем (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 44. Л. 25).

Знаменательно, что и к делу реформирования школы (что в итоге должно было привести к секуляризации мышления, созданию человека нового типа) советская власть привлекала имамов и их детей, которые, возможно, видели в этом потенциальную возможность обновления национально-религиозных основ. Для части учителей и мулл, вероятно, представилась возможность обновления системы образования — о чем до 1917 г. настойчиво говорили представители джадидского движения [5].

Но этот процесс был неоднозначным: вопросы вызывала содержательная сторона религиозного обучения. К сожалению, в большинстве религиозных школ, существовавших в 1920-е годы, преподавалась только арабская грамматика и Коран, т. е. они, по сути, были кадимистскими, традиционными, воспроизводившими привычную систему дореволюционного обучения, и это мешало им реформироваться.

Тем не менее власть стремилась привлечь на свою сторону способных и желающих сотрудничать религиозных деятелей. При этом заложенный в дореволюционный период потенциал джадидского движения способствовал продвижению светской школы. Этот фактор «играл на руку» новой власти. Однако в целом для всего изучаемого периода доминирующим является не сотрудничество, а противостояние между этими институтами.

Еще одним важным последствием «зажима» становится появление в середине 1920-х годов нелегально функционировавших школ, точная численность которых не может быть установлена.

Поэтому острота вопроса не спадала вплоть до 1927/1928 года, когда с помощью ряда мероприятий были созданы условия для ликвидации религиозных учебных заведений. Безусловно, ведущую роль в этом процессе сыграл Восточный отдел ОГПУ, разрабатывавший «мусульманский вопрос». В докладной записке № 156556 о мусульманских религиозных школах (от 11 июля 1927 г.) так изложены обстоятельства, приведшие к нужному для властей результату: «Основными мероприятиями, которые применялись местами для сокращения роста и влияния религиозных школ, были следующие:

1. Строгое соблюдение всех пунктов инструкции ВЦИК о вероучении и других законоположений по этому вопросу, при выдаче разрешений на открытие религиозных школ в 1926/1927 учебном году.

2. Тактичное, искусственное оттягивание местными органами власти выдачи духовенству разрешений на открытие упомянутых школ.

3. Почти окончательная ликвидация местными административными органами довольно большого количества существовавших в 1925/1926 году нелегальных школ вероучения.

4. Постановка и проработка вопроса о вероучении в соответствующих местных комитетах партии, а в связи с этим уделение большего внимания борьбе с религиозными школами через количественное и качественное улучшение советских школ.

5. Выжидательное положение духовенства по отношению к решениям Уфимского съезда м/д.¹ в сторону положительных для себя результатов в вопросе вероучения, способствовавших также оттягиванию открытия школ и соответствующей агитации среди населения» (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 459. Л. 1–11).

В результате: если в 1925/1926 учебном году в районах, подведомственных ЦДУ, насчитывалось 1565 религиозных школ с числом обучаемых 4960, то в 1926 году официально действовало 946 учебных заведений (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 330. Л. 9). В дальнейшем тенденция к сокращению сохранялась. Сравнительные неполные данные о количестве мусульманских легальных и нелегальных школ приведены в таблице 1 (составлено по: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 459. Л. 76–78):

Судьба оставшихся была решена Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 мая 1928 г., которое отменило закон от 1924 г. «О разрешении мусульманского вероучения в зданиях мечетей лицам, достигшим 14-летнего возраста или окончившим школу I ступени». Административный, силовой ресурс сыграл решающую роль в прерывании образовательной религиозной традиции.

¹ Съезд мусульманского духовенства состоялся в Уфе 25 октября – 4 ноября 1926 г.

Таблица 1

Местность	Кол-во школ в 1926/1927 уч. г. (в скобках — кол-во учащихся)	Кол-во школ в 1927/1928 уч. г. (в скобках — кол-во учащихся)	Примечания
Татарская Республика	Легальных — 20 (5383) Нелегальные — 31 (497) ИТОГО: 236 (5880)	Легальные — 52 (1093) Нелегальные — 9 (65) ИТОГО: 61 (1158)	Сведения о кол-ве учеников в нелегальных школах в 1928 г. неполны
Самарская губ.	59, из них работала только одна школа (26) ¹	28 (962)	Посещаемость школ 50 %, в связи с полевыми работами часть школ закрыта
Астраханская губ.	2, из них одна нелегальная	2 (30)	Из этих школ нелегальная ликвидировалась в 1928 г.
Саратовская губ.	50 (1111)	3 (100)	Сведения неполны. По ориентировочным данным, в нелегальных школах обучалось до 200 человек.
Пензенская губ.	9 (130) Нелегальных — 10 (138)	Нет	Из официальных 9 школ в 1926/1927 г. три не работали
Ульяновская губ.	7 (146)	Нет	
Нижегородская губ.	61 (755)	23 (632)	

Итак, в 1920-е годы сложилась интересная ситуация дуалистичного сосуществования, а временами и сотрудничества (через учительство), светской и религиозной школы. Однако это было возможно до того момента, пока советская школа не превратилась в центр антирелигиозной работы и не провела «чистку» рядов. Это произошло во второй половине 1920-х гг. Исторические обстоятельства (политика государства, экономическая ситуация) были против религиозной традиционной школы.

Безусловно, нельзя оспаривать большую роль, которую играли религиозные школы в воспроизводстве традиции. Но общество стремительно менялось: менялись потребности, задачи и интересы, в том числе и сельского производителя. Начиналась модернизация экономики, усиливались секуляризационные процессы не только в СССР, но и в мировом сообществе. С нашей

¹ Здесь же чернилами подписано: «не все школы были выявлены».

точки зрения, в определенном смысле религиозная школа в том виде, в котором она существовала, была обречена на постепенное вымирание. Иное дело, что в советском варианте (в российском цивилизационном) это произошло резко, грубо, путем сталкивания интересов различных социальных групп и поколений.

С другой стороны, особенностью поволжских реалий было то, что в период активной крещенской политики Российского государства именно приходская школа становилась центром не только религиозного образования, но и этнической идентификации. Русская школа много столетий воспринималась в качестве центра русификации. Единственный способ избежать такого восприятия — организовать национальные школы, порвав с их религиозным характером. В дальнейшем большевики вполне с этой задачей справились.

Отрадный факт состоит в том, что традицию преподавания подхватили потомки официальных мулл, которые были вынуждены уйти в светские школы: кто по убеждениям, кто в силу жизненных обстоятельств. В любом случае, это помогало традиции духовного развития. Вызывает сочувствие стремление татарского народа к образованию, придающего особую ценность знанию и испытывающего уважение к образованному человеку.

Литература

1. *Гусева Ю.Н.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород: ННГУ, 2003. 267 с.
2. *Ислам и советское государство (1917–1936): сборник документов. Вып. 2.* / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 208 с.
3. *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 220 с.
4. *Мухаметзянов А.А., Миннуллин И.Р.* Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е годы). Нижний Новгород: Медина, 2008. 147 с.
5. *Мухаметшин Р.М.* Джадидизм в Среднем Поволжье: распространение и формы проявления // Шигабутдин Марджани: наследие и современность: мат-лы Междунар. науч. конф. Казань: КГУ, 2008. С. 260–267.

References

1. *Guseva Yu.N.* Istoriya tatarskix sel'skix obshhin Nizhegorodskoj oblasti v XX veke (1901–1985 gg.). Nizhnij Novgorod: NNGU, 2003. 267 s.
2. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917–1936): sbornik dokumentov. Vy'p. 2.* / Sost., avt. predisl. i primech. D.Yu. Arapov. M.: Izd. dom Mardzhani, 2010. 208 s.
3. *Minnullin I.R.* Musul'manskoe duxovenstvo i vlast' v Tatarstane, 1920–1930-e gg. Kazan': Izd-vo In-ta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2006. 220 s.
4. *Muxametzyanov A.A., Minnullin I.R.* Transformaciya institutov musul'manskoj obshhiny' Tatarstana (1920–1930-e gody'). Nizhnij Novgorod: Medina, 2008. 147 s.
5. *Muxametshin R.M.* Dzhadidizm v Srednem Povolzh'e: rasprostranenie i formy' proyavleniya // Shigabutdin Mardzhani: nasledie i sovremennost': mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf. Kazan': KGU, 2008. S. 260–267.

*J.N. Guseva,
V.V. Ryabov*

**Trends in the Spiritual Life of the Muslim Congregations
of the Middle Volga Regions in the 1920s**

This article analyzes trends in the spiritual life of the Muslim communities of the Middle Volga regions in the 1920s. The authors examine the process of confrontation and cooperation of secular and religious schools, and links to the nature of external and internal changes in the Tatar-Muslim rural areas.

Key words: Islam; religious school; national secular education; the Middle Volga region.

Ф.А. Михайловский

Развитие трибунских полномочий Октавиана Августа

Статья посвящена вопросу о времени и причинах наделения Октавиана Августа прерогативами трибунской власти. Автор поддерживает точку зрения И. Кромайера.

Ключевые слова: трибунская власть; принципат Августа.

В научной литературе вопрос о развитии трибунских полномочий Августа уже не вызывает разногласий: полную трибунскую власть принципс принял только в 23 г. до н. э. после того, как предварительно был наделен отдельными ее прерогативами. Причиной некогда имевшей место дискуссии служило расхождение в исторических источниках. Дион Кассий сообщает, что Август получил трибунскую власть в 23 г. до н. э. (Dio., 53, 32, 5). Но он же пишет о предложении трибунской власти Октавиану в 30 г. до н. э. (51, 19, 6), а к 36 г. до н. э. относит получение трибунской священной неприкосновенности и места на трибунской скамье в сенате (49, 15, 5–6). Между тем Аппиан (B.C., V, 132) и Орозий (VI, 18, 34) относят получение Октавианом трибунской неприкосновенности и власти к 36 г. до н. э.

В научной литературе существует четыре варианта объяснения этих сведений источников и соответственно развития трибунских полномочий Августа, последовательно выдвигавшихся Т. Моммзенем, И. Кромайером, Э. Корнеманном и А. Премерштейном. Подробный обзор точек зрения названных ученых сделал П. де Франчиши [2: р. 12–14]. 1. Т. Моммзен, придавая главное значение данным Аппиана и Орозия, считал, что уже в 36 г. до н. э. Октавиан получил полную трибунскую власть, действие которой было в 30 г. до н. э. расширено на тысячу шагов от городской черты и которая в 23 г. до н. э. стала ежегодной. 2. По мнению И. Кромайера, большего внимания заслуживает сообщение Диона, и, таким образом, в 36 г. до н. э. Октавиан получил священную неприкосновенность и трибунскую скамью в сенате, в 30 г. до н. э. право помощи (*jus auxilii*) и лишь в 23 г. до н. э. его трибунская власть стала полной. 3. Э. Корнеманн согласился с И. Кромайером от-

носителем первой стадии, но предположил, что Октавиан получил полную трибунскую власть уже в 30 г. до н. э., а в 23 г. до н. э. она стала ежегодной. 4. А. Премерштейн следовал взгляду Т. Моммзена в оценке событий 36 и 30 гг. до н. э. с той разницей, что в 30 г. до н. э. территориально расширилось только право помощи. Кроме того, А. Премерштейн предположил, что в конце 28 г. или же 27 января 27 г. до н. э. Август отказался от трибунской власти, но сохранил из всех ее прерогатив право помощи.

Только точка зрения И. Кромайера соответствует указанию Августа в «Res Gestae» (4, 4), что в 14 г. он в 37-й раз исполнял трибунскую власть. Т. Моммзен и Э. Корнеманн, стараясь избежать противоречия с этим указанием, предполагали, что только с 23 г. до н. э. трибунская власть Августа стала ежегодной. Но это всего лишь предположение, а вариант И. Кромайера проще и логичнее. В то же время данные «Res Gestae» противоречат гипотезе А. Премерштейна. Можно, таким образом, принять, что полную трибунскую власть Август получил лишь в 23 г. до н. э., после того как в 36 г. до н. э. приобрел трибунскую священную неприкосновенность.

Этим, однако, вопрос о генезисе трибунских прерогатив Августа не исчерпывается. Необходимо объяснить, почему в 36 и 30 гг. до н. э. Октавиану были нужны указанные трибунские прерогативы, а если они не были ему нужны, то почему он их все же принял и, наконец, почему получение трибунской власти оказалось растянутым на три этапа

Для понимания первого из рассматриваемых конституционных изменений в положении Августа представляются важными два обстоятельства. Во-первых, в 36 г. до н. э. Октавиан получил те самые трибунские прерогативы, которые, как это принято считать, имел ранее Г. Юлий Цезарь [5: s. 690 f.; 6: p. 220 f.]. Во-вторых, существенно, что трибунские права были даны Октавиану сразу после фактически незаконного отстранения им от власти М. Эмилия Лепида, коллеги по триумвирату. После отстранения от власти одного цезарианца и в условиях подготовки к войне с другим цезарианским вождем — а Октавиан не мог не сознавать неизбежность столкновения с Антонием — принятие трибунских полномочий Цезаря могло служить укреплению позиций Октавиана.

Кроме того, следует учесть, что Октавиан в своей пропаганде уже в тот период делал главный упор на лозунги установления мира и восстановления прежних политических институтов и форм (В.С., V, 130–132). Получение в 36 г. до н. э. трибунских прерогатив, вполне гражданских и не связанных с военной властью, соответствовало этим лозунгам. Таким образом, конституционное изменение 36 г. до н. э. было продиктовано рядом соображений, причем исключительно идеологического порядка.

Принятие в 30 г. до н. э. трибунского права помощи также следует объяснять идеологическими мотивами. На это указывают уже обстоятельства получения Октавианом данного права: оно было предоставлено сенатом заочно, когда

сам Октавиан находился на Востоке после победы над М. Антонием. Между тем это право требовало личного присутствия для оказания помощи. Идеологически *auxilium* была прекрасным лозунгом защиты римских граждан и, кроме того, символизировала поддержку Октавиана всей Италией. Но идеологические мотивы принятия права помощи не сводились к стремлению подчеркнуть демократизм правителя. Решение вопроса об идеологическом смысле этого акта связано с его формальной стороной. Принятие в 30 г. до н. э. права помощи уже превышало объем трибунских полномочий Цезаря и не могло опираться на этот прецедент. Тем более — принятие в 23 г. до н. э. полной трибунской власти.

Признание того, что Цезарь и Август получали отдельные права, подразумевает, что трибунская власть делилась на отдельные прерогативы, часть которых предоставлялась лицу, не облеченному властью и не связанному держанием должности. И то, и другое беспрецедентно в римской истории и создает чисто формальное затруднение. Не удивительно, что некоторые исследователи вообще отрицают возможность такого разделения трибунской власти [4: s. 241–263].

Объяснение вопроса предложил Ц. Явец. По его мнению, как Цезарь в 48 и 44 гг. до н. э., так и Октавиан в 36 и 30 гг. до н. э. получали нечто вроде трибунской власти — не *tribunicia potestas*, а *jus tribunicium* (в смысле: право как совокупность прав). «В период между диктатурой Суллы и 70 г. до н. э., — пишет Ц. Явец, — не раз указывается на вид трибунской власти, а не на власть во всей ее полноте» [7: p. 93, n. 5; p. 54 f.]. Исследователь опирается на ряд источников. В речи народного трибуна Лициния Макра у Саллюстия сказано, что консул Г. Котта возвратил трибунам кое-какие из их прав (*Sallust. Fr. Hist. III, 48, 8: jure quedam tribunis plebis restituerit*). Дион, сообщая о получении Цезарем в 48 г. до н. э. права на трибунскую скамью в сенате, называет это «трибунская власть, так сказать (*ως εἰσέτιν*), на всю жизнь» (*Dio., 42, 20, 3*). Кроме того, Тацит имеет в виду, возможно, нечто подобное, когда пишет, что Октавиан «выразил удовлетворение правом трибунов на защиту плебса» (*Tac. Ann., I, 2: et ad tuendam plebem tribunicio iure contentum*).

Однако объяснение Ц. Явца встречает трудности. Во-первых, если ко времени Тацита и Диона понимание трибунской власти императоров как отдельной от должности вполне естественно, то подобное понимание отношения должности и власти во времена Саллюстия едва ли возможно. Ведь не имел же в виду, например, Цицерон, что Т. Гракх лишил М. Октавия только одного права, когда писал: «И что другое нанесло удар Тиберию Гракху, как не то, что он отнял у коллеги власть совершать интерцессию?» (*Cic. De leg., III, X, 24*). Есть и другое более важное возражение. Речь народного трибуна Лициния Макра в целом посвящена необходимости снятия с народного трибуната ограничений, наложенных на эту магистратуру Суллой. С Ц. Явцем можно было бы согласиться, если бы было доказано, что Сулла лишал народных трибунов отдельных прерогатив власти.

Из источников следует, что Сулла ограничил трибунат в нескольких отношениях. Во-первых, лица, занявшие должность народного трибуна, не имели права добиваться в будущем какой-либо другой магистратуры (App. В.С., I, 100; Ascon. 78). Во-вторых, трибуны были лишены права вносить в комиции законопроекты без предварительного обсуждения и одобрения в сенате (Cic. De leg., III, 22; Liv. Ep., 89). Первое ограничение вне сомнений, и смысл его ясен: Сулла хотел ограничить привлекательность трибунской власти для людей, стремившихся к руководству республикой. Второе ограничение трактуют в научной литературе различно. Э. Груэн допускает, что право на законодательство могло быть вообще упразднено [3: р. 23]. Однако свидетельство Цицерона неопределенно («отнял власть совершать беззакония»), а свидетельство Ливия («лишает права на внесение законопроектов») — все-таки эпитома. Здесь вполне может подразумеваться практический смысл ограничения. Сравнение этих данных со свидетельством Аппиана о первом захвате Рима Суллой и о внесенных тогда изменениях в государственное устройство позволяет считать, что право трибунов на законодательство было ограничено лишь формально, но не аннулировано, ибо Аппиан пишет именно об обязательности предварительного обсуждения в сенате всех трибунских законопроектов (App. В.С., I, 59).

Есть, наконец, еще одно возможное ограничение, наложенное Суллой на трибунат, сведения источников о котором настолько неопределенны, что сам факт его под вопросом. Речь идет об ограничении права на интерцессию. Из свидетельства Цицерона в речи против Г. Верреса следует, что народный трибун Кв. Опимий нарушил какие-то ограничения, прибегнув к вето (Cic. Verp., II, 1, 155). Но в другом сочинении Цицерона сообщается о сохранении права помощи (Cic. De leg., III, 22), а у Цезаря — самого права на интерцессию (Caes. В.С., I, 5, 7). Наконец, Ливий и Аппиан об ограничении права на интерцессию не сообщают. В целом можно предположить, что ограничения трибунской власти были косвенными, отдельных прерогатив трибунат Сулла не лишал, хотя политическое значение трибуната, разумеется, было ослаблено [1: с. 190–192]. В связи с этим интерпретация Ц. Явцем высказывания Лициния Макра у Саллюстия представляется необоснованной.

Разделение трибунской власти на отдельные прерогативы можно объяснить иначе. Полученные Цезарем, а затем Августом трибунские полномочия являются начальными правами трибунов, уже не имевшими к тому времени прежнего политического значения и воспринимавшимися как своего рода почести. Предоставление их Цезарю и Августу не осознавалось как некое конституционное нововведение. Цицерон, например, трибунские приобретения Цезаря не упоминает. При этом важно, что трибунские полномочия предоставлялись Октавиану сенатом и являлись теми трибунскими правами, к которым стремился путем косвенных ограничений свести трибунат Сулла. Судя по словам Квинта в трактате Цицерона «О законах», «сулланское» отношение к трибунской власти остава-

лось достаточно распространенным среди нобилитета и в 50-е годы: «Я горячо одобряю действия Суллы, который законом своим отнял у плебейских трибунов власть совершать беззакония, но оставил им власть оказывать помощь» (Cic. De leg., III, IX, 22). Об этом, вероятно, помнили и в 30-е годы. Октавиану была тем самым предложена и принята им, выражаясь словами того же Лициния Макра, «видимость магистратуры» (Sallust. Fr. Hist., III, 48, 3: *inanis species magistratus*). Принятие трибунского права помощи могло символизировать единство Октавиана с сенатом и, так сказать, «сулланское» отношение к трибунской власти.

Дион не указывает, когда точно состоялось постановление сената о предоставлении Октавиану права помощи. Запись об этом следует после перечисления множества других почестей, оказанных правителю, но перечисление ведется не в хронологической последовательности. Поддержка Октавиана сенатом могла быть выражена, например, 1 июля 30 г. до н. э. Окончательное единовластие Октавианом к тому времени еще не было достигнуто, но фактически он уже победил Антония, судьба которого после битвы при Акции была предопределена. 1 июля — день получения Августом через семь лет полной трибунской власти [5: р. 676]. В научной литературе принято рассматривать этот акт как добавление к уже имевшимся у Августа трибунским правам. И это действительно самое логичное объяснение с государственно-правовой точки зрения. Право помощи было формирующей частью трибунской власти с самого начала ее возникновения, и принятие в 23 г. до н. э. полных трибунских полномочий в этой связи становится более понятным в формальном отношении. По вполне достоверным данным, императоры продлевали срок своих полномочий (Dio. 53, 16, 18). Таким образом, Август мог получить в 23 г. до н. э. полную трибунскую власть в момент ежегодного возобновления уже имевшихся трибунских прерогатив. Во всяком случае, непонятно и никем не объяснено, почему трибунская власть была принята Августом в июле, если традиционное вступление народных трибунов в должность — 10 декабря (Liv. 39, 52), дата, отличающаяся от начала полномочий всех других магистратов.

Итак, точка зрения И. Кромайера на генезис трибунских прерогатив Августа находит достаточно объяснений также в конкретно-исторической действительности последнего десятилетия республики. Наконец, сказанное о событиях 36 и 30 гг. до н. э. позволяет оценить получение Августом в 23 г. до н. э. полной трибунской власти как важное государственно-правовое нововведение, лишь формально бывшее добавлением недостававших трибунских прерогатив, а по существу, предоставлявшее Августу реальную и большую власть. Одними идеологическими мотивами Август в 23 г. до н. э. не мог руководствоваться хотя бы уже потому, что основные идеологические компоненты, связанные с трибунской властью, ему давали священная неприкосновенность, право на трибунскую скамью в сенате и право помощи, которые у Августа уже были к тому времени.

Литература

1. *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 480 с.
2. *Francisci P. de.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma: Reale Accademia d'italia, 1941. 114 p.
3. *Gruen E.S.* The last generation of the Roman republic. Berkeley-Los Angeles-London, 1974. 530 p.
4. *Last H.* Über die Tribunicia Potestas des Augustus // Augustus / Hrsg. Von W. Schmitthenner. Darmstadt, 1969. S. 241–263.
5. *Roos A.G.* De verleening van tribunicische bevoegdheden aan Caesar en Augustus. Med. der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen, 1941, n.s. IV, № 16. S. 675–695.
6. *Weinstock St.* Divus Iulius. Oxford: Clarendon press, 1971. 469 p.
7. *Yavetz Z.* Plebs and princeps. Oxford: Clarendon press, 1969. IX, 170 p.

References

1. *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 480 с.

E.A. Mikhailovsky

Development of Tribunician Prerogatives of Octavian Augustus

The article focuses on the time and the reasons for granting Octavian Augustus the prerogatives of tribunician power. The author supports J. Kromayer's point of view.

Key words: tribunician power; Principate of Augustus.

Е.В. Когут

Акты Афона как источник гендерной истории Византии

В статье с помощью формулярного анализа проанализированы акты афонских монастырей XIII–XV вв. Автор впервые продемонстрировал, как клаузулы частного правового акта, например, распоряжение, история сделки, дают возможность проследить эволюцию положения женщин в Византии, что показывает высокую информативность и репрезентативность актов афонских монастырей как источника по гендерной истории Византийской империи.

Ключевые слова: Византия; гендерная история; дипломатика; источниковедение; имущественные отношения.

Кризис традиционных гендерных ценностей и внимание общественности к взаимоотношению полов заставляют обращаться к историческому опыту решения данной проблемы. Для России традиционно особенно важным в этом вопросе является наследие Византии. Поэтому изучение византийской истории женщин, в особенности социально-экономического аспекта, представляет актуальность не только с точки зрения академической науки, но и с точки зрения общественного интереса.

Такая относительно молодая отрасль, как гендерная история нуждается не столько в новых источниках, сколько в ином взгляде на изученные документы. В этой связи значение архивного наследия Афона для исторической науки подчеркивали еще отечественные дореволюционные авторы. Анализ документов в своих работах использовали П.В. Безобразов [2], Ф.И. Успенский [4]. Одним из ярчайших отечественных исследователей византийского права на основе законодательных и актовых источников является И.П. Медведев. В работе, посвященной византийскому частнопрововому акту [3], Медведев детально исследует структуру его формуляра, рассматривает использование акта в судебном процессе, в приложении анализирует одну из купчих из Диррахия 1246 г., приводя ее оригинальный текст и фотокопию самого документа. Он определяет византийский частнопрововой акт как «документ определенного образца...; письменно запечатленное сложное действие, которое определяло собою существо закрепляемой актом сделки, а также те второстепенные, побочные действия, которые неразрывно слиты с совершением сделки; запись юридической сделки, рассчитанную на то, чтобы служить доказательством определенных обстоятельств, влекущих за собой юридические

последствия» [3: с. 224]. В нашем случае важно и то, что византийский частнопроводной акт — это «территория», «на которой многообразие обычных и повседневных социально-экономических и правовых отношений приходило в соприкосновение с нормами действовавшего в государстве официального гражданского законодательства, причем именно живая повседневная практика зачастую одерживала верх над юридической догмой, заставляя составителей актов выступать здесь в роли подлинных «пионеров права» [3: с. 235].

Цель данного исследования — изучение публично- и частнопроводных актов афонских монастырей с помощью методов дипломатики и через формулярный анализ актов афонских монастырей, показ их репрезентативности в качестве исторического источника в исследовании положения византийской женщины в эпоху Палеологов (XIII–XV вв.). Нас будет интересовать, насколько информативны частнопроводные акты этого периода в отношении места женщины в византийском социуме. В работе выявлено и проанализировано 108 актов, где действуют женщины. Следует отметить, что большая часть этих документов не исследована с точки зрения гендерной истории Византии. В этом и заключается новизна и практическое значение данного исследования.

Идеальную модель общества, как она представлялась профессионалам-юристам, отражают законодательные источники. Данные других источников показывают, что установленные законодательные нормы не всегда выполнялись, что, несомненно, отражало текущие изменения в судебной практике. Одним из важных источников, фиксирующих реальные изменения в юридической практике, являются записи сделок — византийские частнопроводные акты из Афонских монастырей, созданные в период с начала XIII в. до середины XV в. Впервые публикацию части этого корпуса документов осуществили русские исследователи в XIX – начале XX в. Первым стало издание актов русского монастыря на Афоне Ф.А. Терновским в 1873 г. [1]. Издание содержит историю монастыря Св. Пантелеймона, где акты разделены тематически. Однако в нем отсутствует источниковедческий анализ, не проводилось различие между подлинными документами и подложными.

Следующим этапом в издании изучаемого нами источника стала публикация актов в серии «Actes de l’Athos», печатавшихся в «Приложениях» к Византийскому временнику с 1903 г. Издатели серии изучали дипломатику акта в той степени, в которой она была необходима для определения его подлинности, снабжали каждый акт очень краткой аннотацией на французском языке. В данной серии были изданы акты Хиландара [6] и других монастырей. Мы пользовались этим изданием в тех случаях, когда необходимый для анализа акт не был переиздан позднее.

Начиная с 30-х гг. XX в. требования к археографическим публикациям возросли. Современное критическое издание — *Editio diplomatica* — предполагает всесторонний анализ издаваемых документов, включающий в себя научно-спра-

вочный аппарат, а также адекватное воспроизведение текста документов, сопровождаемое их фотографическим воспроизведением, факсимильные издания. Именно такими являются издания афонских актов в рамках французской серии «Archives de l' Athos» и некоторые самостоятельные публикации (например, актов монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе), издателям которых нередко удается решить задачи, имеющие принципиальное значение для изучения византийской дипломатики. Совершенствуется техника издания документов, проводится большая работа по выявлению и оценке всего сохранившегося актового материала, прежде всего богатейших архивов монастырей Афона. Огромный вклад в изучение актов афонских монастырей принадлежит рабочей группе, созданной при Коллеж де Франс. Уже увидели свет все четыре тома актов Лавры св. Афанасия, изданные П. Лемерлем, А. Гийу, Н. Звороносом, Д. Папахрисанфу [10]; акты монастырей Кутлумушского (П. Лемерль) [9], Дионисиевского (Н. Икономидис) [7], Дохиарского (Н. Икономидис) [8], Св. Пантелеймона (П. Лемерль, Ж. Дагрон С. Чиркович) [11], Ксенофонтова (В. Лоран, Д. Папахрисанфу) [13], Ивирского монастыря (Ж. Лефор, Н. Икономидис, Д. Папахрисанфу, Е. Метревели) [5], два тома актов Ватопеда (Ж. Бомпер, В. Кравари, Ж. Лефор, Х. Гиро) [12].

Все эти издания снабжены историческими и археологическими предисловиями, комментарием относительно внешнего вида документа, его содержания и оформления, а также примечаниями по тексту относительно неясных мест в акте, по содержанию документов, упомянутых в нем событий, участников сделки, дана библиография по каждому документу. Кроме того, в каждом томе содержится описание монастырского землевладения по актам, вошедшим в данный конкретный том, а также история самого монастыря. Издания содержат справочно-поисковую информацию: предметный, географический, именной указатели, словари, перечни выявленных, использованных документов, информацию об осуществленных ранее публикациях.

При изучении гендерной истории Византии использован комплекс письменных источников, хранящихся в архивах афонских монастырей. 1. *Практики*, где описывается зависимое население (парики и проскафимены) и указываются формы и размеры его податей. Этот материал нами использовался в ограниченном масштабе ввиду специфики предмета исследования. 2. *Купчие*, которые оформляют сделки между монастырями и частными лицами. Эта разновидность документа, как и дарения, является для нас одной из самых информативных. С помощью исследования контрагента и предмета сделки мы и можем сделать выводы о положении женщин в византийском социуме, о специфике распоряжения ими своей собственностью. 3. *Дарения* в пользу монастыря позволяют рассмотреть причины совершения данного юридически значимого действия, а также вопросы, связанные с женской собственностью, отчуждением приданого в виде дарения, что с точки зрения закона было гораздо сложнее. 4. *Договоры аренды*, соглашения по поводу использования земли или других ресурсов монастырем взамен на ри-

туальные услуги. Этот вид документов дает возможность оценить предпринимательскую деятельность женщин. 5. *Завещания* позволяют констатировать как факт того, что женщинам могла завещаться собственность, так и факт того, что женщина могла распоряжаться своей собственностью и после смерти. 6. Императорские хрисовулы и простагмы, содержащие подтверждение обладания монастырем имущества (земельные владения, парики и т. п.) особенно интересны, если они исходят от женщин-императриц.

Общая сохранность источников достаточно высока. Лакуны, наблюдающиеся в небольшой части актов, крайне незначительны. Все сделки, как правило, касаются земли, домов и виноградников, расположенных в Македонии, зафиксированные в актах не только монастырских канцелярий, но и в нотариальных конторах Фессалоники, и значительно реже Константинополя.

Акты афонских монастырей выявлены нами самостоятельно и впервые стали темой исследования для изучения гендерной истории Византии. Анализ документов показал, что из 108 изученных нами актов в 55 действовали женщины знатного происхождения, только в 21 случае — крестьянки, в 12 — монахини, а в 23 актах выяснить социальный статус женщин пока не представляется возможным. Примерно треть актов (49) афонских монастырей XIII–XV вв. составили документы, упоминающие женщин, где лицом, от которого исходит документ, являлась супружеская чета. На втором месте по частоте участия стоят сестры. При этом чрезвычайно редко встречаются в актах женщины, действующие с согласия мужа. Актов, в которых женщина выступала как мать, включая те акты, где она являлась замужней женщиной, для означенного нами периода насчитывается 18.

Попытаемся оценить, что для исследования гендерной истории палеологовской Византии дает изучение каждой отдельно взятой клаузулы акта.

I. *Заглавие* чаще всего давалось при переписывании акта в кодекс. Каждый акт имеет свой заголовок, при этом в него иногда может войти собственный заголовок юридического акта, тип сделки.

II. *Собственноручная помета* (протаυή) лица, от которого исходит документ. Она открывает каждый акт и представляет собою или знак креста (σίγνον), между ветвями которого писец текста помечал «сигнон такого-то» (если автор акта был неграмотен), или маленький крестик и запись: «Я, такой-то (приводятся все титулы), собственной рукой (слова «собственной рукой» могут отсутствовать) проέταξα». Например, раб сильного и святого Господа нашего и императора Димитрий Палеолог, великий domestik, и великая domestikissa Анна Кантакузина Палеологиня [8: р. Р. 237. 1–4]. Автором документа могла быть целая семья, в таком случае все члены семьи ставили в документе свои сигнатуры: кресты и надписи, например продажу Кутлумушскому монастырю в 1287 г. осуществляют Мануил Комнин Пелиарг, его жена Анна и их сын Иоанн, при этом каждый член семьи поставил свою подпись [9: р. Р. 43. 1–3].

III. *Инвокация*, т. е. призывание имени Божия, что соответствовало религиозным представлениям средневекового человека. В византийских актах можно встретить инвокацию в простой редакции, в тринитарной формуле: «во имя Отца и Сына и Святого Духа» или в пространной, за счет эпитетов, которые мог внести составитель. Например, в акте № 3 монастыря Кутлумуш Иоанн, вместе со своей супругой и тремя дочерьми, дарит монастырю землю, «во имя Отца, Сына и Святого Духа» [9: р. 45. 1].

IV. *Указание имени царствующего лица* (соправителей), например «в царствование благочестивейших и боговенчаных великих наших императоров» и т. д. — датировка по царствованию (*Annus Imperii*).

V. *Указание в первом лице («Ich-Form»)* имени автора документа, который в византийских частных актах, как правило, тождественен автору юридического акта (продавцу, дарителю, завещателю). Здесь указывается, что названные лица «собственноручно начертали честные и животворящие кресты». Эта часть формуляра демонстрирует, что субъектом действия являлось не просто физическое лицо, а юридическая «сторона» (*μερος*), т. е. лицо правовое. В актах афонских монастырей продавец представлен обычно не одним физическим лицом, а целой группой физических лиц: семьей (муж, жена, дети) или даже большой семьей, родом (братья, племянники), иногда не кровными родственниками, а чужими по крови совладельцами. Правовое лицо включает в себе, кроме него, его наследников, преемников, совладельцев и пр. Когда Феодора Кантакузина дарит владение Кутлумушскому монастырю, ее сын Иоанн удостоверяет своей подписью, что не имеет претензий на эту собственность и не будет оспаривать ее в будущем [9: р. 87, 89].

VI. *Распоряжение (dispositio)* — основная часть текста, в которой объявляется воля правового лица, главного контрагента (или контрагентов) с его явным намерением создать новую правовую ситуацию относительно какого-то имущества и т. д. Распоряжение фиксируется в будущем времени. Структура распоряжения состоит, как правило, из двух частей: 1) объявление о выпуске документа и 2) собственно распоряжение о совершении сделки. Для частноправовых актов характерно акцентирование на добровольности совершения сделки, чтобы избежать возможных судебных разбирательств и признания судом недействительности сделки, под предлогом того, что она произведена в результате обмана или насилия над юридическим лицом. Так, некая Ефросинья и ее супруг дарят поле монастырю Ватопеду добровольно [12: vol. 1, р. 196. 3].

VII. *Указание имени контрагента* — правопреемника (покупателя, получателя дара, наследника по завещанию и т. д.) дается обычно во втором лице или в третьем. Так, Никифор Кладон и его жена Мария дарят имущество игумену Ксенфонту и монахам этого монастыря [13: р. 113. 5–6].

VIII. *Предмет сделки*. В актах афонских монастырей можно встретить осуществляемые женщинами или при их участии сделки, касающиеся владения (по-

местья) [10: vol. 3, p. 139. 18], земли [5: vol. 3, p. 288. 21–22.], дома, [6: с. 179. 17], монастыря [12: p. 227. 10], церкви [7: p. 113. 21–22], виноградника [13: p. 206. 3], мельницы [12: p. 174. 3], гончарных мастерских [10: vol. 3, p. 209. 36] и др.

В актах указывается, что отчуждаемая собственность свободна от налоговых обложений. В этой части акта о предмете сделки дается точное описание границ владения, его *περιουρισμός* (расположение) по четырем сторонам света — северной, восточной, южной и западной — с указанием соседей или других ориентиров. Так, имущество, продаваемое Ириной, женой Льва Павла, описывалось с четырех сторон света [13: p. 182. 12–18]. В большинстве рассмотренных нами актов афонских монастырей земельные участки, передаваемые женщинами монастырям, находятся по соседству с монастырскими владениями, и в первую очередь представляют интерес для монастыря по «спрямлению границ», и т. д.

IX. *История сделки*, т. е. изложение обстоятельств, породивших настоящую сделку, встречается не во всех документах. Например, Мария Агиоритисса нуждалась в деньгах и поэтому искала того, кто бы смог взять на себя обязательство содержания церкви. Данные обязательства взял на себя Дионисий, что было подтверждено соответствующим актом [7: p. 112–113. 7–18]. Эта клаузула представляется наиболее репрезентативной для исследования жизни женщин в палеологовской Византии, так как позволяет установить реальные причины и мотивы совершения сделок, связанных с распоряжением имуществом, а также зачастую узнать подробности частной [8: p. 266] или семейной жизни [6: p. 241–247].

X. *Установление цены и передача денег*. Любое пожертвование имущества монастырю было своеобразной сделкой, поэтому его старались оценить в денежном эквиваленте, даже без передачи денег, ибо взамен даритель рассчитывал получить «спасение души и вечное поминовение».

XI. *Передача предмета сделки*. Подчеркивается значение сделки для дарителя, утверждается способ переноса права собственности на отчуждаемое имущество и способ передачи этого имущества. Иногда это выглядит как в акте, составленном Анной Торникной Панкерниссой, которая передавала землю монастырю в случае, если она будет отвоена у неприятеля [11: p. 104–105].

XII. *Права и обязанности правопреемника* гарантируют полноту уступленных прав распоряжения имуществом. Это обычная клаузула, которая содержится почти во всех актах афонских монастырей. Так, проданные монастырю Ивиру Иоанном Дукой Масгидой и его женой Ириной 300 модиев земли, становятся его собственностью в полном объеме со всеми вытекающими отсюда правами [5: vol. 3, p. 288. 21–22].

XIII. *Отказ продавца и его «стороны» от так называемых эксцепций*, чтобы сделка не могла быть аннулирована. В акте присутствует четкое указание на невозможность выдвижения никаких законных «возражений» по поводу предмета сделки, которая объявляется окончательной.

XIV. *Гарантия против эвикции*. Юридическое лицо, передавшее имущество, обещает защищать в суде нового собственника против попыток третьих

лиц отсудить («эвинцировать» от *evincere*, отсюда — *evictio*) подаренное имущество.

XV. *Неустойка*, выраженная штрафной формулой и предусмотренная законодательством. В данной клаузуле указывалась ответственность лица, передавшего имущество, за нарушение принятых им на себя обязательств. В качестве моральной ответственности можно рассматривать отступничество святого на Страшном суде [10: vol. 3, p. 111. 30–34], отказ со стороны от поминовения души и т. д. В качестве имущественной ответственности выступало денежное возмещение в разном объеме, обычно в полтора, в два раза превышающее первоначальную стоимость собственности. Так, если Георгий Кутрул, его жена Феодора и их сын Дмитрий, продавшие лавриотам участок размером в 5 модиев за 10 иперперов, откажутся от сделки, то они должны будут отдать 20 иперперов [10: vol. 2, p. 60. 13].

Закрывается акт в целом *финальной частью протокола*, включавшей в себя клаузулу *коррборации* с пожеланием, чтобы акт навсегда оставался в силе, с упоминанием писца и нотариуса и с указанием на то, что акт составлен в присутствии достойных доверия свидетелей. Следуют дата, приводимая по византийскому летосчислению, с индиктом и годом от сотворения мира, а также подписи свидетелей, писца или нотариуса в субъективной форме. Никаких данных о месте их составления византийские документы не содержат.

Таким образом, именно актовый материал позволяет осуществить комплексный подход к проблеме изучения гендерной истории, то есть увидеть всю совокупность правовых норм и правовых прецедентов, характеризующих место женщин в византийском обществе. Так, Ф.И. Успенский, проанализировав Вазелонские акты (источник, сходный с вышерассмотренным), отмечает, что «земельные акты не сообщают исторических фактов и не составляют истории, но в них попадают иногда такие трогательные, горькими слезами написанные факты из семейной истории маленького человека, сельского обывателя, что ими с большой пользой может воспользоваться историк для характеристика быта <...> они рисуют действительную, реальную жизнь, знакомят с живым человеком» [4: с. LII, LIV].

Акты афонских монастырей содержат в себе значительный пласт информации об аграрной истории Византии, о монастырском землевладении. Наряду с этим источник позволяет рассмотреть формы участия женщин в семейных делах, связанных с распоряжением имуществом. Акты дают возможность провести количественный анализ, позволяющий выявить основные семейные роли византийской женщины, увидеть, насколько велика доля самостоятельных действий женщин в области распоряжения своей собственностью, понять социальный статус женщин. Репрезентативность актов афонских монастырей в вопросах о положении византийской женщины очень высока. Источники обладают большими информативными возможностями по изучению имущественных семейных отношений, разновидностей собственности женщин, проблемы отчуждаемости приданого. Акты позволяют увидеть вышеназ-

ванные проблемы не только для знатной женщины, но иногда и для простой крестьянки.

Комплекс источников характеризует общее положение женщины в Византии в XIII–XV вв., свидетельствует о ее юридическом статусе, на его основе можно рассмотреть гендерные роли женщины в византийском социуме, проследить эволюцию брачных отношений, проанализировать участие византийской замужней женщины в распоряжении семейной собственностью, рост ее самостоятельности в вопросах распоряжения имуществом.

Литература

1. Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев: тип. Киевопечерск. Успенск. лавры, 1873. 616 с., 3 л. ил.
2. *Безобразов П.В.* Афонские документы // Византийские очерки. 1915. Т. 1. Вып. 1–2. С. 53–76.
3. *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики: (частноправовой акт) / Отв. ред. В.И. Рутенбург; АН СССР, Ленингр. отд-ние, Ин-т истории СССР. Л.: Наука, 1988. 262 [2] с.
4. *Успенский Ф.И.* Общее значение Вазелонских актов. Быт, нравы, агарянский полон // Вазелонские акты / Под ред. Ф.И. Успенского. Л.: ГПБ, 1927. С. LII–LIV.
5. Actes d'Iviron / ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssantou, H. Métrévéli. Vol. 1. Paris, 1985. 318 p.; Vol. 2. Paris, 1990. 368 p.; Vol. 3. Paris, 1994. 412 p. Vol. 4. Paris, 1995. 260 p.
6. Actes de Chilandar / Ed. L. Petit, B. Korablev // Византийский временник. 1911. Т. 17. Приложение № 1.
7. Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1968. 250 p.
8. Actes de Docheiarou / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1984. 398 p.
9. Actes de Kutlumus / Ed. P. Lemerle. Paris, 1988. 478 p.
10. Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos., D. Papachryssantou. Vol. 1. Paris, 1977. 446 p.; Vol. 2. Paris, 1977. 230 p.; Vol. 3. Paris, 1979. 230 p.; Vol. 4. Paris, 1982. 412 p.
11. Actes de Pantéléèmon / Ed. P. Lemerle, J. Dagrón, S. Čircovič. Paris, 1982. 238 p.
12. Actes de Vatopedi / Ed. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. Vol. 1. Paris, 2001. 474 p.; Vol. 2. Paris, 2006. 526 p.
13. Actes de Xénophon / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1986. 298 p.

References

1. Akty' russkogo na svyatom Afone monasty'rya sv. velikomuchenika i celitelya Pantelejmona. Kiev: tip. Киевопечерск. Успенск. Лавры', 1873. 616 с., 3 л. ил.
2. *Bezobrazov P.V.* Afonskie dokumenty' // Vizantijskie ocherki. 1915. T. 1. Vy'p. 1–2. S. 53–76.
3. *Medvedev I.P.* Ocherki vizantijskoj diplomatiki: (chastnopravovoj akt) / Otв. red. V.I. Rutenburg; AN SSSR, Leningr. otd-nie, In-t istorii SSSR. L.: Nauka, 1988. 262 [2] с.
4. *Uspenskij F.I.* Obshhee znachenie Vazelonskix aktov. By't, nnavy', agaryanskij polon // Vazelonskie akty' / Pod red. F.I. Uspenskogo. L.: GPB, 1927. S. LII–LIV.

E. V. Kogut

**Athos' Acts as a Source
of Gender History of Byzantium**

In the article by formulary analysis examined the Athos' monasteries acts of XIII–XV centuries. The author for the first time has demonstrated how the clauses of the private treaties, for example, the disposition, the history of a deal allows to trace the evolution of status of women in Byzantium. That all shows high informative value and representativeness of acts of Athos' monasteries as a historical source of gender history of the Byzantine Empire.

Key words: Byzantium; gender history; diplomatics; source study, the property relations.

К.К. Шириня

Как вызволили Г. Димитрова из гитлеровской тюрьмы

В статье показано основное содержание кампании за освобождение из гитлеровской тюрьмы Г. Димитрова и его товарищей. На основе архивных документов автор оценивает различные позиции в гитлеровской верхушке по отношению к судьбе Г. Димитрова и его товарищей.

Ключевые слова: антифашистская борьба; Лейпцигский процесс.

Приход гитлеровцев к власти 30 января 1933 г., поддержанный шествиями штурмовиков и националистически настроенных масс, еще не означал, что Гитлер прочно уселся в правительственном седле. Германским фашистам нужна была крупная политическая диверсия, чтобы обрушиться на своих противников и укрепить свою диктатуру. Такой диверсией и провокацией явился поджог рейхстага вечером 27 февраля. И уже на следующий день был принят чрезвычайный закон «О защите народа и государства», который легализовал фашистский террор и массовые расправы над антифашистами. Началась настоящая вакханалия нацистского террора, массовые аресты. После поджога рейхстага Й. Геббельс, один из гитлеровских «вождей», записал в дневнике: «Итак, решающий момент настал... теперь мы можем идти на все!» [6: с. 278]. Только за 27–28 февраля в стране было арестовано свыше 11 500 человек — коммунистов, социал-демократов, других антифашистов [2: с. 11].

Стараясь преподнести поджог как дело рук коммунистов, как некий международный заговор, политическая полиция арестовала не только ряд руководителей компартии Германии, лидера ее фракции в германском рейхстаге Э. Торглера, но и видного деятеля Коммунистического Интернационала и компартии Болгарии Георгия Димитрова, а также его товарищей по партии, находившихся тогда вместе с ним в Берлине, Б. Попова и В. Танева. Им предъявили обвинение в том, что они якобы организовали поджог германского рейхстага и осуществили его вместе с голландским анархистом М. Ван дер Люббе, которого нацистские власти также выдавали за коммуниста.

Лейпцигский судебный процесс о поджоге рейхстага был большим событием 1933 года, вокруг которого кипели политические страсти, о котором ежедневно писали газеты и в связи с которым во многих странах мира проходили митинги, собрания и демонстрации. Процесс превратился в первое большое политическое сражение против гитлеровского фашизма.

О поджоге рейхстага и Лейпцигском судебном процессе написано немало книг, брошюр, статей, авторы которых с разных политических позиций освещают этот сюжет. Обнародованы многие документы. В течение десяти лет — в 1980–1991 гг. группа историков из СССР, ГДР и Болгарии изучала архивные материалы, связанные с темой «Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров». Подготовлены три больших тома документов и два из них были одновременно изданы в Москве, Берлине и Софии. [2: с. 3–637; 3: с. 3–528; 4: с. 3–381]. Третий том находился уже в производстве. Основными подготовителями и членами редакционной коллегии тома являлись: Д. Елазар (главный редактор и ответственный за болгарское издание), М. Иорданов, Е. Кабакчиева, Л. Роте (ответственная за немецкое издание), Г. Бернгард, К. Шириня (ответственный за русское издание), Ф. Фирсов. Бурные политические события помешали изданию. Во всех трех странах том был сначала отложен, затем набор рассыпан. Таким образом, читатель оказался лишен документов, показывающих финальную часть Лейпцигского процесса, — борьбу за освобождение Г. Димитрова и его товарищей из лап гитлеровских тюремщиков. Именно об этом пойдет речь в данной статье, опирающейся на материалы неизданного третьего тома.

Итак, 23 декабря 1933 г. на пятьдесят седьмом заседании суда председатель IV уголовного сената Имперского суда В. Бюнгер объявил приговор: обвиняемые Э. Торглер, Г. Димитров, Б. Попов и В. Танев были оправданы, а обвиняемый М. Ван дер Люббе приговорен к смертной казни с последующим длительным поражением в гражданских правах [4: с. 280–281]. Оправдательный приговор Г. Димитрову и его товарищам означал полный провал попытки гитлеровских властей и суда приписать коммунистам поджог рейхстага и изобразить их движение как преступное и террористическое, хотя судьи продолжали на этом настаивать.

Приговор явился результатом многих составляющих. Он был замечательной победой самого Г. Димитрова, мужественно противостоявшего сильному и отлаженному гитлеровскому репрессивному аппарату и сумевшего нанести сокрушительный удар по провокационному обвинению. Этот приговор был также успехом международной антифашистской кампании, в центре которой естественно находились коммунистические партии, Коммунистический Интернационал и примыкавшие к нему организации. Для руководства кампанией в защиту Г. Димитрова и его товарищей в Исполкоме Коминтерна была создана специальная комиссия во главе с Б. Куном [5: с. 396]. Ее главной установкой являлось вовлечение в кампанию всех антифашистов и прежде всего социал-демократов. Сам Г. Димитров подчеркивал важность именно такого подхода и позднее говорил, что на Лейпцигском процессе он «не только защищал рабочих-коммунистов и компартию, но и социал-демократических рабочих и в известной мере социал-демократическую партию» [1: с. 31]. Это он считал принципиально верным, способствующим совместной борьбе рабочих против фашизма. Однако задача ставилась еще более широко: создать в защиту жертв гитлеровского террора фронт, охватывающий все

разнообразные антифашистские силы. В шифрограмме от 14 сентября комиссия Б. Куна предлагала проявлять всяческую инициативу в объединении всех антифашистов, в привлечении всех демократов и гуманистов, представителей прогрессивной интеллигенции, в том числе членов Лиги прав человека, то есть представителей буржуазно-либеральных кругов, всех, кто поднял голос протеста против гитлеровского насилия и террора (Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ. Москва. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1933. Д. 39. Л. 192). И здесь удалось добиться многого. Поэтому оправдательный приговор в Лейпциге был также заслугой всего демократического движения. Гитлеровскому фашизму впервые после его прихода к власти было нанесено большое морально-политическое поражение. Нацистские главари вынуждены были уступить. Говоря об этом, нельзя, однако, не видеть того, что поджог рейхстага и подготовку судебного процесса гитлеровцы все же сумели использовать для развязывания бешеной антикоммунистической травли и массового террора в стране, для укрепления своей диктатуры.

Буржуазно-консервативные круги ряда стран выразили мнение, что сам германский суд показал свою объективность в рассмотрении дела и, таким образом, восторжествовала якобы оказавшаяся на высоте и не поддающаяся влиянию политических страстей германская юстиция. Разумеется, Имперский суд Германии не мог не считаться с некоторыми нормами буржуазно-демократического права, с реальными фактами, с силой правды, с мировым общественным мнением. Не все на процессе о поджоге рейхстага было подтасовано. Однако едва ли можно было говорить о «верности долгу и истине» германского суда, пытавшегося во что бы то ни стало осуществить фашистский сценарий процесса о поджоге рейхстага. На доводы об «объективности» Имперского суда антифашисты ответили разоблачениями фальсификаций и уловок, с помощью которых гитлеровцы пытались добиться осуждения обвиняемых.

Несмотря на оправдательный приговор, фашистские власти намеревались по-своему распорядиться судьбой Димитрова и его товарищей. Уже в день приговора они были по поручению рейхсминистра внутренних дел взяты под так называемый «охранный арест» и продолжали содержаться в лейпцигской тюрьме (Централен партиен архив — ЦПА — София. 146/ 3/ 504: 146/ 9/ 520. Легенда 1990 г.). Известные угрозы Геринга расправиться с Димитровым после процесса, злобные призывы фашистской печати говорили о том, что жизнь оправданных находилась в опасности.

В правящих кругах фашистской Германии по вопросу о дальнейшей судьбе Димитрова, Попова и Танева существовало две основных позиции, выявившихся еще в ходе процесса. Представителей экстремистской позиции возглавлял Г. Геринг, опиравшийся на разветвленный аппарат власти и находивший поддержку в верхушке нацистской партии, в руководстве гестапо и в верховной прокуратуре. Он и его сторонники считали, что нельзя выпускать на свободу такого бес-

страшного политического противника, как Димитров, человека, разоблачившего провокацию фашистской диктатуры и, несомненно, способного сыграть крупную роль в международной борьбе против фашизма. Геринг вынашивал и личные мстительные планы в отношении Димитрова, давшего ему решительный отпор на суде. Поэтому Геринг и руководство гестапо хотели либо расправиться с Димитровым руками болгарского правительства, либо оставить Димитрова и его товарищей в Германии в заключении, чтобы в подходящий момент физически уничтожить их.

Другую позицию занимали высшие круги министерства иностранных дел, министерства юстиции и в известной мере также министерства внутренних дел, руководствовавшиеся в вопросе о судьбе Димитрова реально-политическими соображениями. Они предлагали сделать так, чтобы с наименьшими потерями была осуществлена высылка Димитрова, Попова и Танева. Таким образом рассчитывали избежать нового подъема антигитлеровской кампании в мире, ухудшения внешнеполитического положения Германии, в том числе могущих возникнуть осложнений в отношениях с Англией, Францией и другими странами, придерживавшимися традиционных принципов буржуазного права. Сторонники этой линии считали, что национал-социалистская Германия в данной ситуации не должна игнорировать мнение других держав, не должна вести себя так, чтобы это воспринималось как неуважение права и открытое проявление реваншистских претензий. Сам Гитлер полагал, что на этом этапе следовало пока еще выступать под флагом миролюбия. Именно под таким прикрытием гитлеровцы рассчитывали начать осуществлять обширную программу вооружения страны. Две линии в отношении Димитрова, а также промежуточные позиции ясно просматриваются во многих документах фашистских властей, содержащих предложения о том, как же поступить дальше с оправданным судом коммунистами. Это же касалось и председателя коммунистической фракции рейхстага Э. Торглера, также оправданного судом и также, как и Димитров, Попова и Танев, взятого под арест. У гитлеровских властей, увидевших колебания и капитулянтскую позицию Торглера на процессе, возник теперь план: оторвать его от КПГ и использовать в своих целях.

В обостренной форме различия официальных позиций проявились на совещании в министерстве внутренних дел 4 января 1934 г. Здесь начальник Управления гестапо Р. Дильс в категорической форме потребовал «отправить Димитрова в концентрационный лагерь, где с ним будут обращаться так же, как с другими ответственными коммунистами — Тельманом, Шнеллером и прочими». Он говорил, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Димитров был освобожден, что г-н премьер-министр (то есть Геринг) никогда не согласится «выпустить на свободу политического преступника... который навсегда останется его заклятым врагом». Шеф гестапо призывал не уступать, даже если в дело вмешается Советский Союз. Р. Дильс заявлял, что Г. Димитров «будет, если окажется на свободе, наряду со Сталиным, известнейшим международным агитатором Коминтерна» (Zentrales

Parteiarchiv. Berlin. St. 65/ 231/ 1. Легенда 1990 г.). Перед совещанием Р. Дильс обратился с письмами к нацистским руководителям Г. Гиммлеру, Р. Гессу, Э. Рему, прося их поддержать предложение о заключении Димитрова в концлагерь. Он считал, что в случае освобождения Димитрова «признание тезиса о подавлении коммунизма будет поколеблено самым серьезным образом» (Там же).

Окончательного перевеса точка зрения Геринга на совещании не получила. Поэтому Геринг и Дильс предпринимают все новые попытки склонить чашу весов в свою сторону. 13 января Дильс еще раз в письме министру внутренних дел в резкой форме изложил доводы против высылки Димитрова из Германии за его содержание в концентрационном лагере. Осуществление такого плана означало бы смертный приговор Димитрову. Борьба за его жизнь и жизнь его товарищей, за их освобождение из тюрьмы являлась поэтому неотложной задачей всех антифашистов.

Во всем мире громко и настойчиво прозвучали призывы усилить международную массовую кампанию за спасение узников германского фашизма. Журнал Коминтерна, издававшийся в Париже, подчеркивал: «Дело не терпит отлагательства, фашистские убийцы делают ставку на усталость масс после широких кампаний последних недель. Фашистские власти убедятся в том, что они снова ошиблись» (La Correspondance Internationale. Paris. 1934, № 3–4. P. 47). Еще 28 декабря 1933 г. один из руководителей компартии Германии В. Пик послал в Исполком Коминтерна телеграмму с предложением, чтобы советское правительство заявило в какой-либо форме германскому правительству о готовности предоставить Димитрову и остальным болгарским товарищам право убежища в СССР (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 248). В этом случае в борьбу непосредственно включалось бы советское государство, что могло иметь решающее значение. С телеграммой В. Пика был ознакомлен И.В. Сталин.

Вновь призвали своих сторонников к активным выступлениям все организации, примыкавшие к Коминтерну, — Профинтерн, Красная помощь (в СССР она называлась МОПР — Международная организация помощи революционерам), Межрабпом, Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма и другие

Особое место в развернувшейся кампании занимала компартия Германии, действовавшая в условиях подполья и жесточайших репрессий. Германские коммунисты, рискуя не только свободой, но нередко и своей жизнью, предпринимали самые различные антифашистские акции. Они печатали и распространяли нелегальные листовки, выпускали гектографированные газеты, расклеивали лозунги, посылали письма, открытки и телеграммы в фашистский суд.

В кампании громко звучал и голос видных, авторитетных деятелей социал-демократических и социалистических партий. С заявлениями выступили Э. Вандервельде (Бельгия), П. Фор и Л. Блюм (Франция), Г. Брантинг (Швеция), Г. Ласки (Англия) и другие лидеры Рабочего Социалистического Интернационала (РСИ). Его партии публиковали статьи и материалы с требо-

ванием освобождения оправданных Лейпцигским судом узников. В большой статье лидера английских лейбористов Г. Ласки, опубликованной 30 декабря 1933 г. в «Daily Herald», говорилось о подвиге «бесстрашного, дерзкого и неукротимого» Димитрова, ставшего смелым обвинителем гитлеризма, звучал страстный призыв добиться освобождения этого героя.

В адрес германских властей и самому рейхсканцлеру шли телеграммы, в которых содержалось предупреждение о том, что вся ответственность за жизнь и безопасность оправданных обвиняемых лежит на имперском правительстве, на судебных и полицейских властях Германии. Давление на фашистские власти приняло широкие масштабы. Секретариат Международной Комиссии (в Лондоне) по расследованию дела о поджоге рейхстага, проводившей свое собственное слушание, в телеграмме Гитлеру требовал не только свободы оправданным, но и решительно протестовал против смертного приговора голландцу М. Ван дер Люббе, ибо в его казни (которая вскоре состоялась) мировое общественное мнение увидело «намерение навсегда сделать невозможным розыск подлинных поджигателей».

В начале января 1934 г. был создан Международный комитет за освобождение Димитрова, Тельмана и всех заключенных антифашистов. Его возглавили известные французские писатели А. Жид и А. Мальро. Комитет организовал новую волну митингов и собраний во Франции, Чехословакии, США, Канаде, Бельгии, Голландии, Швеции, Англии, Латинской Америке и т. д. Происходил сбор подписей и денежных средств. В германские посольства и консульства вновь стали приходить делегации с петициями и протестами.

Многочисленные международные организации рабочего и демократического движения Красная помощь, Профинтерн, Антиимпериалистическая лига, Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма и другие вместе с Международным комитетом защиты жертв германского фашизма организовали по всему миру сотни и сотни выступлений против гитлеровского террора, за освобождение Димитрова, Тельмана и других узников. Видные деятели науки и культуры, писатели, имевшие вес в международном общественном мнении, также выступили с требованием об освобождении Димитрова и других антифашистов. Мир не мог не прислушаться к голосам Р. Роллана, А. Барбюса, П. Ланжевена, лорда Марлея, А. Монтегю и многих других, чьи имена связывались с идеалами справедливости и гуманизма.

Кампания за освобождение Димитрова нашла немалую поддержку в либеральных кругах, среди известных юристов. Более того, даже в правительственных инстанциях Англии, Чехословакии, Швеции и ряда других стран имело поддержку мнение о том, что германские власти должны поступить в соответствии с решением Лейпцигского суда. Лондонская «Times», представляющая, как известно, консервативные круги английского общества, и та в статье о Г. Димитрове писала, что германские власти хотят задержать его в своей тюрьме навсегда, но,

поступая так, Германия «дискредитирует себя сильнее, чем это мог бы сделать кто-нибудь другой» (Times. London, 1934. 18. 1).

Итак, против новой провокации гитлеровцев, за спасение Димитрова и его товарищей выступили самые различные силы — от коммунистов и социалистов до либералов и консерваторов. Все они с симпатией писали о Димитрове, который стал известен всему миру как могучий и бесстрашный противник фашизма.

Поддержкой антифашистов пользовались также его товарищи Б. Попов и В. Танев, которые в силу многих причин, в том числе из-за слабого знания немецкого языка, играли на судебном процессе более скромную роль. (Впоследствии в Коминтерне им даже предъявили претензии за якобы недостаточную активность в суде.)

В международной кампании был слышен и голос советского государства, выступавшего как важнейшая сила борьбы против фашизма. Общественное мнение СССР, меры советского правительства становились все более значимым фактором международной борьбы за спасение Димитрова и его товарищей. 1 января 1934 г. советское полпредство в Германии заявило министерству иностранных дел Германии, что от советского правительства получено указание официально поставить в известность МИД Германии о том, что СССР готов предоставить право на въезд в страну трем болгарам, о которых идет речь (Архив внешней политики — АВП — Москва. Ф. 059. Оп. 1. п. 164. Д. 1251, л. 4; Оп. 189. Д. 2182, л. 1). Этим заявлением началась целая серия шагов советской дипломатии по данному вопросу. Важным было то, что это заявление выбивало из рук гитлеровцев их аргумент, будто ни одна страна (после отказа болгарского правительства) не готова принять болгарских узников.

Энергично действовал и сам Г. Димитров. В конце декабря 1933 г. — начале января 1934 г. он пишет ряд писем: председателю IV уголовного сената В. Бюнгеру, полицей-президенту Лейпцига, имперскому министру внутренних дел. В этих письмах он ставит вопрос резко: по каким причинам продолжается арест, «кто несет ответственность за эту меру»? Он, как «оправданный самым высоким германским судом», требует немедленной высылки в Чехословакию или во Францию, а если нет такой возможности — в Москву. До сих пор ему не предъявлено ни распоряжения об освобождении, ни конкретных оснований для продолжения ареста. Не получая ответа на вопрос, кто несет ответственность за незаконное содержание его под арестом, и на требование об освобождении, Г. Димитров посылает 13 января телеграмму министру внутренних дел В. Фрику, еще раз настаивая на немедленном освобождении и высылке. В конце января он вновь настойчиво повторяет свои требования министру.

Эту тактику непрерывного давления на германские власти по основному вопросу — об освобождении — Димитров сочетает с борьбой за смягчение тюремного режима, против содержания в одиночных камерах, за получение

газет, продуктовых посылок, выдачу конфискованных вещей, за свидания с родственниками. Он пишет письма во многие страны, в том числе и в СССР.

Много усилий предпринимали родственники Димитрова, Попова и Танева, чтобы добиться их освобождения, а пока — облегчения условий их содержания в тюрьме. Мать Димитрова Парашкева с завидной настойчивостью стучится во все двери. Она пишет письмо президенту Чехословакии Т. Масарику с просьбой разрешить свободный проезд сыну через эту страну. Она использует все возможности для свидания с сыном. Ее голос слышен во многих странах, побуждая людей к поддержке справедливого дела борьбы за освобождение невинных узников. Вместе с матерью в лейпцигской тюрьме болгарских узников посещают сестра Димитрова — Магдалина Барамова. С призывом к общественности выступила в эти дни и другая сестра Димитрова, Елена.

Фашистские власти предприняли попытку ослабить опасения мировой общественности за жизнь Димитрова и его товарищей, сбить волну протестов. И здесь на арене возникает П. Тейхерт, официальный защитник Г. Димитрова на суде. Он посетил 19 января в тюрьме Г. Димитрова, Б. Попова и В. Танева. Сразу после этого составил заявление, которое согласовал с полицейскими чинами и срочно дал в Информационное бюро Германии, прося организовать немедленную публикацию в германской и особенно в иностранной печати. В заявлении утверждалось, что сообщения о плохих условиях содержания в тюрьме и плохом обхождении с заключенными — это «наглая ложь», что со всеми тремя заключенными обращаются хорошо, что им «обеспечено безупречное питание», состояние здоровья «самое хорошее» и т. д. «Все сообщения, говорящие иное, — заключал свое заявление Тейхерт, — являются подстрекательскими извращениями правды» (ЦПА, София, 146/ 3/ 533). И ни слова о необходимости освобождения оправданных! Бывший защитник стал орудием в борьбе фашистских властей против международной кампании за спасение Димитрова и его товарищей. Г. Димитров немедленно потребовал разрешить ему выступить перед зарубежными и немецкими журналистами с заявлением в связи с «неверными сообщениями» в печати о его положении.

2 февраля 1934 г. трое болгарских заключенных были переведены из лейпцигской в берлинскую тюрьму гестапо, расположенную на Принц-Альбрехтштрассе, 8. Раньше в этом мрачном здании была школа художественного ремесла, а после захвата власти гитлеровцами разместилось Управление гестапо. В железобетонных камерах в подвале этого здания, освещавшихся лишь из коридора, и оказались Г. Димитров, Б. Попов и В. Танев.

Их перевод в гестаповскую тюрьму, о котором фашистские власти приказали не сообщать в печать, был не обычным перемещением заключенных, а акцией серьезного политического значения. Димитров и его товарищи оказались фактически переданными в руки Геринга. Странники расправы над Димитровым, требовавшие его помещения в концлагерь, а затем и уничтожения, серьезно продви-

нулись вперед в осуществлении своего зловещего замысла. Это был своего рода вызов всем антифашистам, мировому общественному мнению.

Угроза жизни Димитрова и его товарищей стала сильнее, чем когда-либо. Перевод Димитрова в гестаповскую тюрьму совпал с новой вспышкой фашистского террора против КПГ. По приказу фашистских властителей за день до того, то есть 1 февраля, были злодейски убиты четыре руководящих работника ЦК КПГ — Й. Шер, О. Шенхаар, Э. Штейнфурт и Р. Шварц. Десятки смертных приговоров другим коммунистам были вынесены гитлеровцами в это время. Этими убийствами гитлеровские власти пытались подавить антифашистское сопротивление, сломить боевой дух своих противников, заявить о своем праве на дальнейшие террористические акты. В ответ ЦК КПГ призвал рабочих Германии, трудящихся всего мира поднять голос протеста против фашистских убийц, усилить борьбу за спасение жизней Тельмана и Димитрова, всех узников гитлеровской банды (*Rundschau*. Basel. 1934, № 14).

Международный комитет борьбы за освобождение Димитрова, Тельмана, Торглера, Попова, Танева и всех заключенных антифашистов в Германии уже 3 февраля заявил, что наступил ответственный час и «никогда пламенная борьба рабочих масс во всем мире, антифашистов и всех лиц, симпатизирующих социализму, не была столь необходима, как теперь» (*La Correspondance Internationale*. 1934, 17. II. № 15–16).

Левая печать и вся мировая прогрессивная общественность подняли новую тревогу в связи с непосредственной опасностью для жизни Димитрова и его товарищей. Кампания за их спасение, против гитлеровского террора развернулась с новой силой. Как и прежде, в нее стремились вовлечь всех противников гитлеризма. В таком духе действовали компартии и близкие им организации. Руководство МОПР 7 февраля рекомендовало всем своим секциям обратить особое внимание на вовлечение прогрессивных адвокатов и различных кругов интеллигенции в борьбу за освобождение Димитрова. В выступлениях протеста приняли активное участие представители социал-демократических партий. Требование освобождения Димитрова, Тельмана и других антифашистов стало во многих случаях требованием движения за создание единого антифашистского фронта. Это требование звучало во время всеобщей забастовки 12 февраля 1934 г. во Франции, когда коммунисты и социалисты вместе дали первый отпор фашистским лигам. Такой же призыв раздавался в рядах движения за единый антифашистский фронт в Испании и других странах.

Известные писатели, прогрессивные адвокаты, многие деятели науки возвысили свой голос за освобождение Димитрова и его товарищей. Демократическая печать европейских стран ежедневно публиковала статьи, корреспонденции, информацию и письма читателей с такими же требованиями. Даже многие консервативные и либеральные газеты и журналы публиковали подобные письма и сообщали о пожертвованиях для кампании за освобожде-

ние Димитрова. Германские посольства и консульства доносили имперским властям, что и в правящих кругах Англии, Франции, Скандинавских стран, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и других стран относятся отрицательно к тому, что гитлеровские власти продолжают держать в тюрьме людей, оправданных высшей судебной инстанцией. Такого рода информацию, как и сообщения о массовых выступлениях протеста, о нарастающем потоке писем и телеграмм в германские посольства и консульства, об обсуждениях вопроса в парламентах, о требовательных выступлениях печати, германским властям все труднее было игнорировать.

Георгий Димитров ясно сознавал, что с переводом в гестаповскую тюрьму в его судьбе не исключен трагический исход. В письме Фрику от 7 февраля 1934 г. Г. Димитров опровергает все надуманные «обоснования» задержки его, Попова и Танева под арестом и разоблачает истинные намерения гестапо: «...искалечить нас физически и морально, либо же при “подходящем” случае избавиться от нас с помощью “безответственных” элементов». Димитров требовал немедленной высылки его, Попова и Танева в Советский Союз и угрожал прибегнуть к голодовке (ЦПА, София. 146/ 3/ 70).

Свой протест и требования об освобождении Димитров решительно формулировал и в интервью корреспонденту агентства Рейтер 9 февраля. Корреспондент поставил ряд вопросов о том, даст ли Димитров в качестве условия для освобождения гарантию воздерживаться от антинемецкой пропаганды и т. д. Ответ был ясен и тверд: «Я коммунист и всегда им останусь, и я не хочу давать никаких гарантий. Я хочу продолжить свою работу для Болгарской коммунистической партии» (Manchester Guardian. 1934, 10. II). Сознание, что за ним стоят могучие силы масс во всем мире, что на его стороне правда и симпатии всех антифашистов и демократов, давало Димитрову великую моральную поддержку в это трудное время.

Гитлеровцы, учитывая давление мирового общественного мнения, продумывали теперь самые различные варианты решения вопроса о Димитрове, маневрировали. Даже в гестапо, где господствовало мнение о необходимости расправиться с Димитровым, стали взвешиваться иные решения: увязать высылку Димитрова с обменом на ряд арестованных в СССР за шпионаж граждан Германии, предъявить к СССР ряд других требований. Выдвигая такие предложения, главы гестапо надеялись, однако, что при поддержке Геринга им, возможно, удастся осуществить свой основной план — расправиться с узниками.

Вскоре сильное воздействие на решение вопроса о судьбе Димитрова и его товарищей стал оказывать тот фактор, которого гитлеровцы больше всего опасались, — Советский Союз. Болгарское правительство, как известно, не только отказало во въезде в страну Димитрову, Попову и Таневу, но и заявило, что не считает их болгарскими подданными. По инициативе Димитрова его мать и сестра, а также жена Танева обратились в советское полпредство и поставили

вопрос о том, не примет ли Советский Союз Димитрова и его товарищей в свое подданство (АВП. Москва. Ф. 82. Оп. 17, п.77. Д.8). Официальное письменное заявление в тот день не было подготовлено; оно было оформлено задним числом, то есть помечено датой 13 февраля, днем, когда состоялся разговор Димитрова с родственниками по этому вопросу. Содержание заявления было немедленно передано в Москву 14 февраля. На следующий день Президиум ЦИК СССР принял постановление, удовлетворяющее ходатайство родственников: Г. Димитров, Б. Попов и В. Танев были приняты в гражданство Союза ССР. С данного момента они становились советскими гражданами и их положение коренным образом изменялось. Это решение Советского государства имело определяющее значение для успеха борьбы за вызволение узников фашизма из тюрьмы.

Предоставление советского гражданства Димитрову, Попову и Таневу произошло, по-видимому, в критический момент обсуждения вопроса в фашистской верхушке о судьбе Димитрова, в момент, когда линия Геринга и гестапо, казалось, уже берет верх. Но теперь произошло событие, склонявшее чашу весов в пользу Димитрова и его товарищей. Теперь гитлеровские власти имели дело с советскими гражданами. Это означало, что наступил новый, последний этап борьбы за освобождение узников Лейпцигского процесса. Теперь главным действующим лицом стало Советское правительство, его дипломатическое представительство.

Постановление Президиума ЦИК СССР сразу же было сообщено полпреду СССР в Берлине Л.М. Хинчуку, и на следующий день, то есть 16 февраля, полпредство СССР в Германии обратилось с нотой в МИД Германии, в которой сообщалось о решении Советского правительства. В ноте выражалась настоятельная просьба «принять меры к немедленному освобождению советских граждан Димитрова, Попова и Танева из-под ареста для их скорейшего отъезда в СССР» (Там же. Оп. 18, п. 62, Д. 7). Советское полпредство немедленно приняло меры для подготовки выездных паспортов, получения виз, оформления возможных транзитных виз для проезда через Польшу и т. д. При передаче ноты второй секретарь полпредства А.В. Гиршфельд устно добавил: мы просим, чтобы все относящееся к советским гражданам Димитрову, Попову и Таневу было сделано в кратчайший срок. Полпредство предлагало осуществить скорейшим образом освобождение их из тюрьмы, чтобы до отправки в СССР они могли содержаться в советском полпредстве. Категорически были отвергнуты всякого рода сомнения относительно подлинности советского гражданства Димитрова и его товарищей. Советский дипломат потребовал также немедленного свидания с ними (Там же. Оп. 17, п. 77, Д.8).

Народный комиссариат иностранных дел СССР, советское полпредство в Германии и лично М.М. Литвинов, Л.М. Хинчук, ответственные работники полпредства Б.Д. Виноградов и А.В. Гиршфельд оказывали сильнейший нажим на гитлеровские власти. Геринг и гестапо стремились во что бы то ни стало затянуть освобождение Димитрова и его товарищей, поставить это

освобождение в зависимости от ряда условий: Димитров не должен вести антигерманской пропаганды; в течение года не выезжать из СССР; в обмен на освобождение Димитрова, Попова и Танева Дильс требовал освобождения трех немецких заключенных в СССР, арестованных в последнее время. В связи с этой тактикой затяжек и ультимативных требований полпредство СССР в Германии вновь направило 21 февраля решительную ноту в МИД Германии: советские граждане должны быть незамедлительно освобождены.

В это время международная общественность была взбудоражена очевидными расхождениями между позицией Гитлера и позицией Геринга, высказанных ими в интервью корреспонденту английской газеты «Daily Mail» Уорду Прайсу. Если Гитлер в заявлении от 17 февраля заверял, что приговор суда в отношении болгар будет исполнен, хотя их оправдание якобы не соответствовало мнению нации, то Геринг в интервью от 20 февраля нагло повторял: Димитров заслуживает виселицы; его, Геринга, личное мнение по-прежнему таково. Премьер-министр Пруссии Геринг фактически дезавуировал заявление рейхсканцлера, что свидетельствовало о том, что сторонники расправы над Димитровым все еще не отказывались от своего преступного замысла. Этот факт вызвал новый демарш со стороны полпредства СССР в Германии и новые резкие протесты в рабочей и демократической печати многих стран, новую тревогу среди антифашистов. Кампания в защиту оправданных стала приобретать более острый язык.

В этих условиях длительные и многократные обсуждения вопроса о судьбе Димитрова, состоявшиеся в различных правительственных инстанциях Германии, в том числе и у рейхсканцлера, завершились наконец решением о высылке Г. Димитрова, Б. Попова и В. Танева в СССР. Но даже после этого Геринг стремился изменить ход событий, отстоять свою линию. Он настаивал на том, чтобы МИД Германии поставил высылку Димитрова в зависимость от освобождения возможно большего числа граждан Германии, арестованных в СССР, а также требовал, чтобы от Советского правительства были получены обязательства запретить Димитрову, Попову и Таневу всякую деятельность, направленную против Германии. Когда рейхсканцлер уже отдал распоряжение незамедлительно отправить в Москву Димитрова, Попова и Танева, в эту последнюю минуту Геринг попытался еще раз затянуть решение вопроса, потребовав доставить ему письменное распоряжение Гитлера о высылке. Однако ничего изменить он уже не мог. Вся эпопея заканчивалась бесславно для германских фашистов.

Существует версия, будто состоялся обмен Димитрова, Попова и Танева на арестованных в СССР немецких граждан — служащих компании «Контроль К^о». На деле же никаких переговоров по этому вопросу, никакого соглашения о подобном обмене не было. Через некоторое время после освобождения Димитрова и его товарищей Советское правительство сделало жест доброй воли, освободив нескольких арестованных германских граждан, оказавшихся виновными в экономическом шпионаже. Однако между освобождением Димитрова и

этой акцией, как признавал и германский статс-секретарь Б.В. фон Бюлов, не существовало никакой юридической связи.

Высылку Димитрова, Попова и Танева, начиная с их транспортировки из тюрьмы на аэродром и кончая процедурой отлета и т. д., германские власти стремились осуществить тайно. Не сообщая заранее никаких сведений советскому полпредству, чтобы предотвратить организацию торжественной встречи Димитрова в Москве, германские власти 27 февраля в шесть утра сообщили узникам об их высылке в СССР, а в 7 часов 15 минут отправили самолет фирмы «Дерулюфт» с освобожденными из гитлеровского плена Димитровым, Поповым и Таневым — без советских паспортов и виз — по маршруту Берлин – Кенигсберг – Великие Луки – Москва. Заявления для печати были сделаны германскими властями лишь во второй половине дня, с тем, чтобы они могли попасть лишь в вечерние издания газет.

В середине дня работники советского полпредства узнали о высылке Димитрова и его товарищей, навели соответствующие справки в компании «Дерулюфт», и информация была срочно сообщена заместителю наркома иностранных дел СССР в Москву. По радиотелеграфу в Москву поступили к вечеру и аналогичные сообщения агентства Рейтер. Москва торжественно встретила Димитрова и его товарищей. Буквально вслед за встречей на аэродроме состоялась беседа Димитрова, Попова и Танева с представителями советской и иностранной печати.

Итак, через два с лишним месяца после объявления оправдательного приговора в Лейпциге и ровно через год после провокационного поджога рейхстага Димитров, Попов и Танев были вырваны из лап гитлеровских тюремщиков. Завершилось победой важное сражение против гитлеровского фашизма. На встрече с представителями печати в Москве Димитров подчеркнул решающую роль международной кампании солидарности, охватившей широкие массы пролетариата и честной интеллигенции, и особенно роль Советской страны в спасении жизней Димитрова, Попова и Танева, в борьбе против фашистского террора. Высоко оценивая действия германских коммунистов, неустанно выступавших против гитлеровских палачей, Димитров призвал с новой энергией продолжать борьбу за освобождение тысяч пролетарских узников из фашистских темниц. Он сам немедленно включился в эту борьбу.

Газета «Правда» в передовой статье, посвященной освобождению Димитрова, писала, что борьба Димитрова и его товарищей подняла на ноги рабочих всего мира и «послужила толчком к огромному массовому движению против фашизма во всех странах капиталистического мира» (Правда. 1934. 28 февраля). Идеино-политическая борьба вокруг Лейпцигского процесса и судьбы Димитрова сыграла большую роль в разоблачении антигуманистической сущности фашизма. Она стала важной ступенью в процессе начавшегося сплочения антифашистов и всех демократов против силы, угрожавшей наро-

дам порабощением и истребительной войной. Выигранное антифашистское сражение было как бы первым лучом будущей победы прогрессивного человечества над фашистской тиранией. Из борьбы масс за освобождение антифашистов, из кампании международной демократической общественности вызревал главный урок на будущее: необходимо объединение усилий рабочего класса, всех трудящихся, всех демократических и прогрессивных движений против сил реакции, фашизма и войны. Борьба вокруг Лейпцигского процесса, за спасение Димитрова и его товарищей, мужественная борьба самого Димитрова против фашизма, отделенные почти 80-летним временным расстоянием от наших дней, остались яркой страницей истории антифашизма.

Литература

1. *Димитров Г.* О своей борьбе на Лейпцигском процессе (Ответы на вопросы Исполкома МОПРа // Георгий Димитров. Избранные произведения: В 3-х тт. Т. 2. Май 1934 – август 1934 гг. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 19–39.
2. Процесс о поджоге рейхстага и Г. Димитров. Документы: В 3-х тт. Т. 1. 27 февраля – 20 сентября 1933 года. М.: Изд-во политической литературы, 1981. 637 с.
3. Процесс о поджоге рейхстага и Г. Димитров. Документы. Т. 2. Кн. I. 21 сентября – 22 ноября 1933 года. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 528 с.
4. Процесс о поджоге рейхстага и Г. Димитров. Документы. Т. 2. Кн. II. 23 ноября – 23 декабря 1933 года. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 381 с.
5. *Шириня К.К.* Коминтерн в 1933 году. М.: Экслибрис-пресс, 2006. 519 с.
6. *Goebbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblaettern. Muenchen, 1934. 318 s.

References

1. *Dimitrov G.* O svoej bor'be na Lejpcigskom processe (Otvety' na voprosy' Ispolkoма МОПРа // Georgij Dimitrov. Izbranny'e proizvedeniya: V 3-x tt. T. 2. Maj 1934 – avgust 1934 gg. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1983. S. 19–39.
2. Process o podzhoge rejxstaga i G. Dimitrov. Dokumenty': V 3-x tt. T. 1. 27 fevralya – 20 sentyabrya 1933 goda. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1981. 637 s.
3. Process o podzhoge rejxstaga i G. Dimitrov. Dokumenty'. T. 2. Kn. I. 21 sentyabrya – 22 noyabrya 1933 goda. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1988. 528 s.
4. Process o podzhoge rejxstaga i G. Dimitrov. Dokumenty'. T. 2. Kn. II. 23 noyabrya – 23 dekabrya 1933 goda. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1988. 381 s.
5. *Shirinya K.K.* Komintern v 1933 godu. M.: E'kslibris-press, 2006. 519 s.

K.K. Shirinja

How G. Dimitrov was Rescued from Hitlerite Prison

The article shows the main content of campaign for liberation of G. Dimitrov and his comrades from Hitlerite prison. The author tries to analyze different positions of Hitlerite leadership to the life of G. Dimitrov and his comrades on the basis of archival sources.

Key words: anti-fascistic struggle; Leipzig process.

**М.В. Барабанов,
И.Г. Жиряков**

Круглый стол ПОРП и оппозиция в истории современной Польши: российский взгляд

В статье на основе публикаций российских исследователей истории современной Польши рассматривается политическая и социально-экономическая ситуация в ПНР в конце 80-х годов XX века, проведение круглого стола между властью и оппозицией в 1989 году, открывшего путь для страны к новому политическому строю и плюралистической партийной системе.

Ключевые слова: политический строй; политическая партия; оппозиция; многопартийность; партийная система; круглый стол.

К концу 1980-х гг. кризис социалистических стран Восточной Европы стал всеобщим и приобрел системный характер. Общим для всех стран было стремление ликвидировать монопольную власть правящих партий, установить подлинно демократическую форму правления и на основе широкой демократии обновить социально-экономическую и политическую жизнь общества.

На рубеже 1988–1989 гг. произошли существенные перемены в расстановке политических сил в Польской Народной Республике (ПНР). Политическая система ПНР формально была многопартийной. В течение сорока с лишним лет у власти находилась Польская Объединенная Рабочая партия (ПОРП). Ее политические конкуренты — Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия, по факту являлись партиями-сателлитами.

По мнению исследовательницы О.А. Майоровой, на рубеже 1980–1990-х годов с общественно-политической и психологической точек зрения польские граждане были гораздо больше готовы к преобразованиям в собственной стране, чем некоторые другие народы в соседних социалистических странах [7: с. 47].

Политическая и социально-экономическая ситуация в Польской Народной Республике в конце 80-х годов XX века, проведение круглого стола власти и оппозиции в 1989 году обстоятельно описаны в польской политической и исторической литературе, в обществоведческой литературе других стран.

В настоящей статье раскрывается «российский взгляд» на указанные события, авторское видение описываемых процессов, основанное на исследованиях отечественных ученых.

Надо сразу подчеркнуть, что политическая активность и гражданская зрелость поляков во второй половине 80-х годов достигали высокой отметки, поэтому и строительство плюралистической партийной системы пошло в Польше быстрее, чем в других социалистических странах Восточной Европы.

Строительство плюралистической партийной системы не было непосредственным следствием массового общественного протеста в 1989 г.: в Польше такой протест имел место и раньше — во время событий 1980–1981 гг. Плюралистическая партийная система в Польше явилась результатом договора между реформаторским крылом Польской Объединенной Рабочей партии и умеренной частью политической оппозиции, вышедшей из общественно-политического движения «Солидарность».

Многие зарубежные исследователи подчеркивают, что идея проведения круглого стола между представителями власти и широких сил оппозиции принадлежит «Солидарности» и что эта идея родилась в августе 1988 года [6: с. 25]. Забыв при этом отметить, что «здоровые силы» в самой ПОРП тоже «осознали необходимость политических и экономических реформ» [10: с. 369].

17 сентября 1986 г. министр внутренних дел Ч. Кишак заявил об освобождении из тюрем всех политических заключенных. Польша стала единственной страной Варшавского Договора без политических заключенных.

Руководство ПОРП не возражало против решения Л. Валенсы создать Временный совет «Солидарности»; этот совет функционировал открыто, хотя и был незаконной структурой. 6 декабря 1986 г. при председателе Государственного совета В. Ярузельском был создан Консультативный совет. Среди 56 его членов три четверти составляли беспартийные, в том числе «народовец» М. Гертых, защитник деятелей оппозиции в политических процессах В. Сила-Новицкий, главный редактор журнала «Республика», вышедшего в подполье, М. Круль и др. В рамках Консультативного совета происходил свободный обмен мнениями по актуальным проблемам страны. Стенограммы обсуждений публиковались без вмешательства цензуры¹.

В течение 1987 года разные группы оппозиции выходили из подполья, легализуясь де-факто и создавая различные клубы, организации, журналы и др. В апреле состоялось первое публичное заседание правого Клуба политической мысли «Дзекания».

С 1 января 1988 года власти прекратили глушение передач иностранных радиостанций на польском языке.

Среди оппозиционных политических сил в Польше, конечно, доминирующей была «Солидарность». В это время уже практически на всех крупных предприятиях открыто действовали ее комиссии.

¹ Бухарин Н. Внутренние факторы польской революции 1989 г.// Международный исторический журнал — электронное ежемесячное издание. 2000. № 7. URL://history.machaon.ru.

Еще в октябре 1987 года были распущены все прежние руководящие органы «Солидарности» и создана единая, функционирующая открыто Всепольская исполнительная комиссия. Этап подпольной деятельности фактически завершился.

В 1987–1988 гг. Комиссия по вопросам реформы государства, созданная руководством ПОРП, подготовила проект коренных политических реформ. Он предусматривал введение политического плюрализма, включение оппозиции во властные механизмы, установление парламентской демократии.

Путь к круглому столу, к политическому и профсоюзному плюрализму открыли решения ЦК ПОРП. Председатель Совета министров ПНР Мечислав Раковский говорил, что полякам нужен не круглый стол как место для переговоров власти и оппозиции, а стол, полный еды. Но и он понимал, что это связанные вещи. Власть сама пошла навстречу оппозиции, и решение об учреждении круглого стола было принято в январе 1989 года на X пленуме ПОРП. Пленум в своем решении высказался за включение в политическую систему конструктивной оппозиции. Готовилась к диалогу и оппозиция. В декабре 1988 года при председателе «Солидарности» был создан Гражданский комитет из 135 человек, который занялся подготовкой к круглому столу.

Круглый стол состоялся 6 февраля – 5 апреля 1989 г. Л. Валенса четко обозначил перед представителями власти позицию «Солидарности»: «Мы не дадим поглотить себя старой сталинской системе... при этом мы не хотим принимать власть. У вас прекрасные шансы на будущее. Если кто-нибудь понимает, что происходит, то вы будете долго осуществлять власть, но уже как новая плюралистичная организация — и экономическая и политическая».

Представители «Солидарности» на первом заседании круглого стола поставили ряд интересовавших их вопросов. Видный оппозиционный политик и сопредседатель секции круглого стола по делам политической реформы Бронислав Геремек недоумевал по поводу системы распределения по округам 35 % мандатов, по которым должны были проходить свободные выборы (на момент заседания комиссии в этом распределении были заметные диспропорции). Б. Геремеком поднимались и некоторые другие вопросы, связанные с выборами, а также вопрос о надзоре будущего президента за работой местных народных советов. Т. Мазовецкий интересовался проблемами с регистрацией Независимого студенческого объединения.

Можно заметить, вопросы, которые ставили на комиссии оппозиционеры, не были принципиальными. Такие проблемы, как распределение мандатов по воеводствам, судя по всему, имели технический характер и рассматривались именно в качестве таковых. Оппозиционеры сочли нецелесообразным вести с властями «жесткий» диалог в условиях приближающихся выборов.

По мнению некоторых польских авторов, круглый стол в действительности был «театром, разыгрываемым для общественности», ключевые решения были приняты в гораздо более узком кругу лиц. Решающая роль, по их мнению, принадлежала В. Ярузельскому, Б. Геремеку, А. Михнику, Я. Куроню, Т. Мазовецкому.

Так или иначе, в результате работы круглого стола появился документ под названием «Позиция по вопросу политических реформ», где отмечалось, что общей целью правящей коалиции и протестного движения объявлялась «независимая, суверенная, безопасная... демократическая и сильная в экономическом отношении Польша» [5: с. 110–123].

Соглашение гарантировало «политический плюрализм, выражающийся в основном правом свободно собираться», и участием оппозиции в политической жизни¹.

Будущая политическая система предполагала в своей основе следующие принципы: политический плюрализм, свобода слова, демократический порядок формирования всех правительственных органов государственной власти, независимость судов, сильное, обладающее полнотой прав и свободно избранное территориальное самоуправление. «Эти принципы, как записано в документе, должны были определить дальнейшую политическую эволюцию» [3: с. 7].

Ближайшими реформами объявлялись: реализация принципа профсоюзного и общественного плюрализма (прежде всего новая регистрация Верховным судом «Солидарности»), признание права политической оппозиции на легальную деятельность, новый закон об общественных объединениях, начало реформы права и судебной системы, расширение свободы слова, а также существенная демократизация принципов выбора представительных органов.

Основой демократизации структур на всех уровнях государства объявлялось реальное разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную [9: с. 30].

Итогом переговоров партийно-правительственной коалиции ПНР и антикоммунистической оппозиции стал сценарий, предполагавший проведение многопартийных выборов, в которых планировалось участие на конкурентной основе свободно созданных политических движений и партий.

Соглашениями предусматривалось участие оппозиции в выборах в Сейм. Правда, оппозиция при любом их исходе не могла получить больше 35 % мандатов. Остальные 65 % мест были гарантированы коалиции, в которую входила ПОРП и ее «союзники» — Объединенная крестьянская партия (ОКП) и Демократическая партия (ДП), признаваемые конституцией ПНР, а также светские католические организации. На 10 % из общего числа выделенных коалиции мест объявлялись выборы по так называемому всепольскому списку, объединявшему лидеров коалиционных партий и представителей светских католических организаций.

Голосование за кандидатов из всепольского списка проходило только в один тур — каждая кандидатура должна была получить большинство голосов избирателей.

Кроме того, учреждалась вторая палата парламента — Сенат, выборы в который объявлялись полностью свободными.

¹ Соглашение круглого стола в Польше // Сайт Демократия.ру. – URL: http://www.democracy.ru/library/foreign/procedures/financing/rus_1994-10/page4.html (дата обращения: 15.05.2012 г.).

Соглашениями предусматривалось также формирование коалиционного правительства во главе с представителем ПОРП. В ПНР вводился институт президента страны, обладающего широкими полномочиями и избираемого большинством голосов на заседании двух палат. Подразумевалось, что этот пост займет В. Ярузельский [7: с. 47–48]. Были согласованы также основные принципы и условия реализации новых решений: политический плюрализм, свобода слова, демократический способ формирования государственной власти, независимость судов, рабочее и территориальное самоуправление.

Таким образом, намечался эволюционный путь изменения политического строя в Польше. В целом принятые постановления означали слом монополярной власти ПОРП и открывали путь к падению старой системы.

А. Михник, оценивая прошедшие события, говорил: «Где был наш невероятный успех? Это был компромисс между реформаторами в партии, которые имели возможность искать компромисс с оппозицией».

Политолог А. Колесников справедливо подчеркивает, что «поляки явили миру удивительный пример технологии национального примирения». Понятно, пишет он, что «официальные власти боялись быть сметенными волной народного гнева, и переговоры были в их интересах. Но и Войцех Ярузельский, и Мечислав Раковский действительно руководствовались прежде всего интересами страны, которой нужно было выходить из системного кризиса. Более того, они, по сути, передали власть оппозиции мирным путем...» [2].

7 апреля 1989 г. Сейм во исполнение решений круглого стола принял новый избирательный закон и изменил Конституцию, вводя пост президента и учредив вторую законодательную палату — Сенат. 20 мая Верховный суд в Варшаве вновь зарегистрировал Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», запрещенный после введения военного положения в декабре 1981 г.

В ходе избирательной кампании он занял наступательную позицию, его активно поддерживала католическая церковь. ПОРП же вела себя пассивно, полагая, что уже и так обеспечила себе относительное большинство в Сейме на основе соглашений круглого стола. Это оказалось, как подчеркивали некоторые исследователи, серьезным не только тактическим, но и стратегическим просчетом [1: с. 40].

Сценарий, разработанный за круглым столом и предполагавший четырехлетний переходный период, был серьезно скорректирован реальными событиями. Выборы в парламент 4 июня 1989 г. привели к поражению и распаду правящей коалиции — ПОРП, ОКП, ДП. Победили кандидаты «Солидарности», они получили все места, за которые боролись: 35 % в Сейме и около 90 % в Сенате [7: с. 48]. Кандидаты от оппозиции получили 12 млн. голосов, в то время как кандидаты правящей коалиции — только 5 млн. [9: с. 31].

Результаты парламентских выборов изменили общественно-политические настроения и ситуацию в стране. Они сыграли роль неформального плебисцита «за или против социализма».

Несмотря на то, что у «Солидарности» в Сейме было только 35 % мест, им все же удалось сформировать правящую коалицию вместе с ДП и ОКП. В решающий момент партии, не так давно подчинявшиеся ПОРП, перешли на противоположную сторону. Фактически ПОРП контролировала даже меньше, чем оставшиеся за ней 38 % мест, так как некоторое число депутатов втайне симпатизировали «Солидарности».

Секрет успешной деятельности польской оппозиции заключался в общественно значимом характере ее предложений, идей, требований. По целому комплексу проблем, волновавших польское общество, — политических, идеологических, социально-экономических, исторических, одним словом, везде, где политика ПОРП не отвечала широким общественным интересам, — польская оппозиция предлагала свое видение ситуации, создавала идейную альтернативу, пишет исследователь К.В. Троценков. В этом отношении еще задолго до формирования правительства Т. Мазовецкого можно было говорить, утверждает упомянутый автор, о победе оппозиции, которую она одержала в борьбе за признание общества [8: с. 27].

23 августа 1989 г. было создано первое некоммунистическое правительство Т. Мазовецкого, лидера католической фракции «Солидарности». Руководство ПОРП призвало своих членов, работающих в государственных органах, проявлять лояльность к новому премьеру страны [9: с. 31].

19 июня 1989 г. президентом Польши был избран В. Ярузельский.

Соглашение «ваш президент, наш премьер» продержалось только до декабря 1990 г., когда состоялись всеобщие президентские выборы, на которых победил Лех Валенса.

ПОРП после выборов начала рассыпаться и в 1990 году была распущена. Из ее остатков было образовано несколько партий левой ориентации. Как считал лидер будущей партии СДРП А. Квасьневский, ПОРП уходила «вместе с эпохой, сыграв свою историческую роль, как и вся система. Таков был приговор истории, сорок лет и хватит. Люди хотели нового, люди устали и от системы, и от ее кадров и структур...» [4: с. 4].

Таким образом, проведение круглого стола между руководством ПОРП и оппозиции в 1989 году, его последствия сыграли огромную роль в жизни Польши: по существу, в ПНР произошла мирная смена политического строя; в стране стала реально функционировать многопартийная система.

Литература

1. Бухарин Н.И., Синицина И.С., Чудакова Н.А. Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 38–57.
2. Колесников А. Выход для власти: круглый стол с оппозицией // Новая газета. 2011. 14 декабря.
3. Коровицина В. С Россией и без неё. Восточноевропейский путь развития. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003. 288 с.

4. *Лыкошина Л.С.* Левый выбор Польши и перспективы социал-демократии. М.: ИНИОН РАН, 2001. 67 с.
5. *Лыкошина Л.С.* Политическая элита Польши в условиях общественной трансформации // Политическая наука: Элиты в сравнительно-исторической перспективе. 1998. № 4. С. 110–123.
6. *Майорова О.Н.* Польша 80-х годов: поиск пути к компромиссу. // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие М.: Наука, 2001. С. 99–113.
7. *Майорова О.А.* Эволюция партийной системы в постсоциалистической Польше // Славяноведение. 2004. № 3. С. 47–58.
8. *Троценков К.В.* Внешнеполитические программы и международные связи политической оппозиции в ПНР в 1976–1989 гг.: автореф. ... канд. историч. наук. Калининград, 2004. 25 с.
9. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 тт. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1. М.: Наука, 2002. 461 с.
10. *Яжборовская И.С.* Метаморфозы левых сил в Центральной и Юго-Восточной Европе // Левые в Европе XX века: люди и идеи / Под ред. Н.П. Комоловой и В.В. Дамье. М.: РАН, Ин-т всеобщей истории, 2001. С. 351–397.

References

1. *Buxarin N.I., Sinicina I.S., Chudakova N.A.* Pol'sha: desyat' let po puti reform // Novaya i novejschaya istoriya. 2000. № 4. S. 38–57.
2. *Kolesnikov A.* Vy'ход dlya vlasti: krugly'j stol s oppoziciej // Novaya gazeta. 2011. 14 dekabrya.
3. *Korovicina V.* S Rossiej i bez neyo. Vostochnoevropskij put' razvitiya. М.: Е'КСМО-Алгоритм, 2003. 288 с.
4. *Ly'koshina L.S.* Levy'j vy'bor Pol'shi i perspektivy' social-demokratii. М.: ИНИОН РАН, 2001. 67 с.
5. *Ly'koshina L.S.* Politicheskaya e'lita Pol'shi v usloviyax obshhestvennoj transformacii // Politicheskaya nauka: E'lity' v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive. 1998. № 4. S. 110–123.
6. *Majorova O.N.* Pol'sha 80-x godov: poisk puti k kompromissu // Revolucii 1989 goda v stranax Central'noj (Vostochnoj) Evropy'. Vzglyad cherez desyatiletie. М.: Nauka, 2001. S. 99–113.
7. *Majorova O.A.* E'voljuciya partijnoj sistemy' v postsocialisticheskoy Pol'she // Slavyanovedenie. 2004. № 3. S. 47–58.
8. *Troshhenkov K.V.* Vneshnepoliticheskie programmy' i mezhdunarodny'e svyazi politicheskoy oppozicii v PNR v 1976–1989 gg.: avtoref. ... kand. istorich. nauk. Kalinin-grad, 2004. 25 s.
9. Central'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka: V 3 tt. T. 3. Transformacii 90-x godov. Ch. 1. М.: Nauka, 2002. 461 s.
10. *Yazhborovskaya I.S.* Metamorfozy' levy'x sil v Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evrope // Levy'e v Evrope XX veka: lyudi i idei / Pod red. N.P. Komolovoj i V.V. Dam'e. М.: РАН. In-t vseobshhej istorii, 2001. S. 351–397.

*M.V. Barabanov,
I.G. Zhiryakov*

**The Round Table of Polish United Workers' Party (PORP)
and Opposition in History of Modern Poland:
Russian View**

In the article on the basis of publications of Russian researchers of modern Poland is considered the political and socio-economic situation in the People's Republic of Poland in the late 80's of the XXth century. Holding the "round table" between the government and the opposition in 1989, which opened the way for the country to a new political order and pluralist party system.

Key words: political system; political party; the opposition; multi-party system; the party system; a round table.

Е.Н. Пашенцев

Стратегическая коммуникация США: Проблемы нарастают

Несмотря на заметный экономический, политический и моральный упадок США, эта страна продолжает играть роль ведущей силы в мировой экономике и международных отношениях и стремится не допустить дальнейшего ослабления своей мощи. Важное место отводится при этом стратегической коммуникации. Автор статьи, опираясь на методы компаративного анализа, ставит задачей проследить роль и эффективность стратегических коммуникаций Соединенных Штатов в отстаивании своих геополитических интересов.

Ключевые слова: Стратегические коммуникации; США; информационное противоборство; общественная дипломатия; связи с общественностью.

Термин «стратегическая коммуникация» (далее СК) или, что в настоящей статье равнозначно, «стратегические коммуникации», получил распространение прежде всего в США, как в научных кругах, так и в политике, военном деле, бизнесе. С начала XXI в. в этой стране имело место много попыток дать разностороннюю и системную оценку значимости стратегических коммуникаций во внешней политике и обеспечении национальной безопасности страны. Здесь можно сослаться как на соответствующие научные исследования [2, 6, 9, 10, 11, 16, 19, 20, 21, 27, 30], материалы научных конференций [13: р. 31]¹, так и на большой пласт документов Министерства обороны, Государственного департамента и др. государственных структур США [8, 12, 18, 23, 25, 26, 34, 35 и т. п.].

Не желая утомлять читателя дискуссиями о сути и роли СК во внешней политике, приведу определение стратегических коммуникаций из доклада Белого Дома Конгрессу США от 16 марта 2010 г. «Национальные рамки стратегической коммуникации» (National Framework for Strategic Communication), поскольку данный документ отражает последний на сегодняшний день официальный подход к пониманию этой проблемы на президентском уровне, а потому оказывает непосредственное воздействие на внешние стратегические коммуникации США.

¹ Ранее, летом 2007 г., более двухсот практиков и исследователей академического профиля в области стратегических коммуникаций встретились в Национальном военном Колледже США на первом ежегодном семинаре по стратегической коммуникации. Семинар прошел по правилу Чатэм-Хаус, защищая анонимность и предоставляя возможность для полного и открытого обсуждения вопросов семинара. См.: *Murphy D.M. The Trouble with Strategic Communication(s) // IO Sphere. Winter. 2008. С. 24.*

«За последние несколько лет термин «стратегическая коммуникация» стал пользоваться растущей популярностью. Однако различное использование термина... привело к существенному беспорядку. В результате мы полагаем, что необходимо начать этот доклад с разъяснения того, что мы подразумеваем под стратегической коммуникацией. К «стратегической коммуникации (-ям)» мы относим: (а) синхронизацию слов и дел и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями, равно как и (б) программы и действия, сознательно нацеленные на общение и привлечение целевых аудиторий, включая и осуществляемые посредством связей с общественностью, общественной дипломатией и информационными операциями» [18: р. 2].

В этом определении делается вполне уместный упор на необходимости синхронизации слов и дел, поскольку опыт первого десятилетия XXI в. дал в лице администрации Дж. Буша не самый лучший пример такой синхронизации в истории США и, пожалуй, один из самых худших вариантов восприятия слов и дел Соединенных Штатов на международной арене даже их ближайшими союзниками.

Все три основные части СК (связи с общественностью, общественная дипломатия и информационные операции) взаимосвязаны друг с другом, однако имеют свои особенности. В Соединенных Штатах существует давняя традиция влияния на народы других стран посредством общественной дипломатии. Общественная дипломатия дает ценное дополнение к межгосударственной дипломатии, в которой преобладает официальное взаимодействие профессиональных дипломатов. В отличие от связей с общественностью, нацеленных преимущественно на информирование и влияние на население и СМИ США, общественная дипломатия включает усилия по прямому взаимодействию с гражданами, общественными деятелями, журналистами и другими лидерами общественного мнения за пределами страны. Общественная дипломатия призвана оказать влияние на отношение к политике и национальным интересам США, побуждать к действиям в их поддержку [17: р. 1].

В Объединенной доктрине информационных операций объединенных начальников штабов (февраль 2006 г.) дается следующее определение информационных операций: «Информационные операции (ИО) являются неотъемлемой частью успешного выполнения военных операций. Главная цель ИО состоит в том, чтобы достигнуть и поддержать информационное превосходство США и его союзников. Информационное превосходство обеспечивает объединенные силы конкурентоспособным преимуществом только тогда, когда это эффективно проявляется в соответствующих решениях. ИО представляют собой интегрированное использование радиоэлектронной войны, компьютерных сетевых операций, психологических операций¹, военного обмана и оперативной безопасности,

¹ В июне 2010 г. взамен дискредитированного еще в период «холодной войны» термина «психологические операции» Министерство обороны перешло к использованию термина «операции военно-информационной поддержки» («Military Information Support Operations», или MISO) [13].

включая их сопутствующие и прикладные аспекты, с целью повлиять, разрушить, испортить или перехватить процесс человеческого или автоматизированного принятия решения противником, защищая наш собственный» [32: р. I–1].

Нетрудно заметить, что во внешнеполитической сфере СК представляют собой синхронизацию воздействия «словом и делом» на друзей и союзников и разнообразный спектр использования коммуникаций в рамках информационного противоборства. Однако отделить одно от другого на деле становится крайне сложно по следующим причинам:

- В современной международной практике нет друзей, есть интересы правящих элит (весьма разноречивые) и сопутствующие краткосрочные или долгосрочные союзники (противники) в их достижении. Поэтому против дружественной США Франции, которая в 2003 г. в ООН выступила против американского военного решения для Ирака, была развязана широкомасштабная информационная кампания в американских СМИ [15].

- В современном мире, отмечают специалисты, границы между войной и миром, военными и гражданскими системами и пространствами, равно между формированием и влиянием/манипулированием все более размыты. Эти изменения закономерно ставят вопрос о новых способах защиты общества [5: р. 641–642; 4: р. 97–102]. Распространение поля боя на человеческое сознание имело место и раньше. Однако профессиональное ведение боя в сознании и подсознании людей, с использованием сложных методов коммуникационного воздействия на глобальном уровне с массовым погружением все большей части человечества в виртуальный мир Интернета, социальных сетей позволяет, на наш взгляд, развить новые виды информационного воздействия и информационного оружия.

Для осуществления стратегической коммуникации в мире США располагают целым рядом конкурентных преимуществ. Среди них выделим:

- Сохраняющееся экономическое, военное и научное преобладание США в современном мире (хотя оно все быстрее исчезает).

- Глобальную систему подконтрольных военно-политических и экономических союзов, транснациональных институтов.

- Преобладание в сфере массовой культуры в общественном сознании Земного шара над культурным влиянием других держав.

- Превосходство в глобальных СМИ над любой другой страной мира.

- Превосходство в теоретической и практической разработке национальной концепции стратегических коммуникаций.

Однако все эти преимущества в силу корыстных или ошибочных решений в прошлом и настоящем породили устойчивые и небеспочвенные стереотипы восприятия США как «державы-агрессора», «внешней угрозы», «главной опоры реакционных сил в регионе» в сознании где значительной, а где и преобладающей части населения Земли. Так, по данным международного агентства по изучению общественного мнения «Zogby International», еще в 2002 г. в Египте, Саудовской Аравии, Кувейте и Ливане воспринимало США благожелательно от 4–9 % насе-

ления этих стран, а негативно — 86–88 % [1: р. 104]. Доверие к США после войн в Ираке, Афганистане и Сирии еще больше упало среди арабов и в мире в целом. Даже в близлежащем латиноамериканском регионе, со времен Доктрины Монро рассматриваемом правящей элитой США в качестве зоны своих жизненных интересов, ситуация складывается для них удручающим образом. Если согласно отчету, подготовленному по заказу влиятельного Совета по международным отношениям¹, в 2002 г. 82 % венесуэльцев, 34 % аргентинцев и 51 % боливийцев воспринимали США положительно, то уже в 2007 г. эти показатели упали до 56, 16 и 43 % соответственно [34: р. 7]. Другие исследования дают более отрицательные для США результаты.

Системные, повторяющиеся и часто дорогостоящие попытки коммуникационного прикрытия сомнительных или неблагоприятных дел привели и в еще большей мере могут привести к стратегическим издержкам и падению доверия к США. Постепенное накапливание подобных издержек может иметь кумулятивный эффект и представляет гораздо большую угрозу для национальной безопасности этой страны, ее экономических позиций в мире, чем сомнительные тактические успехи. К тому же уровень как положительных, так и отрицательных ожиданий для мирового лидера завышен, «медиа-освещенность» почти неизбежно глобальна. В случае даже отдельных очевидных неудач сторонники США будут излишне разочарованы (деморализованы, агрессивны и т. п., по обстоятельствам), противники же преисполнены энтузиазма (притом, возможно, не только локально, но и глобально). Предстоит болезненный, трудный, постепенный переход к адекватным делам и соответствующим словам. В противном случае неизбежно крайне опасное для всего мира ухудшение международной обстановки, что уже наблюдается почти повсеместно.

Следует считаться и с тем, что последний мировой экономический кризис, который еще далеко не преодолен, а уже дает веские основания для гораздо более масштабного кризиса, имеет американские корни и является объективным долговременным посланием США населению Земного шара. «Что особенного в этом кризисе по сравнению с теми, которые предшествовали ему в течение последней четверти века, так это то, что кризис родился с клеймом “сделано в США”, и в то время как предыдущие кризисы были остановлены, этот кризис получил быстрое распространение во всем мире», — подчеркивает нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц [29: р. 1].

Отметим и некоторые связанные с развитием стратегической коммуникации в США особенности. Концепция и само понимание, а также практическая организация стратегических коммуникаций здесь не в полной мере соответствуют

¹ Совет по международным отношениям (The Council on Foreign Relations, CFR) был основан в США в 1921 г. и строится на беспартийной основе как интеллектуальный и издательский центр. Он насчитывает более 4300 членов, включая высших правительственных чиновников, лидеров бизнес-сообщества, известных ученых, признанных журналистов, видных юристов и других выдающихся представителей некоммерческого сектора.

объективным потребностям и возможностям страны и явно отстают от требований времени (несмотря на опережающее развитие теории и практики СК по сравнению с Россией и Китаем). Даже в таком основополагающем документе, как Доклад Белого Дома по стратегическим коммуникациям от 16 марта 2010 г., содержится немало спорных мест. В самом начале документа утверждается, что это «...доклад о всеобъемлющей межведомственной стратегии в общественной дипломатии и стратегической коммуникации» [18: р. 1], т. е. общее — «стратегическая коммуникация» — идет «на равных» вместе с частным — «общественной дипломатией», что очень спорно с методологической точки зрения и дезориентирует специалистов различных ведомств (ориентирует их согласно правилам чиновничьих игр, а не государственных интересов) и косвенно свидетельствует о межведомственных разногласиях по поводу интерпретации СК, прежде всего между Госдепартаментом и Министерством обороны.

Нельзя проблему стратегической коммуникации оставлять только в сфере административных согласований, пусть и на высшем уровне, когда далеко не разработан их теоретический фундамент, а сама его разработка идет в подавляющем большинстве случаев в ведомственных исследовательских структурах (прежде всего Министерства обороны и Госдепартамента), а значит, в рамках соответствующих ведомственных интересов. В частных же университетах просто нет возможности в полной мере аккумулировать опыт (во многом закрытый) стратегических коммуникаций Министерства обороны, ЦРУ и других ведомств, ответственных за безопасность страны, да и наработки Госдепартамента также по очевидным причинам не всегда предаются гласности.

В то же время сохраняющееся по сей день доминирование военных структур в разработке концепции и стратегии СК накладывает деформирующий отпечаток на стратегическую коммуникацию США в условиях мирного времени, нередко придавая им излишне «милитаризированный» характер, что существенно снижает их общий эффект.

Госдепартамент же тяготеет к различным формам пропаганды, даже если для этого и используются более благозвучные термины. Соответственно поэтому невозможно разрабатывать эффективную концепцию и стратегию СК, опираясь только на ведомственные структуры, независимые университетские центры, межведомственные процедуры согласования, необходим как минимум крупный межведомственный научно-аналитический центр по стратегической коммуникации с соответствующим уровнем и характером подчинения, уровнем доступа сотрудников к стратегической информации и т. д. Пока понимания этого в высших эшелонах власти нет, а значит, и кардинальные изменения в эффективности СК маловероятны. Достаточно очевидные ошибки США в планировании и осуществлении стратегической коммуникации должны учитывать и другие страны, включая Россию.

Следует отметить, что в принимаемых на высшем уровне документах отсутствует сама идея стратегической коммуникации как важнейшего инстру-

мента управления (а не только воздействия, влияния). Исключением являются хорошо проработанные схемы и методы и соответствующие средства перехвата управления над автоматизированными системами вероятного противника.

Между тем управление посредством коммуникаций, или коммуникационный менеджмент — важная новая интегративная дисциплина, которая должна, на наш взгляд, являться ядром современной стратегической коммуникации.

Обратим внимание и на общую закономерность развития современного информационного, не лишённого социальных антагонизмов общества: чем дальше от общественных интересов отходит правящая элита, тем более манипулятивна ее стратегическая коммуникация. В отличие от примитивных диктатур, предлагается обширный вариант спин-технологий, набор полуправд, так как откровенная ложь контрпродуктивна. Это давало определенные дивиденды в условиях клонящейся к упадку советской бюрократической системы и достаточно динамичного развития США. В условиях же затяжного кризиса, усиления внешней и внутренней конкурентной среды происходит закономерный кризис, по сути, старой пропагандистской машины, который является отражением и одновременно составной частью кризиса социальной и политической системы. Вне его преодоления попытки радикально повысить эффективность стратегической коммуникации обречены на провал.

Таким образом, стратегическая коммуникация США остается в целом затратным, но пока малоэффективным средством защиты интересов американских корпораций в мире. Следование стратегической коммуникации за узкоутилитарными краткосрочными интересами североамериканских компаний закономерно явилось одним из главных факторов падения влияния этой страны. Сам характер и методы стратегической коммуникации во многом устарели, положение лишь отчасти «спасает» относительная (но преходящая) слабость других геостратегических центров, что дает основания судить о возможности дальнейшего ухудшения имиджевых и репутационных характеристик США, ограничения возможностей для политического и экономического маневра в отношениях с другими государствами.

Литература

1. *Arquilla J., Borer D.A.* Information Strategy and Warfare. A Guide to Theory and Practice. New York – London: Routledge, 2007. 248 p.
2. *Abraham A. J.* The Strategic Communications Process — How to Get Our Message Out More Effectively. Washington: National Defense University, National War College Paper, 2004. 244 p.
3. *Armistead E.* Information Operations: The Hard Reality of Soft Power. Washington: National Defense University, 2004. 240 p.
4. *Arpagian N.* Internet et les reseaux sociaux: outils de contestations et vecteur d'influence. // La Revue Internationale et strategique. 2010. №78. P. 97— 102.
5. *Brunner E.M., Cavelti M.D.* The Formation of Information by the US Military: Articulation and Enactment of Information Threat Imaginaries on the Immaterial Battlefield of Perception // Cambridge Review of International Affairs. 2009. December. P. 629–646.

6. *Corman S.R., Trethewey A., Goodall H.L.* Weapons of Mass Persuasion: Strategic Communication to Combat Violent Extremism (Frontiers in Political Communication). Peter Lang Publishing, 2008. 224 p.
7. *Crandal C.R.* The United States and Latin America after the cold war. New York: Cambridge University Press, 2008. 305 p.
8. Deputy Secretary of Defense. Memorandum for Secretaries of the Military Departments. Subject: 2006 Quadrennial Defense Review (QDR) Strategic Communication (SC). Execution Roadmap. 1010 Defense Pentagon. Washington, DC. 20301-1010. September 25, 2006.
9. *Ecklund M.V.* Strategic Communications: How to Make it Work? // IO Sphere. 2005. Fall. P. 5–10.
10. *Fisher A., Lucas S., James G.* Trials of Engagement— The Future of US Public Diplomacy. Leiden – Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. 312 p.
11. *Haddock E.K.* Winning with Words: Strategic Communications and the War on Terrorism. Washington: National Defense University, National War College Paper, 2002. P. 5–10.
12. Handbook for Strategic Communication and Communication Strategy. Version 3.0. Unites States Joint Forces Command, Warfighting Center, Suffolk, June 24, 2010. 232 p.
13. International Communication Association (ICA) Conference 2011. Boston, Massachusetts, 2011.
14. *Maurer K.* «Psychological Operations» Are Now «Military Information Support Operations». Associated Press, July 3, 2010. URL://<http://vaticproject.blogspot.com/2010/07/psychological-operations-are-now.html> (дата обращения: 16.05.2012 г.).
15. *Muhammad U.* France 24. The World through French Eyes // Global Media Wars. URL://globalmediawars.com/?page_id=73 (дата обращения: 16.05.2012 г.).
16. *Murphy D.M.* The Trouble with Strategic Communication(s) // IO Sphere, Winter 2008. P. 1–4.
17. *Nakamura K.H., Weed M.C.* U.S. Public Diplomacy: Background and Current Issues. CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. Congressional Research Service, 2009. 65 p.
18. National Framework for Strategic Communication. Washington: White House Strategic Communications Report to Congress. March 17, 2010. 16 p.
19. *O’Hair D., Friedrich G.W., Dixon L.D.* Strategic Communication in Business and the Professions. 7th Edition. My Communication Kit Series: Allyn & Bacon, 2010. 448 p.
20. *Patterson S.J., Radtke J.M.* Strategic Communications for Nonprofit Organization: Seven Steps to Creating a Successful Plan. 2nd Edition. Wiley, 2009. 274 p.
21. *Paul Ch.* Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates. Santa Barbara: Praeger, 2011. 240 p.
22. President Obama Speaks in Santiago, Chile on Relations with Latin America. The White House. Office of the Press Secretary. March 21, 2011. Embassy of the Unites States, Santiago, Chile. Retrieved August 14, 2011. URL://chile.usembassy.gov/2011march-obamavisit.html (дата обращения: 16.05.2012 г.).
23. Public Diplomacy: Strengthening U.S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century. — Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs, 26.02.2010. URL://chile.usembassy.gov/2011march-obamavisit.html (дата обращения: 16.05.2012 г.).
24. *Ramsfeld D.* Ministerial of the Americas. November 17, 2004. Retrieved April 14, 2011 // Defense Secretary. URL://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=2175 (дата обращения: 16.05.2012 г.).

25. Report of the Defense Science Board Task Force on Strategic Communication. Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics, September 2004. 111 p.
26. Report on Strategic Communication. Department of Defense. December 2009. The Secretary of Defense, Washington, DC, 20301–1000. Feb. 11, 2010.
27. *Stavridis J.* Strategic Communication and National Security // Joint Force Quarterly, 3rd Quarter, 2007. P. 4–7.
28. *Stephens S.* Why Latin America is disappointed with Barack Obama. January 7, 2010. Retrieved April 14, 2011 // Huffingtonpost. URL://www.huffingtonpost.com/sarah-stephens/why-latin-america-is-disa_b_415341.html (дата обращения: 16.05.2012 г.).
29. *Stiglitz J.E.* Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. 1st Edition. New York – London: W.W. Norton & Company, 2010. 361 p.
30. *Stovichek B.E.* Strategic Communication. A Department of Defense Approach, USAWC Strategy Research Project. Carlisle Barracks, Pennsylvania: U. S. Army War College, 2007. 18 p.
31. Strategic Communication — A Concept at the Center of Applied Communications? // Preconference. № 4. May 26, 2011. 4 p.
32. U.S. Department of Defense. Joint Chiefs of Staff. Joint Publications 3–13, Joint Doctrine for Information Operations. February 2006 // URL://http://www.fas.org/irp/dod-dir/dod/jp3_13.pdf (дата обращения: 16.05.2012 г.).
33. U.S. — Latin America Relations: A New Direction for a New Reality. Washington: Council of Foreign Relations, 2008. 96 p.
34. U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC), June 2007. 34 p.
35. U.S. Senate. Strategic Communication Act of 2008. A Bill to Establish the National Center for Strategic Communication to Advise the President Regarding Public Diplomacy and International Broadcasting to Promote Democracy and Human Rights, and for other Purpose. Congress, 2nd session, September 17, 2008 // URL://http://www.govtrack.us/congress/bills/110/s3546 (дата обращения: 16.05.2012 г.).

E.N. Pashentsev

Strategic Communication of the USA: Problems Accrue

Despite the significant economic, political and moral decay of the USA, this country continues to be the leading force in the world economy and international relations, and trying to prevent further weakening of its power. The author of the article using the methods of comparative analysis tries to track the role and effectiveness of the strategic communications of the USA in the pursuit of its geopolitical interests.

Key words: strategic communication; the USA; information warfare; public diplomacy; public affairs.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

Е.Е. Кувшинова

Методика исторического исследования центра Москвы

Статья посвящена методике исторического исследования центральных районов Москвы, направленного на получение информации о культурно-исторической среде в целом и значимости отдельных архитектурных объектов. Определены общие принципы, методы и конкретные приемы работы, расписан ее алгоритм, что позволяет получать исчерпывающую информацию по конкретным московским зданиям и их владельцам. Методика применима в учебной и профессиональной деятельности историков, краеведов и архитекторов.

Ключевые слова: методика; краеведение; история Москвы.

В конце 1980-х гг. в России начинает складываться новая форма сохранения культурного наследия, получившая известность как уникальная историческая территория (УИТ). Работа с культурным наследием предполагает всестороннее выявление и учет всей совокупности памятников, а также зонирование территории с целью выделения регионов историко-культурной специализации. В типологии УИТ выделены малые исторические города и исторические центры больших городов. В больших городах с серьезным многовековым наследием для реализации первого этапа работы по УИТ применима предлагаемая методика. Она строится на принципах системности и историзма. В соответствии с этими требованиями в исследовании применяется метод возвратного анализа, рассматриваются предпосылки возникновения явлений, анализируются качественные изменения в структуре и элементах системы, выделяются фазы развития. При осуществлении исследования применяется прием от общего к частному, в соответствии с этим его структура состоит из трех частей:

- 1 часть. Истории развития района.
- 2 часть. Истории развития квартала.
- 3 часть. Истории развития домовладения.

Для исторических районов и кварталов старой Москвы применение подобной методики исследования видится наиболее обоснованным и последо-

вательным, позволяющим получить практически исчерпывающую информацию по интересующему району и домовладению.

Для первой части работы привлекается большое количество опубликованных исследований, построенных на группах разноплановых источников — археологических, лингвистических, документальных. Подразумевается, что систематизация и анализ этих источниковых групп уже сделан специалистами: археологами, составившими археологические карты, лингвистами, проинтерпретировавшими топонимы, историками города, проанализировавшими архивные материалы по временным срезам, архитекторами.

Какие работы могут вызвать наибольшее доверие? Определенно — построенные на источниках, неважно, современные это работы или работы середины прошлого столетия. В них должны быть определены градоформирующие факторы: точки роста городской территории и основные векторы ее развития, выявлены причины, вызвавшие это развитие, и причины, его остановившие. Одним из важнейших факторов развития территорий обычно является их расположение на торговых путях, т. е. на конкретной дороге, ставшей оживленной артерией в связи с определенным политическим и экономическим фоном эпохи. Источником развития территорий может стать и искусственно созданное поселение или предприятие — монастырь, слобода, мануфактура. В нижеперечисленных работах дается анализ причин роста города от центра к периферии по главным лучевым направлениям развития с учетом основных закономерностей [1; 2; 4; 6; 7; 8; 10].

Кроме упомянутых работ, существует безбрежное море исследований в формате статей разных лет по локальным территориям и периодам, а также путеводителей. Данные источники информации могут и должны быть учтены при выполнении первой ступени историко-краеведческого исследования территории. Из-за бессмысленности попытки перечисления всех изданий дается ссылка на путеводитель Ю. Александрова, содержащий обзор наиболее ценных исторических путеводителей [1]. Существуют серьезные основания к изучению материалов путеводителей различных эпох и привлечению их для извлечения общей информации и выявления особенностей описательных статей.

Первый этап работы невозможен без карт и городских схем. Обращение к картам на данном этапе носит вспомогательный справочный характер, но позволяет идентифицировать изучаемый объект и уточнять его положение на местности. При работе с картами и планами XVII–XX вв. проводится их сравнительный анализ (Карты и планы Москвы. URL: <http://retromap.ru>; <http://etomesto.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.)).

Выявление, сбор и систематизация информации — наиболее трудоемкий процесс начального этапа работы. Собранный и систематизированный материал достаточно быстро и без существенных трудностей описывается в хронологической последовательности развивающемся рассказе, оформляемом в виде исторической справки. Таким образом, наблюдение и последующее описание применяются как один из основных приемов исследования.

Следующее замечание касается границ исследования — хронологических и территориальных. Хронологические рамки достаточно просты и традиционны: от первого шага человека на данной земле до современности. С территориальными границами нет этой жесткой определенности, здесь нужен более гибкий подход, подразумевающий чуткое реагирование на проявление одних и тех же закономерностей развития на смежных территориях, что показывает их родственность и объединяет в единую историческую местность. В плотной городской застройке Москвы задача определения естественных границ исторического района является сложной и для ее облегчения можно пользоваться искусственным районированием в соответствии с современным административно-территориальным делением города.

Второй этап в исследовании касается истории развития квартала и связан с более глубокими изысканиями в исторических картах Москвы, особенно нумерационных (Карты и планы Москвы. URL: <http://retromap.ru>; <http://etomesto.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.), а также в адресно-справочных книгах рубежа XIX–XX вв. «Вся Москва» и подобных ей адресных справочниках («Вся Москва»). Адресно-справочная книга г. Москвы на 1914 год. Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://www.bibliofika.ru> (дата обращения: 1.03.2012 г.)). Второй этап более специфичен, требует профессиональных знаний и предполагает постепенное приближение исследователя к объекту своего интереса — конкретному памятнику или обычному домовладению без определенного статуса. Исследователя должна интересовать любая информация о развитии квартала, связанная с изменением его границ и очертаний, а также со сменой застройки и хозяев домовладений.

Городским кварталом называется часть городской территории, занятая домовладениями и заключенная между ближайшими проезжими частями — улицами и переулками. Историческая застройка Москвы не была сплошной. Здания не соприкасались торцами, а стояли в домовладениях свободно, как правило, по центру, в обрамлении флигелей, хозяйственных построек и садов. Отсюда пошла присказка: «Москва — большая деревня». На территории одного домовладения находилось приблизительно статистически 11–13 неравнозначных построек. Строительная деятельность всех социальных страт в Москве была необыкновенно бурной — в домовладениях постоянно что-то строилось, а каждые 40–50 лет, в связи со сменой владельцев, кардинально перестраивалось, что находило отражение в отчетной строительной документации, отложившейся в архивах, в городских планах и адресно-справочных книгах.

Итак, что же следует искать? Прежде всего нужно обратить внимание на наличие в квартале государственных учреждений, церквей и зданий общественного назначения. Храмы, церкви и здания церковного причта бывают зафиксированы на всех дореволюционных планах. История их строительства отражена в издании П.Г. Паламарчука [9]. Необыкновенно интересен в плане церковных построек архивный фонд Центрального исторического ар-

хива Москвы № 2134, так называемая коллекция Н. Тихомирова, содержащая четкие и точные копии планов церквей с прилегающей местностью (ЦИАМ. Ф. 2134. Копии планов церквей и монастырей и выписки из архивных дел по истории их основания и постройки, собранные Н. Тихомировым).

Затем следует обратить внимание на рядовую застройку квартала и описать сколько всего владений в квартале, кому они принадлежали, каков социальный статус владельцев. Домовладения располагались, как правило, в два ряда вытянутыми длинными полосками, похожими на нумерованные деревенские участки земли, находящиеся в государственной, частной или ведомственной собственности. Въездные ворота на участки направлены в стороны проезжих частей таким образом, чтобы все участки имели зоны свободного выезда и располагались в два ряда, соприкасаясь тремя смежными сторонами.

Разумно начать работу с доступных источников — в первую очередь с опубликованных исторических карт и планов (Карты и планы Москвы. URL: <http://retromap.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.); URL: <http://etomesto.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.)). Они позволяют определить точное местоположение всех участков квартала. Среди огромного объема исторических карт Москвы XVI–XX вв. только несколько представляют большой интерес для детальной работы по городскому кварталу:

1. «Сигизмундов план» 1610 года (по причине четкости и художественной ценности);
2. План 1767 года С.М. Горихвостова (информативен);
3. «Атлас столичного города Москвы» А. Хотева 1852–1853 гг. на 16 листах по полицейским частям и план Н. Белоусова 1868 года в однолистовом формате или в крупноформатном альбоме;
4. План 1903 года — приложение к адресно-справочной книге «Вся Москва».

Последние два плана (пункты 3, 4) являются нумерационными, т. е. домовладения в них пронумерованы в соответствии с принятой в Москве сквозной нумерацией каждой полицейской части города по дореволюционному административно-территориальному делению Москвы.

Первые трехзначные номера домовладений на городских планах можно встретить в «Атласе» Хотева. А в плане 1903 года наблюдается уже простая дробь, где трехзначный номер из «Атласа» Хотева находится под трехзначным номером новой нумерации, сменившей прежнюю. Оба номера будут нужны для заказа дел в архиве — они соответствуют номерам единиц хранения: если дело содержит документы первой половины XIX века, то в требовании записывается более старый номер из «Атласа», если второй половины XIX – начала XX века, то верхний, более свежий номер. Сквозная нумерация по полицейским частям была заменена в Москве после 1903 года на нечетную и четную нумерацию каждой отдельной улицы, более привычную для современного восприятия.

Полученные после изучения планов номера владений следует тщательно сверить с адресно-справочной книгой «Вся Москва» любого года издания, приветствуется сравнительный анализ издания разных лет. «Вся Москва» выпускалась издательством А.С. Суворина в 1894–1917 годах и являлась продолжением менее информативного «Адрес-календаря Москвы».

Книга содержит: списки состава правительственных, общественных и частных учреждений Москвы; перечни фабрик, заводов, торговых фирм с указанием владельцев; алфавитные списки и адреса жителей, а также врачей, архитекторов, художников и др. Дореволюционные издания справочника дают почти исчерпывающие сведения о жителях Москвы, их занятиях и собственности. Не считая перечня учреждений и рекламы, книга состоит из двух больших разделов: списка жителей по алфавиту, а также перечня улиц и переулков по алфавиту. Следует использовать прежде всего алфавитный перечень улиц, а затем, определив владельцев интересующих участков, алфавит жителей, уточняя их социальное положение и наличие собственности в городе. При отсутствии других источников книга вполне способна дать достаточную информацию по территории и населению. С ее изучения начинаются генеалогические исследования в Москве. Книга доступна для чтения в сетевых ресурсах, а неудобство ее большого формата компенсируется простой структурой (Адресно-справочная книга «Вся Москва» на 1901 год. Жители. URL: <http://moskva1901.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 11.03.2012 г.); То же. URL: <http://moskva.rodstvo.ru> (дата обращения: 11.03.2012 г.; Адресно-справочная книга «Вся Москва». Табель домов. URL: <http://moskva1901.narod.ru/1/39.htm> (дата обращения: 11.03.2012 г.)).

При работе с планами, путеводителями и адресными книгами следует учитывать двойную смену названий улиц Москвы. Для перевода названий существуют различные справочники [3; 5].

Третий, завершающий этап работы — исследование домовладения — наиболее увлекателен, поскольку позволяет детально изучить домовладение, историю строительства недвижимого памятника или рядового здания исторической застройки и частично историю семьи домовладельца. При проведении третьего этапа исследования привлекается весь доступный документальный материал. Предполагается, что информация должна быть исчерпывающей. Содержание третьей части работы включает:

1. историю развития домовладения с определением строительных этапов;
2. частично историю домовладельцев;
3. определение современного статуса объекта недвижимости в соответствии с городским реестром памятников.

Работа по владению начинается с уже знакомых нумерационных планов Москвы — «Атласа» Хотева и плана 1903 года. Определяются первый, второй и третий, последовательно сменившиеся, номера владения (Карты и планы Москвы. URL: <http://retromap.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.); URL: <http://etomesto.ru> (дата обращения: 2.03.2012 г.)).

Затем эти номера сверяются по адресно-справочной книге «Вся Москва» (Адресно-справочная книга «Вся Москва» на 1901 год. Жители. URL: <http://moskva1901.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 11.03.2012 г.; То же. URL: <http://moskva.rodstvo.ru> (дата обращения: 11.03.2012 г.; То же. Табель домов. URL: <http://moskva1901.narod.ru/1/39.htm> (дата обращения: 11.03.2012 г.)), выпускавшейся в 1894–1917 годах и являвшейся продолжением «Адрес-календаря города Москвы». В 1894 году книга называлась «Адресная и справочная книга города Москвы», с 1905 года «Вся Москва». Если «Адрес-календарь» публиковал выборочные сведения по населению города, то последующие до-революционные издания содержали полные разделы:

1. отдел 1. Учреждения Москвы;
2. отдел 2. Москва торгово-промышленная;
3. отдел 3. Общий алфавитный список жителей города с планом Москвы;
4. отдел 4. Табель домов по улицам, расположенным в алфавитном порядке.

Таким образом, после того как в отделе 4 находится улица и номер нужного домовладения, легко определяется фамилия и инициалы владельца с местом службы и родом его занятий. Дополнительная информация по владельцу находится в отделе 3 (о владениях, расположенных по другим адресам, магазинах и предприятиях, ему принадлежащих). Итак, социальная принадлежность владельца определена, точный адрес есть — пора отправляться в архив.

В Московском городском объединении архивов исследователю в данном случае необходимы фонды Центрального архива научно-технической документации Москвы (ЦАНТДМ), где хранится научно-техническая документация по строительству и реконструкции Москвы. При создании архива в него поступили фонды архива Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры города Москвы Москомархитектуры (ГИНТА) за 1802–1951 гг. и фонд учреждений-разработчиков научно-технической документации Центрального муниципального архива Москвы за 1880–1990 гг.

Шесть фондов бывшего ГИНТА содержат документы за период 1802–1917 гг. Самый значительный из них — фонд 1 — Строительное отделение Московской городской управы (Главное архивное управление города Москвы. Центральный архив научно-технической документации Москвы. Ф. 1. Строительное отделение Московской городской управы. 15332 ед. хр. 1802–1927. URL: <http://www.mosarchiv.mos.ru> (дата обращения: 12.03.2012 г.)). В нем сосредоточены документы по исторической застройке Москвы — 15332 ед. хр. Материалы систематизированы по 16-ти полицейским частям (их расположение надо представлять на карте). Внутри полицейских частей — дела пронумерованы по номерам владений. Все документы, относящиеся к одному владению, сосредоточены в одном деле. В описи фонда дела по частным владениям дореволюционного периода расписаны в соответствии с алфавитным списком улиц согласно справочнику «Вся Москва». Как нам уже известно, в справочнике можно найти нужную улицу, номер дома, фамилию владельца, полицейскую

часть и номер владения, который и является архивным номером единицы хранения (дела). Материалы фонда дают возможность установить даты построек зданий, их первоначальный облик, последующие изменения, автора архитектурного проекта, владельцев домовладений.

В Объединении «Мосгорархив» функционирует также весьма востребованный исследователями Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). В нашем случае интересен его фонд 179, содержащий планы городских строений. Возможности архива можно оценить на сайте (Объединение «Мосгорархив» Центральный исторический архив Москвы. Фонд 179. Московские городские Дума и управа. URL: <http://www.mosarchiv.mos.ru> (дата обращения: 15.03.2012 г.)).

В дальнейшей работе настоятельно рекомендуется пройти по ссылке Москомнаследия, где находится Городской реестр объектов недвижимого культурного наследия города Москвы (Департамент культурного наследия города Москвы URL: http://mkn.com.mos.ru/index.php?action=show_rubric&id=396 (дата обращения: 15.03.2012 г.)), или по ссылке Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы, где размещен Генеральный план развития Москвы и определен статус застройки (Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы URL: <http://www.mka.mos.ru> (дата обращения: 15.03.2012 г.)). Реестр позволяет уточнить время постройки, фамилию архитектора, фамилию владельца, статус, по Генплану же можно определить только статус постройки:

- а) памятник федерального значения;
- б) памятник городского значения;
- с) рядовой объект исторической среды.

Далее следует работа с персональными данными владельцев, проводимая, как правило, с использованием биографических справочников и других источников генеалогического характера, а также тщательное визуальное обследование территории. И то и другое предполагает использование специальных приемов и методик.

Поскольку путь каждого исследователя отличается индивидуальными особенностями, абсолютно все нюансы работы исследователя по московскому материалу в короткой статье учесть чрезвычайно сложно. Апробация данной методики показывает ее обоснованность и достаточность. На основе информации, полученной в соответствии с данной методикой, составляется историческая справка по району, кварталу и домовладению старой Москвы.

Литература

1. Александров Ю.Н. Москва: диалог путеводителей. М.: Московский рабочий, 1985. 493 с.
2. Забелин И.Е. История города Москвы / Коммент. и послесл. М.Г Рабинович. М.: Репринт. воспроизведение изд. Кушнерев, 1995. 685 с.
3. Имена московских улиц / А.М. Пегов. М.: Московский рабочий, 1985. 464 с.
4. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исслед.

дования: В 3-х тт. М.: Московский рабочий, 1950–1954. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 624 с.

5. *Сытин П.В.* Откуда пошли названия московских улиц. М.: Московский рабочий, 1959. 368 с.

6. История Москвы с древнейших времен до наших дней. В 3-х тт. Т. 1: XII–XVIII века. М.: Мосгорархив, 1997. 432 с.

7. История Москвы: В 6-ти тт. М.: Академия наук СССР, 1952–1957.

8. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1983. 504 с.

9. Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4-х тт. / Автор-сост. П.Г. Паламарчук. 3-е изд., доп. М.: Астрель; АСТ, 2003–2005. Т. 1. 500 с.; Т. 2. 743 с.; Т. 3. 694 с.

10. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Московский рабочий, 1992. 318 с.

References

1. *Aleksandrov Yu.N.* Moskva: dialog putevoditelej. М.: Moskovskij rabochij, 1985. 493 s.

2. *Zabelin I.E.* Istoriya goroda Moskvyy' / Komment. i poslesl. M.G Rabinovich. М.: Reprint. vosproizvedenie izd. Kushnerev, 1995. 685 с.

3. *Imena moskovskix ulicz' / A.M. Pegov.* М.: Moskovskij rabochij, 1985. 464 s.

4. *Sy'tin P.V.* Istoriya planirovki i zastrojki Moskvyy'. Materialy' i issledovaniya: V 3-x tt. М.: Moskovskij rabochij, 1950–1954. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 624 с.

5. *Sy'tin P.V.* Otkuda poshli nazvaniya moskovskix ulicz. М.: Moskovskij rabochij, 1959. 368 s.

6. *Istoriya Moskvyy' s drevnejshix vremen do nashix dneij: V 3-x tt. Т. 1: XII–XVIII veka.* М.: Mosgorarxiv, 1997. 432 s.

7. *Istoriya Moskvyy': V 6-ti tt. М.: Akademiya nauk SSSR, 1952–1957.*

8. *Pamyatniki arhitektury' Moskvyy'. Kreml'. Kitaj-gorod. Central'ny'e ploshhadi.* М.: Iskusstvo, 1983. 504 s.

9. *Sorok sorokov: Kratkaya illyustrirovannaya istoriya vsex moskovskix xramov: V 4-x tt. / Avtor-sost. P.G. Palamarchuk. 3-e izd., dop. М.: Astrel'; AST, 2003–2005. Т. 1. 500 с.; Т. 2. 743 с.; Т. 3. 694 с.*

10. *Tixomirov M.N.* Drevnyaya Moskva XII–XV vv. Srednevekovaya Rossiya na mezhdunarodny'x putyax XIV–XV vv. / Pod red. S.O. Shmidta. М.: Moskovskij rabochij, 1992. 318 s.

E.E. Kuvshinova

The Methodology of Historical Research of Moscow City Center

The article is devoted to the methodology of historical research of the central districts of Moscow, which is directed to information collection about the cultural and historical environment in general and the importance of individual architectural objects. The general principles, methods, and specific methods of work are considered and the algorithm is devised. Which can be used as an opportunity to obtain detailed information on specific buildings in Moscow and their owners. The methodology can be used in educational and professional activities of historians, local historians and architects.

Key words: methodology; local history, the history of Moscow.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

**Е.В. Симонова,
А.С. Соколов**

**Рецензия на учебное пособие:
Кириллов В.В. История России:
учебное пособие для бакалавров.
5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2012.
663 с.**

Учебное пособие В.В. Кириллова предназначено для изучения истории России студентами вузов, обучающихся по неисторическим специальностям. Оно призвано стимулировать интерес к одной из важнейших дисциплин, формирующих гражданскую позицию, а также расширить базовые (полученные в школе) знания по данному предмету. Учебное пособие не только полностью соответствует заявленным требованиям, но и выходит за их рамки — может использоваться учителями средних общеобразовательных и профессиональных учреждений, гимназий, лицеев для преподавания отечественной истории.

Общая характеристика учебного пособия

Учебное пособие подготовлено кандидатом исторических наук, профессором, директором Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета В.В. Кирилловым, автором более 80 научных и учебно-методических пособий, которые пользуются большим спросом и популярностью как у преподавателей, так и студентов российских вузов. Пособие полностью соответствует требованиям ФГОС к базовой части гуманитарного, социального и экономического цикла, в результате освоения дисциплин которого, в частности истории, студент-бакалавр должен знать ее основы, способствующие развитию общей культуры и социализации личности, понимать причинно-следственные связи развития российского общества; закономерности исторического процесса, этапы исторического развития России, место и роль России в истории человечества и современном мире. Знать основные события отечественной истории, даты и имена исторических деятелей и их роль в развитии общества, уметь выражать и

обосновывать свою позицию по вопросам, касающимся ценностного отношения к историческому прошлому; понимать суть и многовариантность исторического процесса, место человека в историческом процессе и в организации общества, знать важнейшие категории и понятия истории, иметь представление об этапах исторического развития общества, путях сохранения и развития отечественных национально-культурных традиций, уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям. Развивать толерантность в восприятии социальных и культурных различий, умение понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, анализировать политические события и тенденции, ответственно участвовать в политической жизни, действовать в соответствии с Конституцией РФ, исполнять свой гражданский и профессиональный долг, руководствуясь принципами законности и чувством патриотизма.

Учебное пособие четко структурировано по хронологическому принципу в соответствии с общепринятой периодизацией, знакомой студентам со школьной скамьи. Однако данное учебное пособие выгодно отличает проблемный подход в изложении материала. В.В. Кириллов органично вписывает дискуссионные вопросы в контекст изложения известного исторического материала, например, представляя различные точки зрения дореволюционных, советских и современных исследователей на исторические события и процессы (возникновение государственности у славян, характер и последствия монголо-татарского владычества, сущность опричнины, результаты петровских преобразований и др.). Особенно хочется отметить разделы, посвященные социальной истории, как правило, практически не изучаемой в школьном курсе, но не менее важной для понимания исторических процессов, развивающихся в России. Заслуживает внимания тот факт, что в учебном пособии значительное внимание уделено вопросам развития культуры, науки, искусства в различные периоды отечественной истории.

Исторический материал в учебном пособии изложен понятно, доступным языком. Текст хорошо запоминается. Многие вопросы, которые в школьном курсе освещены кратко (а иногда и вовсе пропущены) и не совсем ясны из-за требований к структуре и объему школьных учебников, в данном учебном пособии благодаря таблицам и схемам изложены более четко (например, история общественного движения, отмены крепостного права, многих реформ, основных направлений внешней политики и т. д.). Все это делает учебное пособие универсальным, и практика показывает, что его с успехом используют в образовательных учреждениях разных типов для преподавания истории.

Научная система пособия

Учебное пособие полностью соответствует современному содержанию исторического знания. В.В. Кириллов опирается на работы известных российских ученых (Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского), представляя различные точки зрения и мнения по важнейшим событиям и процессам российской истории разных периодов. подача материала такова, что позволяет студенту

самостоятельно представить исторический процесс во всем его разнообразии и единстве, выявить причинно-следственные связи, охарактеризовать роль личности в истории. Методологической основой учебного пособия является принцип научной объективности, а также историзма, позволяющий установить причинно-следственную связь между историческими событиями. В учебном пособии использованы также сравнительно-исторический, историко-системный методы. Работа с данным учебным пособием позволит не только расширить кругозор студента, но и продолжить формирование его мировоззрения, широту восприятия исторических событий и явлений. Оптимизировать процесс обучения студенту помогают краткие биографические справки, посвященные общественным деятелям России.

Дидактическая характеристика пособия

Учебное пособие является пособием нового типа, включающим помимо исторических очерков развитой контрольно-обучающий аппарат, который нацелен на активное изучение и закрепление материала самостоятельно или под руководством преподавателя. В соответствии с требованиями ФГОС значительная часть учебного времени отводится на самостоятельную работу студентов. Данное учебное пособие позволяет с наибольшим эффектом организовать ее. Пособие насыщено разнообразными схемами и таблицами, связанными между собой и унифицированными по содержанию. Вследствие этого студент самостоятельно может не только комплексно изучить важные этапы исторического развития государства, но и в «долговременной» перспективе рассмотреть и осознать основные этапы и закономерности в развитии этих составляющих (например, только по экономическим реформам — от причин до результатов, которые для последующего этапа становятся предпосылками новых изменений, или по основным направлениям внешней политики, которые сохраняли преемственную связь на протяжении нескольких столетий — как это было в XVI–XVIII, XVIII–XIX вв. и т. д.).

Каждый раздел учебного пособия сопровождается контрольными вопросами, ответив на которые студенты будут готовы продемонстрировать сформированность компетенций, а также рекомендованной литературой для дополнительного изучения. Все это позволяет студентам не останавливаться на достигнутом, а развивать историческое мышление, формировать навыки аналитической деятельности (работы с научной литературой и источниками), ведения дискуссий, аргументирования своей позиции.

Предлагаемые задания и вопросы к параграфам и разделам носят практико-ориентированный характер, что также способствует формированию общекультурных компетенций. Сама структура учебного пособия и системность изложения материала показывает студентам путь логических рассуждений, методы анализа исторических событий, а таблицы и схемы учат структурировать и типологизировать исторические события и явления, сравнивать их между собой. К темам курса даются списки литературы по основным вопросам.

В заключение необходимо высказать ряд пожеланий. Данное учебное пособие — одно из лучших на современном рынке учебной литературы (которая входит в разряд основной и является обязательной для изучения). Необходимо расширить возможности доступа к нему как студентов, так и всех интересующихся российской историей, т. е. увеличить тираж издания. Данное учебное пособие могло бы стать основой мультимедийного продукта с широким иллюстративным рядом для изучения тем по культуре России в различные периоды.

Опыт показывает, что данное учебное пособие можно рекомендовать и студентам-бакалаврам, обучающимся по историческим специальностям, а также по направлениям подготовки «Педагогическое образование».

На международных конференциях: от студента до докторанта

За последние полтора года докторанты, аспиранты, магистранты и студенты кафедры всеобщей истории ИГН МГПУ приняли участие в крупных международных конференциях и круглых столах.

- 18 марта 2011 года они участвовали в заседании круглого стола «Инновационное партнерство России и ЕС в модернизации экономики, науки и образования», организованного на базе Российско-немецкой высшей школы управления РАНХиГС в содружестве с Институтом Европы РАН. Профессор кафедры всеобщей истории МГПУ, доктор исторических наук Е.Н. Пашенцев представил на круглом столе доклад на тему «Роль коммуникационного менеджмента в развитии взаимоотношений между ЕС и Россией».

- 7 апреля 2011 года в Российско-немецкой высшей школе управления РАНХиГС при Президенте РФ состоялся научно-практический семинар «Экономические, политические и культурные отношения Европейского Союза и России и их коммуникационное обеспечение». Были заслушаны два основных доклада: Информационные войны в бизнесе: опыт Евросоюза и России» (Е.Н. Пашенцев); «Коммуникационный аспект экономических взаимоотношений ЕС и России» (Марко Риччери, директор Института политических, экономических и социальных исследований (EURISPES, Рим).

- 15–17 июня 2011 г. в университете Кадир Хас (Стамбул, Турция) состоялся восьмой конвент CEEISA: «Мир после окончания “холодной войны”»: неравенство, конфликты и солидарность в XXI веке».

В рамках пяти рабочих групп секции «Коммуникационный менеджмент и проблемы международной безопасности» и двух ассоциированных рабочих групп прозвучало свыше тридцати докладов, среди которых — доклады руководителя, докторантов, аспирантов и студентов магистратуры «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» МГПУ: «Мировой экономический кризис, военная напряженность и медиа-войны в СМИ в Латинской Америке» (Е.Н. Па-

шенцев); «Новостной менеджмент Би-би-си в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991 г. в Ираке и войны в Косово 1999 г.» (А.А. Зудочкин, студент магистратуры); «Продвижение культурных и научных достижений Европейского союза в странах Латинской Америки посредством коммуникационного менеджмента: кризисная специфика» (О.С. Полунина, доцент кафедры массовых коммуникаций, докторант кафедры всеобщей истории МГПУ); «Информационное противоборство США и стран АЛБА в 2000–2008 гг.» (Е.А. Виноградова, студентка магистратуры); «Коммуникационное обеспечение политики Дж. Буша-мл. в отношении латиноамериканской диаспоры в США» (А.А. Филатова, студентка магистратуры); «Освещение Би-би-си экономического кризиса в России и Восточной Европе» (С.В. Зудочкина, аспирантка кафедры всеобщей истории МГПУ); «Коммуникационный аспект “оранжевой революции” в Украине» (А.С. Батова, аспирантка кафедры всеобщей истории МГПУ); «Коммуникационный менеджмент и проблемы международной безопасности в контртеррористической деятельности Европейского Союза и России» (Д.Ю. Базаркина, доцент кафедры массовых коммуникаций МГПУ им. М.А. Шолохова, докторант кафедры всеобщей истории МГПУ); «На тропе войны с терроризмом: освещение британскими и российскими СМИ последних терактов в России» (С.В. Зудочкина); «Коммуникационный менеджмент Европейского Союза в Интернете» (О.С. Полунина); «Террористическая пропаганда в Интернете в ЕС и России» (Д.Ю. Базаркина).

- 8–10 сентября 2011 г. В Университете города Лидс (Великобритания) состоялся ежегодный конгресс Европейской ассоциации по исследованиям и обучению в области связей с общественностью (The European Public Relations Education and Research Association — Eurpera).

Проблема стратегической коммуникации в региональной политике великих держав нашла свое отражение в докладе Е.Н. Пашенцева «Стратегические коммуникации США, России и Китая на латиноамериканском направлении в XXI веке: основные тенденции и особенности».

В постерной секции свое исследование «Контртеррористическая деятельность в ЕС и России: коммуникационный аспект» представила докторант кафедры всеобщей истории МГПУ Д.Ю. Базаркина.

- 8 ноября 2011 г. проф. Е.Н. Пашенцев провел международный семинар по программе латиноамериканских исследований Университета Хельсинки. Тема семинара — «Стратегические коммуникации США, России и Китая в отношении стран Латинской Америки». В более узком формате (на опыте России и Китая) эта тема была представлена в докладе Е.Н. Пашенцева на конференции «Дракон и медведь: Стратегический выбор Китая и России», организованной ведущим центром российских исследований в Северной Европе — Институтом Александери Университета Хельсинки.

- В ходе своего пребывания в Хельсинки проф. Е.Н. Пашенцев дал интервью Ботонду Вереб-Деру, редактору, представителю китайского медиахол-

динга «FutuVision». В интервью прозвучала оценка роли стратегической коммуникации во внешней политике ведущих стран мира.

- 11 апреля 2012 года в МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках секции «Связи с общественностью и теория коммуникаций» ежегодной международной конференции «Ломоносов – 2012» состоялась работа подсекции «Коммуникационный менеджмент», в которой приняли участие молодые исследователи из России и Германии.

Среди прочих докладов были заслушаны выступления молодых кандидатов наук, аспирантов, магистрантов и студентов МГПУ, посвященные актуальным проблемам коммуникационного менеджмента: Д.Ю. Базаркиной «Борьба с ультраправым терроризмом в странах Европейского Союза: коммуникационный аспект»; И.С. Барышева «БРИКС в освещении российских и мировых СМИ»; Е.А. Виноградовой «Личный КМ лидеров стран АЛБА в ЕС: технологии и практические результаты (на опыте президентов Венесуэлы, Эквадора и Боливии)»; М.Г. Зольновой «Роль межкультурной коммуникации в формировании положительного международного имиджа Швеции»; В.С. Кодиной «Цели, методы и средства пропаганды северян и южан в первый период Гражданской войны в США (1861–1863 гг.)»; С.С. Хизриевой «МИД Бразилии как один из каналов внешнеполитического коммуникационного менеджмента (2003–2011 гг.)»; С.В. Чукедова «Успехи и неудачи информационного противоборства между имперскими пропагандистами и антиимпериалистами в Великобритании конца XIX – начала XX в.».

- 24 апреля 2012 г. в Институте Латинской Америки Российской Академии наук состоялась конференция молодых ученых «Ибероамерика в глобализирующемся мире: проблемы и перспективы».

Свои доклады на конференции представили: аспирант МГПУ И.С. Барышев «Российско-бразильские отношения в постсоветский период», магистрант МГПУ Е.А. Виноградова «Коммуникационный менеджмент и поиск странами АЛБА стратегических партнеров в ЕС в начале XXI века».

- По приглашению Шведского института международных отношений (Стокгольм) проф. Е.Н. Пашенцев 25 апреля 2012 г. выступил с одним из двух основных докладов на семинаре «Политический коммуникационный менеджмент в России».

- 26–28 апреля 2012 г. в Стокгольме российские специалисты по коммуникационному менеджменту приняли участие в VI конференции НОЛАН (объединение латиноамериканцев Северной Европы). Коммуникационные аспекты политических, экономических и культурных вопросов все чаще оказываются в фокусе исследований. Так, доклады двух рабочих групп в рамках конференции были полностью посвящены практике коммуникационного менеджмента в Латинской Америке: «Левые политические партии и социальная мобилизация в Латинской Америке» и «Политическая коммуникация, СМИ

и социальные реформы в Латинской Америке». Работу групп координировали проф. Е.Н. Пашенцев и исследователь Центра кризисного управления КРИСМАРТ Шведского военного колледжа и кафедры восточноевропейских исследований Университета Упсалы д-р Грег Саймонз.

В ходе работы первой группы интерес и оживленную дискуссию вызвали доклады начинающих латиноамериканистов: И.С. Барышева, аспиранта кафедры всеобщей истории ИГН МГПУ о преемственности политического курса президента Бразилии Д. Руссеф; Е.А. Виноградовой, магистранта ИГН МГПУ об активности боливарианских кружков в России и Европе.

В рамках второй рабочей группы были заслушаны доклады: «Тенденции проблемы и перспективы стратегической коммуникации США и России в Латинской Америке»; Д.Ю. Базаркиной «Этно-религиозный терроризм в Евросоюзе и Латинской Америке»; О.С. Полуниной «Интерпретация политики социальной мобилизации левых партий в Латинской Америке в европейской прессе». Всего в конференции приняли участие специалисты более чем из 20 стран мира.

- 15–20 июля 2012 г. состоялся 54-й Международный конгресс латиноамериканистов (Вена, Австрия): «Построение диалогов в Америке». Доклад на тему «Латинская Америка и иранская проблема: обзор латиноамериканских и западных СМИ» представил аспирант МГПУ ИГН И.С. Барышев.

- 20–22 сентября 2012 г. в Ягеллонском университете (Краков, Польша) состоялся девятый конвент СЕЕИСА: «Границы в международных отношениях».

В рамках рабочих групп постоянной секции СЕЕИСА «Коммуникационный менеджмент в мировой политике и экономике» прозвучали доклады руководителя, докторантов, аспирантов и студентов магистратуры «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» МГПУ, посвященные актуальным проблемам роли коммуникационного менеджмента в политических процессах, государственном управлении и международных отношениях: Е.Н. Пашенцева «Стратегическая коммуникация России в Латинской Америке в условиях глобального кризиса», Д.Ю. Базаркиной «Коммуникационное обеспечение террористической деятельности ультраправых организаций ЕС»; Т.В. Чухровой «Коммуникационный менеджмент новых протестных технологий»; С.С. Хизриевой «МИД Бразилии как один из каналов внешнеполитического коммуникационного менеджмента (2003–2011гг.)»; Е.А. Виноградовой «Коммуникационный менеджмент и поиск странами АЛБА стратегических партнеров в ЕС»; М.Г. Зольновой «Роль межкультурной коммуникации в формировании положительного международного имиджа Швеции».

*Д.Ю. Базаркина, И.С. Барышев,
Е.А. Виноградова, О.С. Полунина*

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2012, № 2 (10)

Базаркина Дарья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова (bazarkina-icspsc@yandex.ru).

Барабанов Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (maxim112007@yandex.ru).

Барышев Игорь Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (lark-walk@mail.ru).

Васильева Татьяна Викторовна — соискатель НОУ ВПО Институт бизнеса, психологии и управления (vasileva@educom.ru).

Виноградова Екатерина Алексеевна — магистр истории, соискатель кафедры всеобщей истории МГПУ (vinogradova@mgpu.ru).

Гусева Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии Самарского филиала МГПУ (j.guseva@mail.ru).

Долгов Константин Александрович — соискатель Московского гуманитарно-экономического института (exis_d@mail.ru).

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ershova@mgpu.ru).

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (ivan1948@yandex.ru).

Карпачёв Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Karpa@mgpu.ru).

Когут Екатерина Викторовна — аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (nikia@mail.ru).

Корнилов Валентин Алексеевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ (Kornilov@mgpu.ru).

Кувшинова Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры отечественной истории МГПУ (kee.56@mail.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Пашенцев Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (icspsc@mail.ru).

Полунина Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций МГПУ (your_teacher@inbox.ru).

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Ryabov@mgpu.ru).

Симонова Елена Викторовна — доктор исторических наук, доцент, декан факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (E-Simonova@yandex.ru).

Скрыпников Андрей Васильевич — доктор исторических наук, профессор НОУ ВПО Институт бизнеса, психологии и управления (sav1509@mail.ru).

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, доцент заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета (falcon140770@yandex.ru).

Сучков Игорь Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Suchkov@mgpu.ru).

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ushakov@mgpu.ru).

Шириня Кирилл Кириллович — доктор исторических наук, профессор, пенсионер (Shirinja@mgpu.ru).

**Authors / MCTTU Vestnik,
Series «Historical studies», 2012, № 2 (10)**

Bazarkina, Darja Yur'evna — PhD in History, docent of Journalism department, Sholokhov MSHU (bazarkina-icspsc@yandex.ru).

Barabanov Maksim Valerievich — PhD in History, doctoral candidate of World History department, Sholokhov MSHU (maxim112007@yandex.ru).

Baryshev Igor Sergeevich — Post-graduate of World History department, MCTTU (lark-walk@mail.ru).

Vasilyeva Tatiana Viktorovna — Applicant for PhD, in NOU VPO Institute of Business, Psychology and Management (vasileva@educom.ru).

Vinogradova Ekaterina Alekseevna — Applicant for PhD of World History department, MCTTU (vinogradova@mgpu.ru).

Guseva Julia Nikolaevna — PhD in History, assistant professor of History and culturology department of Samara branch of MCTTU (j.guseva@mail.ru).

Dolgov Constantin Aleksandrovich — Applicant for PhD, in Moscow Humanitarian Economical Institute (exis_d@mail.ru).

Ershova Tamara Vitaljevna — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Ershova@mgpu.ru).

Zhiryakov Ivan Georgievich — Doctor of History, full professor, head of World History department, Sholokhov MSHU (ivan1948@yandex.ru).

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Karpa@mgpu.ru).

Kogut Ekaterina Viktorovna — Post-graduate of historical faculty of State academic university of humanitarian sciences (nikia@mail.ru).

Kornilov Valentin Alekseevich — PhD in History, full professor, head of History of Russia department, MCTTU (Kornilov@mgpu.ru).

Kuvshinova Elena Evgenjevna — assistant professor of History of Russia department, MCTTU (kee.56@mail.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor of World History department, MCTTU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Pashentsev Evgenii Nikolaevich — Doctor of History, full professor of World History department, MCTTU (icspsc@mail.ru).

Polunina Olga Sergeevna — PhD in History, docent of mass communication department, MCTTU (your_teacher@inbox.ru).

Ryabov Viktor Vasilievich — Doctor of History, full professor, president of MCTTU (Ryabov@mgpu.ru).

Simonova Elena Viktorovna — Doctor of History, docent, dean of the faculty of history and law of Tula state teachers' training university (E-Simonova@yandex.ru).

Skrypnikov Andrei Vasilievich — PhD of History, in NOU VPO Institute of Business, Psychology and Management (sav1509@mail.ru).

Sokolov Aleksandr Stanislavovich — Doctor of History, docent, head of History and Philosophy department of Ryazan state university of radio engineering (falcon140770@yandex.ru).

Suchkov Igor Viktorovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Suchkov@mgpu.ru).

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, professor of MCTTU (Ushakov@mgpu.ru).

Shirinja Kirill Kirillovich — Doctor of History, professor, pensioner (Shirinja@mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Key words*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (10), 2012

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Л.Ю. Ильина

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 31.10.2012 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем: 8,75 усл. печ. л. Тираж: 1000 экз.